

СПАСТИ ЗОЛОТОГО ДРАКОНА - 2,3,4

Анастасия Керт Енодина

Анастасия Керт

Спасти Золотого Дракона - 2,3,4

«Литнет»

2019

Керт А.

Спасти Золотого Дракона - 2,3,4 / А. Керт — «Литнет», 2019

ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ (БЕСПЛАТНОЙ) ЧАСТИ =) Часть
"Отверженный": Это история о том, каким был и каким мог бы стать Лайгон. О его приключениях в Валинкаре, о истории появления этого мира и о сложным выборе между смертью и предательством. Часть
"Чужая игра": Маг оказывается втянутым в чужую игру: войну, которая не должна его касаться. Двум валинкарцам предстоит встретиться, и не каждый из них готов к этой встрече. Сумеет ли Феронд рассказать брату обо всём, что известно едва ли не ему одному? Сумеет ли Лайгон понять и простить его, усмирить ненависть и не впутать в личную вражду тех, кто окажется рядом? Часть "Проклятье Шарафатдина": Лайгон уже начал забывать, каким был когда-то, но однажды прошлое напомнит о себе и принесёт немало проблем. Ему придётся нелегко...

© Керт А., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Часть "Отверженный" Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16	58
Глава 17	66
Глава 18	73
Глава 19	76
Глава 20	84
Глава 21	92
Глава 22	95
Глава 23	99
Глава 24	105
Глава 25	108
Глава 26	112
Глава 27	115
Глава 28	123
Глава 29	127
Глава 30	130
Глава 31	135
Глава 32	139
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Часть "Отверженный" Глава 1

ЧАСТЬ 1 ДАВНО И НЕПРАВДА

ГЛАВА 1 - о буднях валинкарской жизни Лайгона

- Лайгон, - голос Лаивсены звучал деланно капризно и немного обиженно. - Тебе что, особое приглашение нужно?

Стройный молодой человек с тёмными короткими волосами и острыми чертами лица оторвался от чтения книги, доброжелательно посмотрев на сестру своими светло-зелёными глазами.

- Да, мне нужно особое приглашение, - улыбнулся он наигранно виновато. - Как обычно. Могли бы и привыкнуть уже...

Высокая девушка с тяжёлой темноволосой косой не смогла сдержать улыбки в ответ, но всё же фыркнула для порядка и ушла прочь, хлопнув дверью. Мужчина знал, что она не злится на него. Лайгон удивлял её своими странными привычками, не присущими больше ни одному валинкарцу. Взять для примера хотя бы то, что он читал книги. Тысячелетиями они пылились в подполе, пока однажды юный Лайгон не отправился туда за бутылкой вина и не обнаружил книжные полки. Это было не так давно, и потому интерес к чтению не угасал, а, наоборот, разгорался сильнее.

Лайгон сладко потянулся и отложил книгу в сторону. Надо было идти ужинать. Он отказывался понимать, почему должен питаться за одним столом со всеми, если всё равно никогда не разговаривает во время трапез и, более того, не слушает, о чём говорят остальные. Молодой мужчина задавал этот вопрос часто, причём всем подряд: сестре, брату, отцу и матери. Все давали ему толковые ответы, но ни один не казался Лайгону убедительным.

- Потому что ты мой брат! И мы всегда должны быть рядом! - говорил его брат Феронд.

- Потому что твой отец - правитель Валинкара, и это традиция - ужинать всем вместе, со своим народом, - поясняла Элара, мать Лайгона.

- Потому что это прекрасно - собраться вместе и обсудить прожитый день! Неужели тебе не интересна жизнь своего народа? - недоумевала от его вопросов сестра.

- Потому что все мы - одна семья, - терпеливо отвечал отец, Мэггон. - Валинкар не так уж велик, и потому мы должны жить сплочённо, поддерживать и помогать друг другу. И я, как правитель, должен первым узнавать обо всём. И проще всего это делать за ужином, когда легко заметить, кто и как на кого смотрит. Тебе тоже следует научиться этому, ведь однажды на трон взойдёшь ты, а в тебе напрочь нет дипломатических способностей!

И Лайгон никак не мог растолковать им, что на трон он вовсе не собирается, чтить традиции через силу не намерен, а что касается единения с народом, так тут вообще беда: он не чувствовал себя частью этого общества, где лучшими развлечениями были добрая драка или сытый ужин, а иногда, по праздникам, разгульное шумное веселье. Самое обидное, что в этом находил молодой мужчина, так это то, что каждый житель Валинкара обладал зачатками магических способностей, но ни один не стремился развить их. Мэггон, по слухам, которые сам он не подтверждал, был весьма сильным магом. И он даже обучал магическим навыкам своих детей. Но этого было мало. По крайней мере, Лайгону, который хотел быть магом и считал себя магом, пусть пока и неумелым. Но ему было всего чуть больше тридцати, а для валинкарца это было ничтожно малое время, ведь продолжительности жизни этого народа исчислялась тысячелетиями.

Нехотя мужчина поплёлся к залу, из которого доносились голоса и громкий смех. Почему валинкарцы такие? В этом прекрасном мире и после прочтения о других мирах все сородичи казались Лайгону какими-то недалёкими и неинтересными. Он замедлил и без того неторопливый шаг, останавливаясь у двери. Хмельной запах медового пива манил зайти и разделить

трапезу с сидящими в зале. Мужчина вздохнул, постарался принять весёлый и доброжелательный вид и открыл дверь.

Пришлось пройти мимо всех: его место пустовало на противоположном от двери конце длинного стола. Одни валинкарцы не замечали Лайгона, занятые своими бестолковыми разговорами, другие приветствовали, и ему приходилось вежливо кивать, отвечая неискренней улыбкой. Наконец, он достиг своего места и уселся между Лаивсеной и Ферондом.

Сидящий по правую руку брат усмехнулся и по-доброму спросил:

- Неужели так сложно хоть раз прийти вовремя?

- Будь это не сложно - я бы не опоздал, - ответил Лайгон, приветливо кивая девушке, сидящей рядом с Ферондом: - Здравствуй, Брва!

- Здравствуй, Лайгон, - обворожительно улыбнулась она и спросила: - Как прошёл день?

- Ты спрашиваешь об этом каждый вечер, - заметил маг. - И что я каждый раз отвечаю тебе?

- Ты каждый раз в ответ спрашиваешь, действительно ли мне интересно, - улыбнулась девушка с тёмно-рыжими длинными волосами. - И я всегда отвечаю, что нет.

- Тогда зачем снова задавать мне вопрос, ответ на который тебе не интересен? - усмехнулся он.

- Это традиция, Лайгон! - воскликнула Брва и закатила глаза.

Маг смотрел на неё и не мог понять, каким образом его брата угораздило влюбиться в эту глупую девушку. Да, она была красива, но практически все валинкарцы красивы. Элара учила своих детей, что любить надо не за внешность. Но кроме внешности Лайгон, хоть убейте, не видел в рыжеволосой бестии ничего примечательного. А ещё она постоянно пыталась завести разговор с ним, словно отказываясь замечать, что он улыбается ей только, чтобы не злить Феронда и, будь его воля, не удостоил её даже взглядом.

- Хорошо, Брва, - вздохнул он, так как девушка смотрела на него в ожидании, когда он заговорит. - Я отвечу тебе. И по традиции ты должна смотреть на меня и слушать мой ответ, - Брва подпёрла голову рукой и с лукавым прищуром посмотрела на мага. - Итак, мой день прошёл неплохо. Если бы к вечеру меня не позвали сюда, то вообще всё было бы прекрасно. Даже несмотря на то, что с самого утра Феронд вынудил меня отправиться с вами на фестиваль холодного оружия, и я даже пошёл, как ты помнишь. Но смотреть на кривляющихся с мечами и топорами валинкарцев мне надоело быстро, и я смог улизнуть... Спорим, ты никогда не гуляла по пустующему дворцу? Не слушала собственные шаги, отражающиеся гулким эхом от стен? - он заметил, что девушка начинает смотреть на Феронда, и окликнул её: - Эй, Брва, ты слушаешь? - она перевела укоризненный взгляд на Лайгона, и тот заметил, как Феронд ласково и насмешливо погладил Браву по спине. - Я же не рассказал тебе про мой день! Ладно, я буду краток... на этот раз. Ну, так слушай: я успел искупаться в озере, поваляться пол лучами Светила, обгореть от лучей Светила, потренироваться исцелять свою кожу, потерпеть неудачу в исцелении своей кожи, углубиться в изучение истории и природы магии, чтобы понять, отчего она такая неукротимая, и ещё бы, наверно, что-нибудь мог успеть, но пришла Лаивсена и позвала к вам...

- Я приходила к тебе несколько раз! - заметила сестра, заставляя мага повернуться к ней. - И ты соизволил прийти лишь на третий!

- Извини, - просто ответил Лайгон. - Первые два обращения я прослушал... Кстати, кажется, ты звала меня ужинать, а не болтать, - с этими словами он потянулся рукой к птичьим крылышкам с зажаренной корочкой, что аппетитной уже слегка разобранной пирамидкой вышались на фарфоровом блюде.

Сестра легонько хлопнула его ладонью по колену и поставила перед фактом:

- Ты не будешь есть руками.

- А ты мне помешай, - добродушно усмехнулся он, вытаскивая крыло из нижнего ряда, отчего верхние покосились, превращая пирамиду в бесформенную кучу.

Лайгон с наигранным наслаждением откусил кусочек, предварительно повертев добытое крылышко в руках.

- Ммм, очень вкусно, - заметил он и, улыбаясь уголками губ, протянул Лаивсене: - Хочешь попробовать? - она покачала головой и отвернулась, пряча улыбку. - Ну, как хочешь, - пожал плечами маг и продолжил кушать молча.

- Ты ведёшь себя непочтительно, - шепнул на правое ухо Феронд.

- Да брось! - отмахнулся Лайгон. - Все болтают, каждый о своём, им нет дела до того, как и что я ем. Так зачем тогда мне соответствовать правилам и поддерживать традиции? - он заметил, что Феронд готов начать отвечать на этот риторический вопрос, и поспешил добавить: - Да, можешь не напоминать. Трон, наш отец - правитель, мы и народ Валинкара едины... Я всё понял, - старательно дожёвывая мясо, сказал он. - Давно уже понял. Так что не утруждай себя и не мешай мне ужинать.

Младший брат улыбнулся Лайгону, ничуть не осуждая его. У него была занятная привычка уличать мага в несоответствии нормам поведения, но при этом делать это добродушно и словно с каким-то скрытым восхищением. Лайгону постоянно казалось, что Феронд хотел бы быть таким, как он. Хотел бы понимать его действия, так же не бояться косых взглядов и совершенно не считаться с мнением большинства. Но Феронд не мог так. Потому что он был частью этого самого большинства. Он был достойным валинкарцем. Таким, каким и должен быть сын правителя и любимец народа. Добрый, сильный, открытый, любящий Валинкар со всеми его традициями и прекрасно владеющий всеми видами холодного оружия.

Кроме того, Феронд был хорош собой. Главным украшением его лица был нос. Идеально прямой, не слишком крупный, но сильно выступающий и с длинным кончиком. Мужчина был высокий, с широко расставленными карими выразительными глазами и тёмно-каштановыми густыми волнистыми волосами, спадающими на плечи. Подтянутое тело и рельефные мышцы выдавали его физическую силу. Феронд был в отличной форме, и не всякий валинкарец решился бы тягаться с ним один на один. Пожалуй, во внешности его существовал лишь один незначительный недостаток, который, тем не менее, сразу бросался в глаза: излишне чёткая носогубная складка с левой стороны лица, которая приобретала явные очертания даже при малейшем намёке на улыбку, и от это придавало его лицу некоторую асимметричность. Этому своему изъяну он был обязан привычной кривой усмешке, при которой приподнимался именно левый уголок губ.

Они с Лаивсеной были явственно похожи: такие же скулы, тонкие губы, разрез глаз и открытая приветливая улыбка. Только волосы у девушки были в несколько раз длиннее и светлого оттенка. Она тоже соответствовала всем правилам и тоже не пыталась давить на старшего брата и пытаться переделать его. Всегда делала вид, что хочет, чтобы он изменился, но Лайгон каждый раз видел, что его странности забавляют её.

Конечно, он был не таким, как его брат и сестра. Он вообще был не таким, как все валинкарцы. Даже внешне Лайгон не походил на них. Стройный, даже худощавый, не терпящий длинных волос, бород и усов, в которых застревали крошки от еды, он бросался в глаза, но не считался красавцем, хотя при этом влюблённые взгляды на себе ловил часто. Светлые зелёные глаза тоже были редкостью. В основном встречались кареглазые валинкарцы или обладатели тёмно-зелёных глаз. А ещё Лайгон не умел сражаться. Легко мог бы научиться, но не видел в этом смысла, как и во многом, что пытались навязать ему традиции Валинкара.

Ужиная, он искоса смотрел на Элару, которая с улыбкой наблюдала за тем, как он азартно поглощает пищу, не отвлекаясь на беседы. Мэггон внимательно слушал своего приятеля и громко смеялся над его рассказом. Справа Феронд уже увлёкся болтовнёй с Бравой, а слева Лаивсена строила глазки Гринору, приятелю Феронда, который сидел практически напротив.

Мужчина этот хоть и был красив и силен почти как Феронд, у Лайгона вызывал стойкую неприязнь без намёка на хоть какое-то уважение. В принципе, ничего плохого сидящий напротив мага статный мужчина ему не сделал, хотя их неприязнь была взаимной и корнями уходила куда-то в детство, потому как с того самого времени Гринор считал Лайгона недостойным сыном Валинкара. Правда, Феронд редко позволял ему высказывать своё отношение к брату.

Насытившись, маг попытался незаметно скрыться, но сестра поймала его за запястье, не дав уйти по-тихому.

- Ты куда? - спросила она нарочито серьёзно.

- Тебе правду сказать? - приподняв одну бровь, усмехнулся Лайгон, и его запястье было освобождено, а Лаивсена бросила на него смеющийся взгляд, и снова принялась делать вид, что не смотрит на Гринора.

Глава 2

Лайгон лежал на траве и смотрел в небо. Прекрасное, необъятное, такое далёкое и в то же время столь близкое. Оно заставляло восхищаться и практически принуждало мечтать. О чём? Он и сам не знал, чего хочет. Разве что стать сильным магом. Но это было скорее не мечтой, а просто желанием, для исполнения которого следовало просто упорно трудиться. Но терпения и усидчивости магу не хватало: при первых неудачах он задавался одним простым вопросом «Зачем?». Ну, станет он великим магом, может, как Мэггон, может сильнее, и что? Куда в этом мире, ограниченном кольцом высоких гор, можно потратить свои силы? Хотелось созидать. И причём нечто прекрасное и желательно в каком-нибудь другом мире. Ведь небо над головой такое огромное, что не может оказаться так, что все книги лгут и, кроме Валинкара, миров нет. Маг решил спросить об этом у отца при случае.

Безмятежное времяпрепровождение было прервано. Шаги приближались к Лайгону, и он уже не мог поистине наслаждаться, а просто смотрел на звёзды, полосы звёздной пыли и ближайшие планеты.

- Что ты там видишь? - спросила Лаивсена, присаживаясь рядом с братом.

Лайгон ухмыльнулся и немного приподнялся на локтях. Ну конечно, Лаивсена и Феронд - а кого, он, собственно, ещё мог увидеть? Кто бы, кроме этих двоих, решил отыскать его во время пиршества? Молодой мужчина откинулся спиной на траву и честно ответил:

- Звёзды, созвездия, небесные светила...

- Всё хорошо? - спросил Феронд, и Лайгон отлично знал, что означает этот серьёзный тон.

Он означал желание найти обидчика, если таковой есть, и поставить его на место. Лайгон широко улыбнулся: его забавляло стремление младшего брата опекать его. Да, он не самый сильный из жителей Валинкара, и по его комплекции это видно сразу, но особенного дискомфорта от этого он не испытывал никогда. Все знали, что рядом всегда есть Феронд, с которым связываться не желал никто. Это тоже забавляло Лайгона.

- Перестань, - ответил он. - Я просто не люблю шумные посиделки, ты же знаешь...

- Тебе правда нравится пилить в небо посреди ночи? - Феронд никак не мог привыкнуть к странностям своего брата, которые одновременно восхищали и вызывали тревогу.

- Ну да, - с усмешкой ответил тот. - А тебе правда нравится напиваться на пиршествах и мериться силой со всякими выскочками?

- Ну да... - не найдя достойного ответа, признался Феронд.

- Эй, - Лаивсена шутливо ткнула пальцем лежащего на земле Лайгона в бок. - А научи меня?

- Чему тебя научить? - он тепло посмотрел на неё, продолжая улыбаться.

Ему нравились попытки сестры понять его и испытать те чувства, что испытывает он. Лайгон догадывался, что всё это будет безрезультатно, но всё равно было приятно. Феронд постоянно был готов прийти на помощь, если требовалась физическая сила, а Лаивсена вечно принимала участие в его духовной жизни, хоть ничего в ней и не понимала.

- Научи видеть то, что видишь ты! - просто ответила она.

Феронд улыбнулся и тоже устроился на траве рядом с ними.

- Давай, объясни нам, в чём смысл? - поддержал он сестру и выжидающе уставился на брата.

- Я не знаю, как вам объяснить... - честно сказал Лайгон, разглядывая небосвод, усеянный ночными светилами и какими-то поясами из звёздной пыли. - Вон та синяя полоса бывает видна нечасто и недолго, а вон ту огненно-рыжую мне приходилось видеть лишь несколько раз в жизни... Разве это... не прекрасно?

- Это прекрасно, - согласился Феронд. - Но зачем смотреть на них так долго? Они не динамичны... можно посмотреть и пойти дальше...

- Дальше - это биться на мечях или ужинать с народом? - уточнил маг. - Да, ты прав, в этом смысла намного больше, чем в моём занятии.

Лаивсена строго глянула на Феронда:

- Если он смотрит, значит, смысл есть! - она посмотрела на улыбающегося Лайгона. - Скажи, о чём ты думаешь, глядя на них?

- Не знаю, - пожал плечами он. - Наверно, ни о чём и обо всём сразу... То есть не о чём-то конкретном, а о... - он рассмеялся, поймав на себе выразительные непонимающие взгляды двух пар карих глаз. - Идите во дворец, я догоню!

Было бесполезно объяснять им своё поведение, и это вовсе не обижало молодого мужчину. Напротив, это веселило. Эти двое так искренне пытались его понять, что он сам запутывался быстрее, чем мог сформулировать что-то дельное.

- Ты точно придёшь? - переспросила Лаивсена, мигом забывая про звёзды.

- Точно приду, - вздохнул Лайгон.

Иногда проще было пойти на компромисс, чем доказывать, что здесь, на пустом поле, ему вовсе не скучно и не одиноко, а вот как раз за столом в зале ему будет именно так.

Глава 3

Сколько раз уже Мэггон собирал своих детей в этом зале. Пустой, холодный, сумрачный - он навевал тоску, и в то же время позволял обостриться всем чувствам, словно таил в себе какую-то опасность. Лаивсена вечно казалась напуганной, заходя сюда, и старалась держаться ближе к Лайгону. Она отлично знала, что в магии он сильнее Феронда и рассчитывала именно на его поддержку.

Лайгон тоже ощущал себя странно в этом зале. Низкий, необычайно низкий по сравнению с другими помещениями в Валинкаре, потолок. Отсутствие узоров на полу, голые стены, которые, наверно, даже не обрабатывались - просто шершавая поверхность камней. Странно было находиться здесь. Словно... под землей, словно... в цельном камне. Для чего вообще кому-то понадобилось создавать такой угрюмый зал, было неясно, и сколько Лайгон ни пытался вызнать об этом у Мэггона, тот всегда отвечал невнятно. То ли сам не знал, то ли говорить не хотел.

Так или иначе, все попытки отца научить своих детей пользоваться магией неизменно проходили в этом зале. Сам Мэггон любил его. Ему нравился этот холод и мрачность, нравились величие природных камней, по шершавой поверхности которых он часто нежно проводил ладонью, словно припоминая что-то давнее. Лайгон часто смотрел на Феронда, не понимая, как он умудряется оставаться столь безразличным. Казалось, младшему брату было вообще без разницы, где упражняться в магии, лишь бы поскорее эти тренировки закончились, и можно было отправиться махать мечом и кулаками.

Лайгон старательно пытался выполнить то, что от него требовалось: зажечь в воздухе огоньки, чтобы осветить зал. Пустяковая магия. Собрать из воздуха необходимые части, вылепить из них шар и вдохнуть в него энергию, которая сможет дарить свет. За годы, что Мэггон обучал этому, Лайгон мог сотворить такое за пару минут, но смысла в этом решительно не находил. Освещённый Валинкар не был тёмным, как этот зал. Днём на небе было Светило, а день длился намного дольше, чем ночь. Ночью небо озарялось мерцающим светом звёзд, и никакие облака не могли помешать свету пролиться на спящий Валинкар. И всё же маг послушно создал светящийся шар и отправил его на потолок. Мэггон посмотрел на старшего сына с гордостью, на что тот улыбнулся и привалился спиной к стене, готовясь наблюдать за нудными бестолковыми попытками брата и сестры создать хоть что-то.

Как же это надоело Лайгону за эти годы. Одно и то же. Из раза в раз. Хотя нет. Как-то Мэггон учил передвигать предметы с помощью энергии. И у Феронда с Лаивсеной в этом что-то получалось. Они довольно быстро освоили перемещение нетяжёлых вещей, и, казалось, Мэггон счёл, что им удастся и более сложная магия. Но он ошибся. Она удалась лишь Лайгону, и он был обречён скучать на этих тренировках, пока его брат и сестра не достигнут его уровня. Тоска.

Лайгон смотрел на Феронда, видел, что тот искренне старается, но ничего у него не получается. Он не мог выделить нужные составляющие из окружающего пространства. По той простой причине, что не мог *замечать* эти составляющие, не мог почувствовать их и понять, какие именно необходимы. Для юного мага это было странным и непонятным, но он видел, что Феронд не прикидывается, что действительно ничего не может сделать.

Лаивсена смотрела за тщетными стараниями своего брата и покусывала свои губы. Ей не хотелось быть следующей, не хотелось тратить впустую столько усилий, не хотелось вообще обладать магическими способностями больше, чем она уже обладала.

Лайгон заметил состояние сестры и решил прийти на помощь единственно верным способом: заговорить Мэггону зубы. Это у него всегда получалось отлично. Он вечно находил, с чего начать разговор, всегда умел оставить за собой последнее слово, доведя собеседника до

логического тупика. Лайгону каждый раз удавался этот трюк, когда надо было сбить отца с толку. Он в совершенстве умел просто о чём-то говорить, придираться к словам, настаивать на своём. Причём делал это не из вредности. Мужчина всегда выбирал интересную для себя тему и пытался что-нибудь полезное вывести при подобных разговорах.

Вот и сейчас, глядя на мрачную Лаивсену, он решил действовать. Быстренько прикинув, с чего стоит начать, он глянул на хмурого отца, который был явно расстроен тем, что не все его дети такие усидчивые, как старший сын.

- Отец, почему ты учишь нас какой-то ерунде? - без обиняков спросил Лайгон у Мэггона.

Седобородый, седовласый и седоусый мужчина тихо рассмеялся, глядя на старшего сына смеющимися глазами:

- А чего бы ты хотел познать?

- Магию, - ответил маг. - Не такую, которой учишь ты. Ведь она нужна не только для того, чтобы умерщвлять птиц и готовить их, не только, чтобы быт не тяготил нас... Магия - она...

- Многогранна, Лайгон, - закончил за него отец.

Он посмотрел на Феронда и Лаивсену с улыбкой. Его младшие дети совершенно не понимали, о чём говорил их брат. Они смотрели с интересом, но им просто было интересно наблюдать. Обсуждай Мэггон с Лайгоном меню на обед, эти двое смотрели бы и следили за общающимися с такими же лицами, как и сейчас. Правитель Валинкара перевёл взгляд на Лайгона. Как же он любил этого странного валинкарца! В нём было то, чего не было и просто *не могло* быть в самом Мэггоне, но чему он всегда завидовал белой завистью. Определённо, старший сын был ему ближе и дороже. То, что все вокруг считали его странным, не мешало Мэггону оставаться при своём мнении. Правитель видел в Лайгоне куда больше, чем кто-либо другой мог разглядеть.

- Магия, - решил рассказать он свои наблюдения. - Может быть очень разной. Ты ведь знаешь об этом из книг, а твой брат и сестра наверняка знают от тебя. Но все возможные проявления магии лично для меня делятся на два типа: магия во зло и магия во благо. Самое трудное в этом, что не всегда понятно, где грань между добром и злом.

- Это не отвечает на вопрос... - начал Лайгон, но отец перебил его:

- Отвечает. Я учу вас уметь пользоваться своей силой. Пока в мелочах и в быту... Потому что вы ещё слишком молоды... Вы горячи и самонадеянны, а потому не всегда верно сможете понять, где добро, а где нет. Жизнь длинна, и со временем вы познаете мир, себя, научитесь взаимодействовать с другими валинкарцами и понимать их... И с вашим опытом, с вашими знаниями возрастёт и ваша сила.

Он не стал говорить, что чувствует в Лайгоне мощный потенциал. Силу, с которой нужно работать долго и осторожно, чтобы она не вырвалась на свободу раньше времени и не натворила бед. Мэггон был уверен, что однажды его сын станет величайшим магом, по сравнению с которым все те, о ком этот зеленоглазый юноша читал в книгах, покажутся жалкими волшебниками, способными лишь на примитивное волшебство.

- Скажи, отец, - обратился к нему маг. - Ты ведь могущественнее и умнее всех валинкарцев, неужели тебе нравится, что ты сидишь на троне и не используешь свои возможности?

- Знаешь, Лайгон... Именно твоё появление в моей жизни заставило меня пересмотреть многие вещи, - признался Мэггон. - Я познал, что нельзя пользоваться своими способностями, не подумав обо всех возможных последствиях. И примерно тогда же понял, что просчитать всё невозможно. С тех пор Валинкар стал закрытым миром.

- Закрытым миром? - переспросил Лайгон, подозрительно прищуриваясь. - Что это значит? Наш мир плоский и имеет вполне чёткие границы... Что находится за горами?

- Космос, - ответил правитель Валинкара. - За горами находится космос. Примерно такой, как небо, на которое ты так любишь смотреть.

Маг понял, что ему удалось зацепиться за что-то любопытное, и поспешил спросить:

- Ты видел его? Был в горах?

- Нет, я не был там, - ответил Мэггон. - И нечего там делать. Горы - бесплодные камни, холодные и величественные. Лишь издали они манят, но стоит подойти поближе, и вы увидите, что это просто камни...

- Ты не ответил, - одёрнул его Лайгон. - Что значит «Валинкар стал закрытым»?

- Это значит, никто не покидает его, - ответил отец, серьёзно посмотрев на сына и раз-вернулся, бросив: - На сегодня магии хватит, - потом обернулся на опешивших Феронда и Лаивсену и улыбнулся им: - Ваш брат способен заставить думать кого угодно. Вы молодцы сегодня, развлекайтесь и не берите в голову то, что услышали.

Лайгон смотрел вслед удаляющемуся Мэггону с улыбкой. Получилось. Наконец получилось вытянуть из правителя хоть что-то любопытное. Он чувствовал, что ему недоговорили многого, но всё же это было лучше, чем ничего.

В единственной книге, где была описана история Валинкара, половина страниц была истлевшей. Как раз та самая, интересная часть. Чтобы узнать об отце чуть больше, как о маге. Но книга содержала лишь совсем древнюю историю, от знания которой, казалось, и смысла-то не было.

- Лайгон, - обратился к нему Феронд. - Ты чего прицепился к горам?

- Хочу побывать там, - отозвался маг. - Живём тридцать лет в этом небольшом мире, а в горы ни разу не совались...

- Отец же сказал, что они не интересны.

- А ещё он сказал, что наш мир «стал закрытым». А это значит, что некогда он был открытым, понимаете?

- Нет, - признался Феронд, и Лаивсена тоже отрицательно помотала головой.

Лайгон вздохнул, устало взъерошив рукой свои короткие волосы.

- Раньше валинкарцы могли покидать Валинкар. Но никто не говорит об этом. В чём причина?

- Опасность, - предположила сестра.

- Да, но, если есть опасность - почему не предупредить нас о ней? А главное - как валинкарцы покидали наш мир?

- А ещё: куда они его покидали и для чего? - добавила свои вопросы Лаивсена, вопроси-тельно глянув на Феронда, словно тот мог знать ответ.

Мужчина заметил, что и Лайгон выжидающе смотрит на него.

- Ты же много читаешь, - сказал ему Феронд. - Скажи, правда, что есть другие миры?

Лайгон слегка улыбнулся. Брат считал, будто он знает всё, раз читает и смотрит по ночам в небо. Он ответил неопределённо:

- Не могу сказать точно, но, судя по книгам, да, есть. И немало.

Лаивсена заглянула ему в глаза, проверяя, не врёт ли. Видимо, решила, что не врёт, потому что спросила:

- А правда, что в тех мирах такие, как мы, называются богами? Помнишь, мать рассказывала?

- Да, правда, - кивнул Лайгон. - Чтобы тебя приняли за бога, в некоторых мирах доста-точно уметь хоть что-то, чего не умеют другие, а так же иметь способность вовремя исчезать.

Девушка недоверчиво глянула на него:

- То есть ты или я смогли бы быть богами?

- Да, и весьма недурными, - усмехнулся Лайгон. - Только толку в этом нет. Какой смысл быть у руля тех, кто намного слабее тебя? Это как быть лучшим из худших - утешение для недалёких болванов.

- То есть все боги были болванами? - изогнула бровь сестра.

- Большинство, - ответил мужчина. - Были и те, кто следил за мирами, был пастырем людей или представителей других рас... Но представь, как это муторно... Или какой силой нужно обладать, чтобы это было не муторно... Нам с тобой такое не потянуть, - он широко улыбнулся. - Максимум: станешь божком, которому будут поклоняться...

Феронд пожал плечами, показывая, что его вся эта муть не интересует, но в принципе он не видит ничего плохого в том, чтобы быть божком, которому поклоняются. Он напомнил:

- Элара рассказывала, что некоторым богам приносят жертвы. Ты мог бы принимать подношения в виде старинных книг.

- И как я сам не додумался! - Лайгон наигранно хлопнул себя ладонью по колену и рассмеялся. - В таком случае, я уже чувствую себя богом - мне не хватит столетий, чтобы хотя бы пролистать все те книги, что пылятся в подвалах Валинкара.

Глава 4

Лайгону казалось, что каждое утро начинается одинаково. Чёткого распорядка дня не было, но после завтрака все валинкарцы занимались своими делами. У тех, кто прожил не одну сотню лет, было какое-то занятие, важное для общества, а вот юные валинкарцы предоставлялись практически самим себе. Если недавно проходило какое-нибудь состязание, то мужчины отходили от него несколько дней. А потом принимались готовиться к следующему. Скукота смертная, особенно для того, кому дела нет до физических тренировок.

Мужчина долго сидел в своей комнате, пытаясь познать тайны магии, но получалось бесполезно. В итоге голова его разболелась, и он решил пройтись. Особенно много вариантов, куда направиться, у него не было. На улице шёл дождь, причём какой-то неприятный, под который совершенно не хотелось выходить. Страдая от безделья, маг поплёлся к брату. Он отлично знал, где его найти в такое время суток.

Идея прийти именно к нему оказалась не лучшей. Лайгон уже битый час наблюдал за Ферондом, который отрабатывал удары на специальном снаряде. Мужчина работал кулаками резко, быстро и хлестко, при этом не забывая вкладывать силу в удары. Его длинные волосы выглядели грязными от пота, и рубашка тоже взмокла. Лайгон смотрел на брата с усмешкой, а потом, используя все свои магические силы, сделал то, чего Феронд никак не ожидал, а именно: снаряд, установленный на мощной пружине, отклонился от удара мужчины, отчего тот чуть не упал, поскольку подался всем корпусом вперёд и на подвох не рассчитывал. Удержало его то, что он опёрся на снаряд, навалившись на него, но удержало ненадолго: тот тут же сбросил с себя валинкарца, при этом сделал это с силой и проворностью, так что мужчина оказался на полу.

Маг, хоть и потратил на этот фокус почти все свои силы, задорно рассмеялся. Феронд поднялся с пола, откидывая с лица налипшие на него пряди волос, и серьёзно спросил:

- Тебе смешно?

- Ага, - подтвердил Лайгон. - Как видишь. Не обижайся... Просто у тебя был такой сосредоточенный вид, будто ты занят важным делом. Я не удержался.

Феронд улыбнулся, видя, что маг не хотел обидеть его и предложил:

- Давай хоть потренируемся!

- Зачем? - удивился маг. - Я в состязаниях участвовать не собираюсь... А если и соберусь, то это будет точно не в ближайшую сотню лет.

- Это уж точно... - криво усмехнулся Феронд, оглядывая брата. - Но ты должен уметь защищаться!

- От кого? - спросил маг с неискренним удивлением. - От твоих друзей, когда они предложат мне помериться с ними силой? Или от вас с Лаивсеной, когда вы в очередной раз захотите пригласить меня созерцать весёлые рукопашные поединки?

Мужчина почесал затылок, но в голову, как назло, не лез ни один мало-мальски толковый аргумент. Наконец, он решил сказать хоть что-то, чтобы взгляд мага был не таким победным:

- А вдруг война? - на большее его не хватило.

Лайгон снова рассмеялся и даже привалился к стене. Смех после сотворения чар отнимал остатки сил, а попытка брата убедить его в необходимости тренировок весьма позабавила его. Он тепло смотрел на брата, который старался оставаться серьёзным, чтобы Лайгон проникся его доводами.

- Феронд... - простонал маг сквозь смех. - Эти слова можно подставить к чему угодно!

- В смысле?

Лайгон улыбнулся и стал приводить примеры:

- Надо успеть пообедать - а вдруг война? Надо быть единым с народом - вдруг война? Надо уметь сражаться... Ну, ты понял... Какая война, брат? Мэггону уже не одна тысяча лет, а на его памяти войн не было!

- Но... - хотел было возразить Феронд, но снова не смог придумать что-то убедительное и нахмурился.

- Слушай, нам подвластна магия! - напомнил Лайгон. - Множество миров и рас и мечтать об этом не могут. Они и не догадываются, что такое возможно. А у нас это есть. Но мы сражаемся железяками и используем свои возможности только для приготовления пищи, хранения этой пищи, изготовления барахла и поддержания дворца в идеальной чистоте. Но магия - это огромная сила! Если как следует изучить её, развить свои способности, то любые войны и состязания могли бы проходить совсем не так, как ты это себе сейчас представляешь!

Наконец, Феронд нашёл, что можно ответить и с чем брату будет трудно спорить.

- Я вообще-то всегда прихожу к Мэггону тренироваться в магии, хоть у меня и мало, что получается, - заметил он. - А вот ты наверно и не помнишь, когда последний раз пользовался кулаками или держал в руках меч.

Лайгон улыбнулся в ответ, но его было не так просто сбить со своих убеждений.

- Я бы, наверно, даже согласился с тобой... - задумчиво протянул он. - Если б твои тренировки не были столь бесполезны. Магия открывает множество возможностей - есть смысл развивать её. Физическая сила даёт лишь физическую силу: то есть, даёт то, что хорошие магические навыки способны заменить.

- Тогда не отвлекай меня, - ответил Феронд и отвернулся от брата, снова подходя к снаряду и ударяя по нему уверенно: он видел, что сейчас Лайгон ни на какую пакость не способен. - Видишь ли, физическая сила мне доступнее, чем магическая. И она больше ценится, если ты не заметил...

Маг усмехнулся. Его брат был слишком видным валинкарцем, чтобы тратить все свои силы на совершенствования того, что никто не оценит. Лайгон подумал, что, пожалуй, достаточно отдохнул от занятий магией. Энергия была истрачена, но зато голова больше не болела. Можно было вернуться в комнату и продолжить прерванное изучение магических премудростей. Что он и сделал, оставив Феронда одного.

Глава 5

Лайгон просидел в комнате долго. Он читал, пытался почувствовать в себе энергию, большую, чем обычно, двигал и расшвыривал предметы, стараясь отыскать грань между простыми лёгкими чарами и сложными, отнимающими все силы. Временами что-то даже получалось, но с непривычки мужчина быстро уставал, растрачивая все силы, и засыпал. Потом просыпался и принимался заново, только энергия не успевала восполняться, и в следующий раз он уставал и засыпал быстрее.

Он пропустил обед, совершенно потерявшись во времени. Уже близился ужин, а маг все изматывал себя, пока не пришёл к ощущению полной опустошённости. Он сидел в кресле, откинув голову на спинку и глядя в потолок. С магией было труднее, чем с физическими тренировками. Намного сложнее, чем приучить своё тело к нагрузкам. Тут нагрузка была и на тело, и на сознание, а это выматывало быстро и основательно.

В дверь постучали три раза. Лайгон даже не стал думать, кому и что от него понадобилось, и отозвался:

- Заходи!

Пришедшим оказался его брат, который справедливо решил зайти к Лайгону и предложить ему перед ужином вместе с его друзьями отправиться поразмяться.

- Чем ты занят? - поинтересовался Феронд, заходя в комнату брата и с усмешкой оглядывая хаотично валяющееся вокруг барахло.

Лайгон был слишком уставшим, чтобы искать достойный ответ и потому сказал правду:

- Пытаюсь создать в себе энергию, способную не только раскладывать вещи по полкам...

В отличие от уставшего мага, Феронд был отвратительно бодр и весел. Он усмехнулся уголком губ, оглядевшись по сторонам:

- Судя по бардаку, который тут царит ты и не пытался разложить вещи по полкам.

- Верно, потому что это недостойное применение магии! - парировал Лайгон, лениво поворачивая голову к собеседнику.

- И чего же ты ждёшь от неё? - поинтересовался Феронд.

- Ну не знаю, можно научиться влиять на живую материю, чтобы крушить врагов, например... раскидывать их по сторонам... - задумчиво перечислил он и, заметив посерьёзневший взгляд брата, передразнил его слова: - Ведь вдруг война?

Лайгон некоторое время смотрел на Феронда, ожидая от него соответствующего ответа, но тот снова утратил серьёзность взгляда и спросил совершенно не в тему. Вернее, для самого Феронда это было как раз темой, ради которой он и приходил: спросить о насущном вопросе:

- То есть ты с нами не идёшь? - поинтересовался он у старшего брата, который улыбнулся и ответил:

- Если вы в горы - то иду!

Феронд вздохнул: стремление Лайгона попасть в горы казалось ему глупым и никак не обоснованным. И хотя ответ был очевиден, мужчина всё же озвучил его:

- Нет, мы не в горы, мы...

- Тогда не иду, - не дал договорить маг, которому было безразлично, что снова удумали друзья его брата.

- Ладно... - не стал настаивать Феронд, который давно привык, что настаивать бесполезно.

- Увидимся за ужином.

- Ага, - отозвался маг. - Но если твоя подруга снова станет спрашивать, как прошёл мой день, я просто проигнорирую её, и мне плевать на правила приличия и на то, оскорбит её это или нет! Я сегодня слишком устал, чтобы улыбаться и отвечать на вопросы.

Феронд посмотрел на него снисходительно и с оттенком жалости. Развалившийся в кресле, лениво разговаривающий и с закрывающимися от усталости глазами, маг действительно заслуживал сочувствия. Феронд вздохнул, глядя на него:

- Магия того не стоит, Лайгон.

- Стоит, - не согласился мужчина. - Я уверен, что она того стоит.

Глава 6

Лайгон проспал до ужина. Когда за ним пришла Лаивсена, у него даже не было желания отшучиваться, и потому он просто улыбался сестре. За ужином он молча ел, отвлёкшись лишь на ответ Браве, до которого всё же снизошёл, чтобы не обижать Феронда: «День прошёл отлично, разве по мне это не видно?»

Пища и хмельные напитки помогли ему немного прийти в себя. К концу ужина он снова мог с удовольствием раздражать Лаивсену своей манерой принимать пищу, не заботясь об эстетике. Он воспрянул духом, но решил, что на сегодня магии явно достаточно.

Так же он подумал и на следующий день, чувствуя, что всё ещё не готов продолжать обучение.

Лишь к исходу третьих суток он почувствовал себя полностью восстановившим силы. Но на ночь глядя решил не загружать голову, и потому перед сном отправился гулять. Из-за противного дождя в последние дни он гулял мало, и потому сейчас с удовольствием улёгся на влажную траву и долго всматривался в чистое ночное небо.

Мерцание звёзд и мягкий свет от далёких планет успокаивали и завораживали мага. Он ушёл довольно далеко от дворца и наслаждался тишиной, которая нарушалась лишь цикадами, но это не портило атмосферу ночной загадочности, а наоборот, дополняло и украшало её. Однажды он станет сильным магом и сумеет побывать в далёких мирах. Узнает, почему раньше Валинкар был открытым для походов в чужие миры, и что послужило истинной причиной того, что теперь никто не покидает эту планету. Ему было всё равно, к чему стремятся валинкарцы. У него были свои стремления. Впереди - целая жизнь, длинная и интересная. Лайгон точно знал, чего стоит достичь в первую очередь: высокого уровня магических способностей. Но спешить с этим не стоило. Маяться несколько дней головной болью и слабостью ему не понравилось. Возможно, Мэггон был прав, и пока они были слишком молоды и следовало довольствоваться малыми умениями. Но то, что маг не пытался больше постигнуть всё и сразу, не означало, что он был готов сдаться. Лайгон просто решил отдохнуть, обдумать, подождать. А потом взяться за дело с новыми силами. Так думал молодой мужчина, лёжа на лугу и глядя в ночное небо, пока посторонний шум не заставил его вернуться в реальность. Шаги. Шли двое и притом молчали.

Маг приподнялся, чтобы посмотреть, кто идёт. Феронд не спеша брёл по лугу, держа Браву за руку и что-то шепча ей на ухо. Лайгон улыбнулся: его брат сочетал в себе несокрушимую силу, внешность сурового мужчины и добродушную простоту и нежность к тем, кто ему дорог. Маг даже не мог отнести его к глупцам и примитивным валинкарцам - настолько трогательно младший брат относился к своей семье и к своей возлюбленной.

Заметив Лайгона, парочка хотела направиться в другую сторону, чтобы миновать его, но мужчина сам окликнул их:

- О, это вы! - его голос был приветливым, словно он ждал их здесь и был рад, что, наконец, дождался. - Идите-ка сюда!

Феронд, ведя Браву за руку, подошёл к брату. Рыжеволосая смотрела на мага с удивлением: никогда прежде она не замечала, что он любит лежать на земле, вглядываясь в небо. А сейчас он делал именно это и, судя по всему, собирался предложить присоединиться к нему.

- Смотрите, эта планета... - он указал пальцем вверх, и девушка со своим спутником запрокинули головы, но посмотрели совершенно не туда, куда маг указывал. - Да не эта, а та, желтоватая... Вот, всё верно, именно она. Она скоро погибнет. Примерно через полчаса эта планета вспыхнет, и небо озарится оранжевыми всполохами, а когда они стихнут, на её месте будет чёрная пустота. Такое не часто увидишь.

Феронд поглядел на мерцающее жёлтое пятно на небосводе, не нашёл его занятым и ответил:

- Чтобы это увидеть, не обязательно лежать здесь полчаса, можно просто вовремя посмотреть в небо.

- Верно, - усмехнулся Лайгон. - Но вы же, вроде как, влюблённые... Вам положено сидеть в обнимку и таращиться на что-то, хоть в пустоту, находя её прекрасной и всё такое, разве нет?

Брава смотрела на него с усмешкой и лёгким сожалением от того, что этому молодому человеку никогда не понять, как можно просто жить и наслаждаться простыми вещами, а не искать чего-то сакрального. Она спросила почти сочувственно:

- Так написано в книжках, которые ты читаешь?

- Нет, - ответил за брата Феронд. - Так говорила Элара, когда мы были маленькими, - воспоминания были тёплыми, и потому мужчина рассказывал с нескрываемой нежностью в голосе. - Видимо, Лайгон унаследовал любовь к чтению от матери: она всегда читала нам какие-то небылицы, рассказывала о любви и дружбе, предательствах и возмездиях...

- И вы с Лаивсеной постоянно засыпали, не дослушав до конца, - напомнил Лайгон, чтобы у Бравы не сложилось ложного впечатления, что её возлюбленный хоть что-то для себя уяснил из тех рассказов, что Элара дарила им каждый вечер.

- Ну да, - не смутился Феронд. - Засыпали. Но мне всё равно нравились эти вечера.

Он посмотрел в тёмно-зелёные глаза своей возлюбленной, и та погладила его по спине, глядя с обожанием. Он особенно нравился ей в такие моменты, когда был простодушен и говорил о чём-то сокровенном.

Лайгон недовольно посмотрел на них. Девушка восхищалась Ферондом, как казалось всем, кроме мага, который считал, что она восхищается не им, а *собой* рядом с ним. И, к чему лукавить, смотрелись они вместе прекрасно. Крупный и мужественный валинкарец и хрупкая яркая девушка, любящие друг друга. Казалось бы, маг мог порадоваться за брата, но он отвернулся от них и уныло вздохнул.

Спустя добрых пять минут краем глаза маг глянул в их сторону, замечая, что они целуются. Захотелось что-то сказать, чтобы они оторвались друг от друга, и он предложил, пересаживаясь в насиженного места с примятой травой:

- Если захотите посмотреть на гибель планеты, я могу подвинуться.

Брава посмотрела на него с укором:

- Планеты гибнут достаточно часто...

- Безусловно чаще, чем ты замечаешь... - согласился Лайгон.

Феронд решил не ждать, пока их диалог перерастёт в словесную перепалку, и, улыбнувшись магу, повёл девушку в сторону, продолжая что-то тихо говорить, склонившись к её уху.

Маг откинулся спиной на траву и вздохнул. Ослеплённый влюблённостью Феронд в упор не хотел замечать, что его чувство к этой глупой девушке не настоящая любовь. Если бы у Лайгона спросили, почему он так в этом уверен, он бы не смог внятно ответить. Впрочем, никто его об этом и не спрашивал, кроме его самого. Сам он никогда не влюблялся даже так, как его брат, не говоря уже о том, что смог бы назвать любовью. И каких-то веских причин считать, что Феронд не прав, у него не было. Всё, что он знал о любви настоящей - было почерпнуто из книг и сказаний. Девушки, с которыми ему доводилось проводить ночи, не вызывали тех чувств, которые им полагалось вызывать у любящего всем сердцем мужчины, и потому приходилось с ними расставаться, когда они становились излишне навязчивыми и желали проводить с ним не только ночи, но и дни. А на дневное время у мага всегда были планы, интереснее будничной общепринятой валинкарской жизни. И маг справедливо считал, что причина не в нём. Причина была в окружающих, но он не винил их в этом. Его всё устраивало в своей жизни. Кроме того, что Феронд выбрал себе Браву и намеревался сделать её своей единственной спутницей на всю жизнь. Это Лайгона раздражало и он, наконец, придумал, кто может помочь ему

открыть брату глаза. Элара. Она всегда умела рассказать какую-нибудь сказку, воспевающую истинные ценности. Был шанс, что это заставит Феронда задуматься о том, действительно ли стоит заикливаться на рыжей девушке.

Глава 7

Феронд сидел в своей комнате и приводил в порядок недавно раздобытый меч перед завтрашним состязанием. Волосы мужчины были стянуты сзади тесёмкой, чтобы не мешались, а лицо выражало задумчивость. Он вообще часто казался погружённым в глубокие мысли, так как стоило ему стать чуть серьёзнее, чем обычно, так сразу же на лбу появлялись суровые морщинки, и около поджатых губ тоже. Вид у мужчины от этого сразу становился серьёзным. Но это было лишь видимостью: на самом деле, сосредотачиваясь на каком-то деле, он мог ни о чём не думать.

В дверь постучали замысловатым стуком. Лайгон. Только он любил отличиться даже в таких мелочах.

- Ты один? - крикнул из-за двери маг.

- Один. Заходи! - отозвался брат.

Лайгон открыл дверь, но заходить не стал, опершись плечом о дверной косяк и глядя на чистящего или точащего свой меч Феронда (в данной ситуации было трудно определить, что именно он делал). Мечи было принято не затачивать остро, поскольку не было резона валинкарцам ранить друг друга. Феронд явно где-то откопал покрытый ржавчиной меч, зато с красивым резным эфесом и навершием, украшенным сверкающим бесцветным камнем. Замысловато изогнутая гарда тоже украшалась камнями, только матовыми. Из них был выложен какой-то знак, неизвестный Лайгону. В целом вещь выглядела добротной, только клинок был поеден ржой. Феронд старательно счищал её. Маг подумал, что, наверно, брату пришлось долго ползать по пыльным подвалам и старым оружейням, чтобы отыскать этот меч. Но спрашивать Лайгон не стал: ему было отлично известно, что в подвалах Валинкара чего только не сыщется. Он смотрел на то, как крупнозернистый камень в руке брата с характерным звуком двигался по поверхности клинка. Скудное зрелище и неприятный на слух звук. Но брат упоённо продолжал трудиться.

- Это увлекательно? - приподняв бровь, усмехнулся Лайгон.

- Ну да, - отозвался мужчина. - И бесполезно.

Маг улыбнулся и насмешливо спросил:

- Какая разница, в каком состоянии твой меч, если ты никогда никого не пронзишь им?

- Начищенный он лучше смотрится в поединках. И не говори, что не замечаешь красоты этого меча.

Лайгон понимающе кивнул, но вышло слишком неискренно. Брат улыбнулся ему, понимая, что тот считает глупостью его привычку участвовать во всех возможных мероприятиях и быть неизменно на высоте. Лайгон оглядел прибранную комнату. Совсем не так выглядели заваленные вещами, книгами и одеждой апартаменты мага. Он не любил наводить порядок, прекрасно ориентируясь в учинённом самим собой хаосе. Тем более этот хаос защищал его от наведывания незваных гостей - валинкарцы чтили порядок, и магия помогала им не прилагать усилий к его поддержанию. От этого у многих складывалось ложное впечатление, что Лайгон, кроме всех своих недостатков, ещё и слабый маг.

Он пробежал глазами по оружию, висевшему на стене, по портрету Бравы, который нарисовал какой-то весьма талантливый валинкарец, при помощи магических способностей воссоздавший на холсте образ рыжеволосой девушки. Она улыбалась своей привычной ничего не значащей и не дарующей тепла улыбкой, которая вызывала у мага желание отвернуться. Ему вообще казалось, что в Валинкаре не осталось нормальных живых представителей женского пола. Было немало желающих заполучить загадочного принца в свои ухажёры, и иногда он даже поддавался на провокации, но быстро разочаровывался. Впрочем, эти разочарования не расстраивали его особенно сильно: он довольно скоро утвердился во мнении, что валинкар-

ские красавицы в большинстве своём отличаются друг от друга лишь внешностью. И всё равно, даже при этом, Брера казалась ему верхом глупости и отсутствия хоть какого-то внутреннего содержания. Станным было то, что магу казалось, что она не поумнеет и, прожив тысячу лет. А ведь валинкарцы могли бы быть лучше: например, Элара была мудрой (как он тогда считал), Лаивсена сочетала в себе зачатки разума и красоту... Где-то среди этого народа наверняка скрывались подобные им, только Лайгону они пока не встречались.

- Слушай, Феронд... - обратился маг к брату, вспомнив, зачем вообще пришёл. - Пойдём к Эларе? Мэггон наверняка ещё занят своими делами, так что мы не помешаем.

Карие глаза посмотрели на Лайгона с удивлением, и Феронд спросил, как бы не выражая протеста и не отказываясь от посещения матери, а просто желая узнать подробности:

- Зачем мы к ней пойдём? Виделись же за ужином.

Лайгон задумчиво пожал плечами, словно и сам не знал ответа и сказал неопределённо:

- Вспомним детство, послушаем какую-нибудь историю... про любовь, например...

- С чего такое желание? - удивился Феронд, откладывая оружие и камень в сторону.

- С того, что твоя Брера - апогей глупости, - без обиняков ответил маг. - Не говорю, что ты сам очень уж умный, но хотелось бы видеть рядом с тобой ту, которая будет совершенствовать тебя, а не ту, рядом с которой ты будешь деградировать.

Феронд с тревогой посмотрел на брата. Маг ожидал, что его собеседника могут обидеть сказанные слова или возмутить, но они, вопреки ожиданиям, вызвали сочувствие.

- Лайгон, - мягко начал Феронд. - Она не нравится тебе, да и ты пугаешь её. Если ты боишься, что из-за этого однажды я косо посмотрю на тебя - то ты ошибаешься. Если думаешь, что смогу быть таким, как ты, то тоже ошибаешься. То, что со мной Брера, не изменит того, что ты мой брат, и я всегда буду на твоей стороне.

Маг закрыл глаза и безнадёжно вздохнул. Феронд умел красиво и пафосно говорить. Но было бы лучше, умей он понимать, что говорят *ему*. Лайгон открыл глаза и со снисходительной улыбкой покачал головой, намекая, что его брат не прав, но слов на него тратить, чтобы доказать это, он не намерен.

- Но идея мне нравится, - продолжал младший брат. - Серьёзно. Я с удовольствием послушаю мамин сказки и на этот раз обещаю не уснуть.

Он отложил в сторону ржавый меч и камень. Поднялся с кресла и направился к двери, возле которой стоял маг. Лайгон усмехнулся и вышел из комнаты первым.

Они прошли по коридору, поднялись по широкой каменной лестнице, пересекли зал с огромными причудливыми островерхими окнами и остановились у двери в покои родителей. Лайгон постучал своим замысловатым стуком, и Элара вскоре подошла и открыла дверь, приветливо оглядывая пришедших.

- Не помешали? - спросил маг.

- Нет. Вы же знаете - можно прийти в любое время, - она посторонилась, пропуская их в больше, но изрядно заставленное мебелью помещение. - Давненько вы не заходили ко мне, да ещё и вместе.

- Да, - согласился Лайгон, по детской привычке усаживаясь на пол и опираясь спиной о кровать: именно так он привык сидеть в этих покоях. - Как-то всё некогда, да и... у нас с Ферондом разные взгляды на жизнь, и мы редко делаем что-то вместе, тем более, то, что интересно нам обоим.

Феронд тоже сел на пол, и Элара, улыбнувшись, последовала их примеру. Сев на ковёр, она расправила примятый подол своего светлого платья и поглядела на мужчин с явной ностальгией.

- И всё же мы пришли вместе, - заметил Феронд. - Потому что оба хотим услышать от тебя историю.

- Какую? - удивилась женщина, и маг пояснил:

- Сказку о любви.

Элара широко улыбнулась, посмотрев на Феронда, и усмехнулась:

- Тебя мучает бессонница, и ты решил обратиться ко мне за помощью?

Маг насмешливо глянул на брата. Тот смущённо посмотрел в пол, улыбаясь своим воспоминаниям. Он засыпал почти каждый раз.

- Нет, - ответил он. - Бессонница тут не при чём. Просто Лайгон считает, что я многое упускаю от того, что редко дослушивал сказки до конца. Я действительно редко дослушивал, - он улыбнулся и склонил голову. - Каюсь. Желаю исправиться...

- Боюсь, я уже позабыла почти все истории, а книги, что я читала, перекочевали в подвалы или в покои Лайгона... Но! У меня есть кое-что получше!

Она поднялась и направилась к столу. Взяв какую-то склянку, женщина вернулась и многозначительно показала её сыновьям.

- Это хитроумное снадобье помогает проецировать свои воспоминания. Я как раз помню одну сказку, во время прослушивания которой даже ты... - она тепло посмотрела на Феронда, и он улыбнулся, - ...не уснул. Она короткая, но как раз о любви, как вы и хотели. К тому же, это воспоминание дорого мне не самой сказкой, а вашей реакцией на неё.

- Реакцией? - удивился Лайгон. - То есть Феронд даже смог прокомментировать то, что услышал?

Элара не ответила, рассмеялась, открыла крышечку и выпила содержимое склянки. Немного посидела, закрыв глаза, и щёлкнула пальцами, призывая образы из своих воспоминаний показаться всем присутствующим.

На возникшем объёмном полупрозрачном изображении появилась она. Ничуть не изменилась за эти годы. Молодая, красивая и мудрая. Она сидела на полу, устланном длинноворсным ковром, и держала на руках тяжёлый фолиант, обитый плешивым синим бархатом. Женщина заканчивала читать вслух сказку о любви и преданности, а два мальчика и девочка, сидевшие подле неё, внимательно слушали, чем всё закончится.

-...Они прожили много тысячелетий душа в душу, и не было любви сильнее, светлей, прекрасней. И никто больше не омрачал их счастливую жизнь... Конец, - закончила Элара и взглянула на детей. - Ну как вам?

Вопрос этот в то время был каверзный, учитывая, что Лаивсена и Феронд прибывали в возрасте романтического максимализма, а Лайгон - резкого отрицания всего, что ему пытались навязать окружающие.

- Очень красивая история! - воскликнула Лаивсена, мечтательно прикрывая глаза.

Лайгон сделал вид, что история вовсе не показалась ему интересной, и фыркнул:

- Ерунда! Я лично никогда не влюблюсь, чтобы прямо так... - он поморщился, и женщина тихо рассмеялась, потрепав его чёрные непослушные волосы.

- Не зарекайся, - лукаво улыбнулась она ему. - Ну а ты что скажешь? - спросила она у Феронда.

- А я найду ту единственную... Влюблюсь раз и навсегда, и проживу с ней всю жизнь... - уверенно ответил он, и Лайгон притворно закатил глаза.

- Не зарекайся, - ответила младшему сыну мать.

Маг, сидя на полу рядом с улыбающимся Ферондом и глядя на полупрозрачную картинку, заметил странное движение на фоне. Пригляделся. Понял, что не на фоне, а в воспоминании. Пригляделся ещё раз и усомнился: здесь эта странная тень или всё же на картинке.

- Останови! - выкрикнул Лайгон, и от неожиданности Элара не успела удержать воспоминание, и картинка пропала.

- Ты чего? - спросил Феронд, настороженно глядя на брата.

- Там была тень, - сказал маг. - В воспоминании... Как будто от человека в капюшоне и с палкой в руке... Он стоял и слушал наш разговор...

- Так могло показаться из-за того, что картинка полупрозрачна... - Элара снова воспроизвела своё воспоминание, но тени Лайгон уже не заметил.

Женщина прекратила волшебство и посмотрела на сыновей.

- Что скажете сегодня?

- Насчёт сказки? - уточнил Лайгон, и она кивнула. - Она всё такая же глупая. А насчёт того, что я не собираюсь влюбляться по уши, то моё мнение тоже не изменилось. По крайней мере, не в ближайшие столетия и не в Валинкаре. Мама, не смотри так... Ни одна девушка не удерживает моё внимание надолго... Да и надо ли? И вообще, я пришёл послушать сказку не ради себя. А ради этого влюблённого в Браву...

Элара снисходительно улыбнулась, переводя испытующий взгляд на Феронда.

- Я тоже не меняю своего мнения, - он с вызовом глянул на старшего брата, на что Лайгон широко улыбнулся.

- Когда мнение ошибочное, не грех и поменять его, повзрослев, - заметил он.

- Ты меняешь? - спросил Феронд у брата, хитро прищурившись.

- Как знать, - беззаботно пожал плечами он. - Я же не заиклен на традициях и законах, как некоторые. Захочу - поменять своё мнение, захочу - останусь при нём. Я не отрицаю, что где-то во вселенной есть та, что заставит меня передумать.

Элара посмотрела на него, как на маленького глупого ребёнка и сказала:

- Вселенная огромна, Лайгон, но мы живём *здесь*... И спутницу жизни ты тоже найдёшь здесь. Рано или поздно ты смиришься с этим фактом.

Маг снова пожал плечами. Он знал, что не отступится от своего желания побывать в других мирах. Сейчас или через тысячу лет, но он узнает, что происходит на других планетах. Он посмотрел на Элару и уверенно заявил:

- В отличие от Феронда, я не принимаю первую же влюблённость за нечто великое. На поиск вечной любви можно и тысячелетия не пожалеть, если она стоит того. А она стоит, ведь так?

Феронд улыбнулся брату:

- Ты просто не допускаешь мысли, что не обязательно тратить долгое время, чтобы найти то, что ищешь. Ты пока не можешь понять меня... - он посмотрел на Элару и обратился уже к ней: - Спасибо, ты помогла мне понять, что я прав и что моя детская мечта почти сбылась. Я нашёл свою любовь... осталось прожить с ней всю жизнь.

Маг тяжело вздохнул и наигранно покачал головой, ничего не сказав. Феронд же, поцеловав Элару в щёку, поднялся и направился к выходу. Он срочно хотел повидать возлюбленную.

- Думаешь, он не прав? - спросила Элара у Лайгона.

- Уверен, что он не прав, - ответил маг, и выставил вперёд открытую ладонь, предупредив: - Объяснить и доказать это не могу.

- Волнуешься за него?

- Наверно, - задумчиво ответил Лайгон. - А, может, просто раздражает Брера со своим самодовольным видом. Она гордится, что заполучила его.

- Он тоже гордится, что заполучил её, - парировала Элара.

Лайгон внимательно посмотрел в светло-карие глаза матери. Она ничего не понимала. В эту самую секунду он чётко осознал, что она действительно *ничего* не понимала. Элара читала сказки, которые кто-то написал, и не понимала их сути. Она просто читала, просто показывала картинки. Эта женщина была добра, приветлива, прекрасна... но не мудра. Маг смотрел на неё и не мог понять, как же он не замечал этого прежде. Любящая Элара всегда была рада помочь советом, всегда стремилась понять, хоть никогда и не лезла в чужие дела. Лаивсена наверняка, как и в детстве, мечтает о сказочной любви, только, как и Феронд, не понимает, что это такое. Маг и сам толком не понимал этого. Но хотя бы мог распознать неверные варианты. Он знал, что поймёт, как только увидит настоящую любовь. Не обязательно свою, хотя бы чужую. Он

знал, как Мэггон трепетно относится к Эларе, но это тоже было не то. Он знал, он чувствовал это.

Лайгон с удивлением обнаружил, что он единственный, кто вообще *думает*. Во всём Валинкаре пытливый ум был лишь у него, и лишь он видел в глупых сказках скрытый смысл. То, из чего Феронд делал глупый вывод, что надо прожить всю жизнь с любимой, Лайгон видел проблему в поиске этой самой любимой. И теперь он видел, что Элара точно так же не понимает, для чего он хотел, чтобы Феронд послушал её сказки. Она видела его с Бравой, и совершенно не понимала, что не нравится в этом союзе Лайгону. Маг осознал, что пришёл зря. И в то же время ему сразу как-то стало легко. Не было весомых причин разубеждать окружающих в их заблуждениях. Элара смотрела искренно и ласково, отчего Лайгон добродушно улыбался ей. Она, видимо, полагала, что убедила его, так как светло-зелёные глаза засветились умиротворением. На самом деле, он просто принял решение не вмешиваться. У него и раньше не было веских аргументов, чтобы доказывать Феронду его не правоту, но этот разговор с Эларой помог ему понять главное: ничто не мешает его брату прожить с Бравой счастливо, не подозревая, насколько его счастье неполноценно, а любовь не истинна. В любом случае, лучшей альтернативы у Феронда не было. Как, впрочем, и у самого Лайгона. Но маг твёрдо решил для себя, что он-то не сдастся во власть страстям, пленённой чьей-то пустой красотой.

Глава 8

Феронд бегом помчался к Браве. Увиденное воспоминание убедило его в том, что он готов любить одну единственную девушку всю свою несколькотысячелетнюю жизнь. Особенно, когда эта девушка была Бравой - самой прекрасной, нежной, красивой и желанной во всём Валинкаре и, как тогда думал мужчина, во всех иных мирах, если таковые существуют и книги Лайгона не лгут.

Переход со сводчатым потолком, лестница. Он взлетел по ней, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Ещё один переход. Дворец огромен, слишком огромен, чтобы можно было пройти до жилища Бравы спокойным шагом, и прожить всё это время без взгляда её тёмных зелёных глаз.

Ещё одна лестница, ещё длинней предыдущей. И кто придумал, что семья правителя живёт в обособленном крыле дворца, да ещё в самом низу, в то время, как сам дворец постоянно разрастается вверх и вширь, чтобы молодые валинкарцы могли пристраивать свои жилища? И почему Брава жила столь высоко, да ещё в противоположной части этого огромного, слишком огромного дворца.

Он прибежал к её двери, запыхавшийся, мокрый от пота и плохо представляющий, что скажет девушке, когда она откроет дверь. Он привалился к стене и постучал по двери костяшками пальцев. Из комнаты послышался возмущённый голос:

- Вообще-то я собиралась спать!

- Прости, - отозвался Феронд, но уходить не стал, намереваясь отдышаться.

Через некоторое время дверь распахнулась, и рыжеволосая девушка посмотрела на мужчину с интересом.

- Ты чего? - спросила она, оглядывая тяжело дышащего Феронда.

- Я... хотел увидеть тебя, - неловко улыбнулся он, отчего на левой щеке выступила морщина, и Брава ненадолго перевела взгляд на неё.

- Заходи, - девушка отступила от двери, пропуская в ярко освещённую комнату своего возлюбленного.

Феронд закрыл за собой дверь, оглядывая Браву. Она была в бордовом шёлковом халатике, полы которого достигали её пят. Распущенные рыжие волосы спадали по плечам, а глаза смотрели на мужчину с восторгом. Она уж и не ждала, что он придёт сегодня. А он пришёл. Красивый, взволнованный и притягательный.

- Что с тобой? - спросила она.

Он пожал плечами, не зная, как объяснить, приблизился к ней и нежно поцеловал в приоткрытые губы. Его кожа была солёной от пота, на Браву это совершенно не смущало. Девушка обвила руками шею возлюбленного, дотянулась до тесёмки, что стягивала его волосы, и освободила их от неё. Волнистые тёмно-каштановые пряди упали на плечи. Брава отстранилась, разглядывая мужчину и отмечая про себя, что припухшие от долгого поцелуя губы, к которым прилипа кровь, были невероятно к лицу ему. Феронд не дал ей всласть полюбоваться собой, принимаясь жадно целовать её лицо, постепенно спускаясь к шее и щекотая её своим носом. Девушка зарылась пальцами в его волосы, причём кожа его головы была влажной после бега. Феронд нежно провёл ладонью по защищённому шёлком телу девушки от подмышки до бедра, и сильнее притянул к себе за талию. Он посмотрел в её прекрасное лицо: на щеках играл румянец, глаза горели желанием, а губы искали поцелуя. Его бросило в жар, и он стал наваливаться на неё, вынуждая отступать к постели.

- Я люблю тебя... - прошептала Брава, убирая одну руку с его шеи, протискивая её между их телами и на шаривая пряжку ремня.

- Я тебя тоже, - отозвался Феронд, наступая слишком быстро, отчего девушка перестала успевать пятиться и практически повисла, подхваченная сильными руками.

- Обещай, что так будет всегда, - простонала она ему в ухо, заставляя в который раз подумать, что с ней он готов остаться навсегда, любить, баловать, восхищать и заботиться о ней.

- Обещаю, - без колебаний ответил он.

Глава 9

Маг сидел на берегу озера, греясь под лучами дневного Светила, и бросал камушки в воду, наблюдая, как те с тихим всплеском тревожат водную гладь и пускают по ней расходящиеся по окружности волны, которые так слабы, что быстро теряются, возвращая воде спокойствие. Лайгон был задумчив, уйдя в философские размышления. Ему были известны две силы, которые могли многое, но обе пока были ему недоступны: магия и любовь. Мужчина проводил параллели между ними и обнаруживал много общего. Для того и другого требовалось что-то раскрыть в себе, найти, отыскать. Причём, как всегда, с магией было сложнее. Если любовь, как казалось магу, могла озарить внезапно и сразу всё прояснить в голове, то с магией так вряд ли было возможно. Или он просто мало знал о ней. Ничтожно мало. Как и о любви. Умел то, что должен был уметь. Делал то, что должен был делать, наряду со всеми валинкарцами. А ему хотелось *познать*. Хотелось ощутить и то, и другое. Чтобы тело было пронизано магической энергией, сильной, всемогущей. А в душе было тепло от любви, тоже сильной и тоже всемогущей. Ему казалось, что он что-то упускает, что-то самое важное. Что его попытки изучить магию столь же тщетны, как и попытки доказать Феронду, что тот неправ. Маг понимал, что выбрал неверный путь для достижения цели.

Он сидел и кидал камушки в озеро. Механически, бездумно отыскивая их пальцами в песке, он по очереди бросал их в воду. Мысли его были где-то далеко, и он не сразу заметил Феронда, присевшего рядом. Лайгон обратил на него внимание, лишь когда брат успел ловко перехватить в воздухе брошенный камушек. Маг усмехнулся, поворачиваясь к Феронду:

- Провёл ночь с Бравой, и поклялся в вечной любви? - спросил Лайгон без лишних предисловий.

- Что-то вроде того, - ответил мужчина.

- Ну и правильно, - улыбнулся Лайгон, бросая следующий камушек в воду.

Феронд некоторое время молчал. Он был благодарен брату за то, что тот привёл его вчера к Эларе. Это позволило ему многое осознать и принять. И теперь ему хотелось сделать что-то хорошее для мага. Он знал, что при том, какие у них разные предпочтения в жизни, сделать что-то приятное ему будет проблематично, но одна идея у него была. Но он не был уверен, что идея эта хорошая. Мужчина размышлял, стоит ли озвучивать её, и задумчиво вычерчивал восьмёрки пальцем на тёплом песке. Свежий ветер с озера принёс запах багульника. Странно успокаивающий и одновременно будоражащий чувства запах. Феронд закрыл глаза, чтобы больше погрузиться в него и лучше учуять, но не получилось. На губах появилось лёгкое ощущение прикосновения, и мужчина открыл глаза. Лайгон не смотрел на него, снова уйдя в свои мысли. Феронд попытался выделить запах багульника, но ветер уже просто был свежим, без каких-то определённых оттенков.

Мужчина вздохнул, дотрагиваясь до своих губ и пытаясь вспомнить, о чём он думал, пока его не сбил с мысли запах болотной травы. Он потратил на это несколько мгновений, после чего всё же озвучил свои мысли магу:

- Я подумал, что мы можем отправиться к горам, раз они так интересны тебе... Как насчёт сегодня?

Лайгон удивлённо глянул на брата, припоминая, что, кажется, он недавно чистил меч для сегодняшнего дня.

- Неужели? - усмехнулся маг. - Ты решил пропустить турнир ради похода в горы?

- Ну... не весь турнир... - признался Феронд. - У меня идея: ты приходишь к началу турнира, я сегодня там участвую только в начале, в разминке, потому что в прошлый раз повредил руку, и к серьёзным поединкам не готов...

Лайгон покачал головой, улыбаясь:

- Надеешься, что я вдохновлюсь и начну тренироваться, чтобы стать, как ты?

- Нет, на это я давно уже не надеюсь, но, возможно, ты хоть начнёшь присутствовать на подобных мероприятиях, а не избегать их... После разминки отправимся в горы.

Маг не стал пока разочаровывать брата и говорить, что никакая сила не заставит его присутствовать на скучном мероприятии.

- Кто ещё с нами? - деловито спросил он.

- Гринор, Брава, Лаивсена... - перечислил Феронд, замечая удивление мага.

- Лаивсена? - уточнил он. - Она-то с чего вдруг?

- Не знаю... - пожал плечами мужчина. - Наверно, потому что Гринор с нами. Он интересен ей.

- Паршивый выбор, - заметил Лайгон. - Из всех твоих прихвостней он самый отвратительный.

Феронд улыбнулся: категоричность брата иногда зашкаливала.

- Ты так говоришь, потому что вы недолюбливаете друг друга, - заметил он.

- С Бравой мы тоже недолюбливаем друг друга? - поинтересовался Лайгон.

- Да, похоже на то.... У тебя сложный характер, - признался Феронд, и маг удивлённо приподнял бровь, поскольку сложным свой прекрасный характер не считал. - Но ты дорог мне таким, - поспешно добавил Феронд.

- Очень трогательно, - хмыкнул маг. - Ладно, в кого вы влюбляетесь - ваши проблемы. В горы я иду. Но без присутствия на состязаниях.

Маг снова уставился на озеро. Феронд поднялся с песка и, решив не настаивать на своём, сообщил:

- Тогда встретимся здесь же после полудня, - и пошёл прочь, зная, что Лайгон либо не ответит, либо ответит что-то незначительное.

Светило всё так же грело землю, и маг всё так же сидел около озера, когда его новоявленные спутники приблизились к нему. Лайгон поднялся и пошёл к ним навстречу, даже не пытаясь прикинуться, что рад такой компании.

- Когда мы, наконец, увидим тебя в бою? - спросил Гринор, насмешливым взглядом оглядывая мага.

- Когда будет повод для настоящего боя, - ответил Лайгон.

- Уверен, что будешь готов к нему? - усмехнулся Гринор, пытаясь приблизиться к Лайгону с весьма очевидным и предсказуемым намерением: показать своё физическое превосходство.

Маг отскочил в сторону, и противник снова попытался напасть, но Феронд сурово сказал своё веское слово:

- Мы идём в горы. Об этом путешествии никто не должен узнать, кроме нас. Давайте относиться к этому серьёзней.

- Но пока что мы не в горах, - заметил Гринор. - И мне интересно, способен ли твой брат хоть на что-то.

Феронд приблизился к нему и объяснил:

- Ты отличный товарищ, но не советую тебе отзываться о моём брате в таком тоне. Он не участвует в состязаниях и не любит рукопашные бои - это его право. И если ты не согласен - можешь рискнуть высказать это *мне*.

Гринор несколько мгновений просто смотрел в глаза Феронда, решая для себя, стоит ли связываться с ним. Особенно сейчас, когда они выкроили время для мирной прогулки. Он мельком глянул на Лаивсену, которая стояла, прижав руки к груди и ожидала, как будут развиваться события дальше. Гринор вздохнул: драться с её братом, причём что с одним, что с

другим, было бы неверным решением. Он обязательно поставит их обоих на место, но позже, когда от этого не будет зависеть отношение к нему прекрасной девушки.

- Пойдёмте, - поторопил Гринор. - Лошадей нужно взять незаметно. Нам следует вернуться к ужину, а до гор ещё долго добираться.

И он пошёл вперёд, первым. С гордо поднятой головой, всем своим видом показывая, что Феронд не прав, но доказывать это было бы слишком низко для него. Маг посмотрел на Лаивсену, которая, подхватив подол своего пышного платья, легко догнала Гринора. Он даже замедлил шаг и подождал её, полуобернувшись, после чего они пошли рядом друг с другом. Брава взяла Феронда за руку и заметила:

- Ты был резок с ним.

- Я так не считаю, - мягко, но уверенно ответил Феронд.

- Он лишь хотел подурочиться, - сказала она магу, полагая, что тот не понял.

- А я не хотел, - высказался Лайгон. - Видишь ли, Брава, когда делаешь что-то, нужно не только о своих желаниях думать.

- Ты тоже хорош, - укорила его рыжеволосая девушка. - Почему вечно за тебя должен заступаться Феронд?

- Он и не должен, - ответил маг. - Я, вроде как, о помощи не просил.

- Брава, пойми ты: он мой брат, - в который раз попытался объяснить Феронд своей возлюбленной эту простую истину. - Никто не смеет плохо говорить о нём или дерзить ему. Я знаю, что ему нет до этого дела, но мне - есть. И это лично моё решение не позволять никому подобных слов.

- Видишь, - улыбнулся девушке маг. - Это его решение. Ты же любишь моего брата - так уважай его решения!

Феронд посмотрел на Лайгона строго: ему казалось, что пора бы уже закончить эти постоянные намёки на отсутствие любви. И вроде маг сам уже хотел перестать постоянно напоминать о своём непоколебимом мнении, но по старой памяти на ум приходили именно такие ответы. Лайгон поймал взгляд брата и виновато улыбнулся, разводя руками. Он ничего не мог с собой поделать, поскольку лишь недавно пришёл к выводу, что всё это не его ума дело и нос свой в чужие взаимоотношения совать не стоит.

Они шли молча. Брава не хотела больше ничего говорить, чтобы маг не начал цепляться к словам, а Феронд вообще не был болтливым, когда его ни о чём не спрашивали. А спрашивал его в основном Лайгон, который был сейчас занят мыслями о предстоящем походе.

Глава 10

Никем не замеченные трое коней со всадниками выехали из конюшен. Брава сидела, прижимаясь к широкой спине Феронда. Лаивсена сидела за Лайгоном, причём сидела боком из-за своей совершенно неподходящей для мероприятия, которое они затеяли, одежды. Маг знал, что она хотела бы ехать с Гринором, но застенчивость не позволила ей принять его предложение. А, может, не застенчивость. Лайгон плохо понимал девушек и вполне мог допустить мысль, что сестра решила поехать с ним, поскольку со стороны понравившемуся ей валинкарцу был лучше виден её наряд и она сама в целом.

Пока дворец был близко, кони передвигались небыстро, словно прогуливаясь. На всякий случай: если кто увидит, то не задастся вопросом, куда они мчатся. Но стоило зайти в лес, скрывающий их от чужих взоров, как лошадей погнали чуть ли не на предельной скорости. Непривыкшие к галопу, обленившиеся валинкарские лошади были недовольны тем, что от них требовалась высокая скорость, но всё же пытались не разочаровать наездников. Они знали, что благодарные валинкарцы всегда щедры и рассчитывали на богатое вознаграждение за столь изматывающую прогулку.

Маг был увлечён созерцанием окружающего мира и постепенно приближающихся гор, которые стали хорошо видны, стоило выбраться из леса. Теперь от них валинкарцев отделяла лишь обширная равнина. Лошади - пожалуй, это было одним из немногих общих интересов Лайгона и остальных жителей Валинкара. Причём тут маг тоже уступал им: они любили соревноваться и в верховой езде, а маг лишь временами с удовольствием совершал конные прогулки. В таких прогулках Феронд и Лаивсена, и даже иногда Брава, любили сопровождать его. Они не любовались природой и не чувствовали, что общаются со своим скакуном - они просто таким образом убивали время, находя этот способ весьма хорошим: и незаметно, и не нудно, и даже занятно. Поэтому Лайгон не чувствовал себя странно в той компании, в которой сейчас был вынужден находиться.

Феронд подошёл к поросшему травой каменистому пологому склону и огляделся. Если идти выше, то склоны становились круче и скалистее, растительности на них постепенно становилось меньше, а совсем высоко горы и вовсе были сплошным лысым камнем с редкими клочками каких-то низкорослых кривых кустарников, которые имели толстые стволы и небольшие листики. Но подножие гор цвело и радовало глаз буйством красок. Что-то нравилось растениям в этих местах. Не то было теплее, не то почва казалась им более пригодной для развития. Как бы то ни было, Феронд не очень долго любовался красотой, направляясь вверх и вперёд.

- Мэггон говорил, что горы - пустые камни... - заметил он. - Но они вполне интересны. Здесь есть, где потренироваться в ловкости!

Лайгон хмыкнул. Ему нравились здешние места и привлекали его не только возможностью полазать по скалистым отвесным краям гор. Ему нравился чистый воздух с примесью аромата цветов, нравилось, что впервые он мог смотреть на горизонт и видеть именно горизонт, а не вырисовывающиеся вдали очертания противоположных гор, которые сейчас были не видны. Он долго стоял и смотрел в сторону дворца. Высокий, сверкающий в золотистых лучах Светила, он был отлично виден издали, возвышаясь над перелесками.

- Ты с нами или с ними? - поинтересовался у него брат, и маг понял, что что-то прослушал.

Оглянувшись на своих спутников, он заметил, что Брава и Лаивсена сидят на камнях и о чём-то разговаривают, а Гринор с Ферондом стоят и выжидательно смотрят на него.

- С вами, - ответил Лайгон, решив не переспрашивать.

Втроём они пошли вверх по склону, и маг всё-таки спросил:

- Почему мы оставили их там?

Феронд оглянулся на девушек, и хотел было сказать брату, что в их одеждах предпринимать попытки взобраться на скалистую гору просто глупо. Но его опередили.

- Потому что они шли посмотреть на горы, а не лазать по ним, - пояснил Гринор.

- И как им горы? - осведомился Лайгон.

- Не знаю, спросишь, когда вернёмся, - отозвался тот, а Феронд высказал своё мнение:

- Не думаю, что они в восторге. Проехать такое расстояние ради камней и цветов - это глупо.

Лайгон не ответил. Он отлично понимал, что девушки шли не ради гор и цветов, а просто, чтобы побыть со своими возлюбленными. Или, если не вдаваться в романтику, просто не отпускать их одних.

Они пробирались медленно. В основном приходилось залезать на отдельно выступающие валуны, явно когда-то свалившиеся сверху и загородившие собой путь. По правую руку была отвесная скала, тянущаяся так высоко, что, будь она даже более пологая, смысла по ней лезть не было. Никогда не видевшие гор вблизи валинкарцы не сумели бы потом спуститься с такой высоты. Прямо перед ними тоже высилась каменная стена, более пригодная для перемещения, но всё же менее заманчивая, чем та, что располагалась слева. Там горы представляли собой более многоступенчатые скалистые образования. По таким выступам можно было передвигаться. И, так как для валинкарцев не было разницы, в какую сторону идти, они выбрали наиболее простой путь.

В этих забытых жителями Валинкара краях не было столь уж прекрасно, как рассудил Феронд. Один раз, конечно, стоило приехать и поглядеть. Так, чтобы составить собственное представление об обрамляющих планету горах. Это не были безжизненные камни. Где-то наверху слышались голоса птиц, которые явно гнездились в труднодоступных щелях или в ветвях убогих коренастых кустиков. Цветы у подножия радовали глаз своей необыкновенной красотой, да и не только у подножия: эти растения умудрялись уцепиться даже за сами скалы. В целом, горы гнетущего впечатления не производили, но и в восторг ввергнуть никого, кроме Лайгона, не могли. Маг же получал удовольствие от этой прогулки. Его спутники ловко перебирались с камня на камень, с выступа на выступ, стремясь всё выше и выше. Сам он тоже, признаться, приноровился к этим действиям и даже вошёл во вкус. Путь был несложен, хотя постоянно были какие-то мелкие, легко преодолимые препятствия. Маг задумался над тем, что, возможно, здесь раньше тоже были неприступные горы, когда планета только была создана, а потом уж местные жители приспособили их для удобства перемещений. Могло, впрочем, быть иначе. И те, кто создавал Валинкар, нарочно сразу сделали более пологие подходы, просто со временем их засыпало камнепадом, и теперь приходилось пробираться при помощи и рук, и ног.

Выбравшись на не заваленное валунами место, валинкарцы огляделись. Небольшая ровная площадка с отсутствием растений смотрелась неестественно. Маг, знающий историю Валинкара, удивлён не был: на искусственно созданной планете вполне могло встретиться столь неестественно правильное и ровное место. Своему неприродному происхождению горы также были обязаны тем, что столь круто и резко возвышались над равниной, отчего в большинстве своём были совершенно недоступными.

С площадки, на которой стояли валинкарцы, открывался прекрасный и захватывающий дух вид. Маг посмотрел вверх. Пики горных вершин тонули в облаках, и увидеть их сквозь эту пелену не представлялось возможным. Но там, до куда хватало взора, горы уже были покрыты белым налётом снега. Что такое снег, валинкарцы не знали, и потому для них горы наверху просто имели ослепительный белый цвет, ни с чем не связанный. Пожалуй, о природе снега знал лишь Лайгон, да и то смутно себе это представлял. Где-то наверху были видны горные

перевалы, за которыми виднелись другие горы. Они образовывали собой надёжную многослойную стену, не позволяющую увидеть, что же находится за пределами планеты.

- Здесь красиво и дышится по-другому, - сказал маг, вдыхая свежий, словно утренний, воздух полной грудью.

- Это не значит, что нужно стоять здесь вечно, - заметил Гринор и сразу же принялся взбираться выше, благо окружавшие площадку каменные стены были ступенчатыми, и легко можно было продолжить путь.

Но стоило взобраться ещё выше, до следующего плоского местечка, как стало ясно, что больше лёгкого пути нет. Вокруг высились отвесные, не идеально гладкие, но всё же опасно отвесные скалы. Лишь по самому краю, над обрывом пролегла узкая сомнительная тропа. Лайгон подошёл ближе и глянул вниз: зелёная долина располагалась под ним. Яркая сочная трава показалась необычайно красивой после того, как валинкарец долго глядел только на серые камни. Долина была узкая, разветвлялась, и по ней текла невзрачная речка, поблёскивающая в лучах Светила. От подножия её отделял невысокий горный хребет, словно специально созданный, чтобы скрывать эту речку от посторонних глаз.

- Дальше не пройти, - заявил Феронд, глядя на весьма ненадёжную тропу, что была проложена кем-то прямо по краю обрыва.

- Да, пожалуй. И время уже близится к ужину... - поддержал его Гринор.

Лайгон подошёл ещё ближе и практически ступил ногой на край, словно проверяя его надёжность. Да, тропа была весьма подозрительной и явно древней. Кое-где её и вовсе не было - она обвалилась. Маг посмотрел на товарищей и сказал:

- Я попробую пройти...

- Нам следует возвращаться, - возразил Феронд.

- Но мы так далеко забрались, что нельзя уйти, не посмотрев, куда ведёт тропа. Ведь кто-то наверняка прокладывал её!

Гринор посмотрел на Феронда и сухо признал:

-Твой упёртый брат не отстанет. Мы можем подождать.

Феронд нахмурил брови, отчего на лбу его пролегли суровые морщинки. Ему идея категорически не нравилась. Они итак притащились в горы, и наверняка Мэггон, если проведает, не одобрит этот поступок, так теперь ещё приходилось подвергать брата опасности. Будучи младшим, но более сильным, он чувствовал ответственность за мага.

Но Лайгон не ждал его одобрения, начиная аккуратно ступать по узкой неверной тропе. Почему он вообще по ней пошёл, оставалось для него самого неясным. Он никогда не был любителем показаться окружающим лучше их, сильнее или смелее. Наверно, просто захотелось пройти дальше, увидеть, что же там, выше по скале.

Каменистая поверхность в этих местах была расслоённой и какой-то иссушенной, поэтому стоило Лайгону сделать неверный шаг, как пласт надломился, и удерживающие его камни посыпались вниз с характерным шумом. Нога мага соскользнула, но он устоял, перенеся вес на другую, а после переступив на более надёжную поверхность, прижавшись плечом к скале. Они выбрали опасный путь, хотя вниз падать было бы не очень долго, к тому же там росла трава. Высокая и густая. Было неясно, растёт ли она на ровной нанесённой ветром почве или же скрывает под собой острые булыжники, о которые можно разбиться. Приходилось идти осторожно, чтобы не проверять это на себе.

Впереди виднелось место, где тропа обвалилась, но мужчина легко перепрыгнул препятствие, и прочный камень даже не подумал осыпаться под его весом.

- Ну чего там? - спросил Гринор, когда мага стало не видно из-за того, что тропа повернула.

- Пока ничего, - ответил Лайгон. - Хотя отсюда открывается интересный вид, и скалы дальше вполне годны для путешествия по ним. Там, выше, виднеется что-то вроде расщелины.

- Не ходи туда! - предупредил Феронд и добавил: - У нас мало времени, и стоит поворачивать назад!

- Это верно, Лайгон! - поддержал его Гринор. - Мы оценили твою смелость и непоколебимость, можешь возвращаться!

Маг не ответил. Ему не было дела до того, что о нём думают. Он хотел добраться до более-менее безопасного участка и там уж осмотреться по сторонам. Поворачивать назад у него не было ни малейшего желания.

Он дошёл до места, где тропа снова исчезала. Слоистый камень, структуру которого было хорошо видно на сломе, доверия не внушал, поскольку был изрядно покрошен. Мужчина посмотрел назад - прикинул, сколько уже пройдено. Посмотрел вперёд - прикинул, что скоро тропа выведет на плоский участок. Решил, что осталось немного и отступать не стоит.

Он постарался перепрыгнуть обвалившуюся часть тропы так, чтобы приземлиться не на зыбкий край. И у него даже получилось это. Однако он недооценил хрупкость полуразрушенной тропы, камни которой с опасным хрустом начали уходить из-под ног. Лайгон не успел вовремя отреагировать, как как после прыжка пришлось потратить несколько секунд на удержание равновесия, и этого времени вполне хватило коварным камням, чтобы лишить мага опоры. Он успел ухватиться за край и те обломки камней, что торчали из скалы в месте, где тропа примыкала к ней. Но толку от этого было мало: даже если бы ему удалось вытянуть себя, ему не за что было бы уцепиться дальше, чтобы снова вскарабкаться на тропу.

- Эй, ты там как? - крикнул Гринор.

- Встретимся внизу, - отозвался маг, собираясь с духом и разжимая пальцы, стискивающие каменный выступ.

Полёт был недолог, и мужчина даже не мог бы сказать, какие чувства испытал, и какие мысли успели его посетить, да и успели ли вообще. Он упал на бок, причём, как выяснилось, камни, скрытые в траве, существовали. И об один из них Лайгон сильно приложился голенью правой ноги. К его счастью, больше под ним крупных камней не оказалось. Мужчина подавил стон от боли в ноге, так как не хотел пугать своих спутников.

- Лайгон! - голос Феронда откуда-то сверху звучал громко и взволнованно.

- Я жив! - крикнул он в ответ. - Встретимся у подножия! - он не представлял, как доберётся до туда и сможет ли вообще самостоятельно идти, но голос его прозвучал уверенно.

- Нет уж! - отозвался недовольный Гринора. - Мы идём к тебе, а ты сиди и жди нас!

Маг не ответил и попытался встать. Ушибленная нога отдалась острой болью. Лайгон тихо застонал и поджал раненую ногу. Целостность кости была нарушена. Мужчина не знал, как определить, насколько серьёзно, но понял, что дойти до лошади без посторонней помощи вряд ли сможет.

Уже догадываясь, как много и в каком тоне ему выскажут Гринор и Брова, и что Лаивсена и Феронд тоже наверняка в чём-то будут солидарны со своими друзьями, он обречённо вздохнул и уселся на тот самый злополучный камень. Сидя так, он постепенно чувствовал, как ушибленный бок и плечо наливаются кровью и начинают ныть.

Гринор с Ферондом примчались быстро. Быстрее, чем маг ожидал. Взмывленные, суровые, обеспокоенные. Лайгон поднялся на ноги, стараясь не опираться на правую.

- Нога, да? - безошибочно определил Феронд.

- Да, - подтвердил маг, и брат облегчённо выдохнул.

Нога - это ничего. До лошадей худошавого мага можно было хоть на руках дотащить, а уж во дворце придумать какую-нибудь историю повреждения, чтобы не говорить лекарям истинных причин.

- Давай, надо постараться поспеть к ужину... - сказал Феронд, предлагая магу опереться на его плечо. Тот от помощи не отказался.

- Вот можете сказать, что я не прав, - заметил Гринор. - Но если бы ты, Лайгон, хоть иногда тренировался, этого бы не случилось.

- Камня бы в траве не оказалось? - уточнил маг.

- Камень бы оказался, но ты бы либо удержался на тропе, либо сумел вернуться на неё, либо просто прыгнул бы намного дальше, и камни бы не посыпались. Ты думаешь, что бои на мечях не имеют к этому отношения, но... Советую взяться за дело...

- Все советуют, - отозвался Лайгон. - Ты же не думаешь, что я послушаю именно тебя?

Гринор пожал плечами, ответив:

- Думаю, ты не зря столько читаешь и должен быть достаточно умён, чтобы принимать дельные советы от любого, не смотря на твоё личное отношение к нему.

Маг задумался над этим, продолжая идти. Он старался опираться на Феронда рукой, отчего рука, непривыкшая к постоянным нагрузкам, начала ныть от перенапряжения мышц. Это наталкивало мужчину на мысли о том, что Гринор в чём-то всё-таки прав, как бы ни не хотелось прислушиваться к нему.

Стоило выйти к подножию гор, как Лаивсена и Брера встретили их, тревожно глядя на мага. Тот улыбнулся им широкой ослепительной улыбкой, но это не успокоило их.

- Что с тобой? - заботливо спросила Лаивсена, бросаясь к нему, и Гринор ответил за него:

- Не переживай. Он немного сорвался со скалы, и у него, скорее всего, сломана нога, - он подошёл к ней, наклонился к уху и тихо прошептал: - Не стоит жалеть его. Ему не нужно это.

Девушка посмотрела на брата, и по его виду было действительно заметно, что он не страдает. На самом деле больно ему было, но выслушивать причитания не хотелось. Лаивсена перевела взгляд на Гринора, вспоминая, как приятно его горячее дыхание обжигало ухо. Он смотрел на неё, добродушно улыбаясь, и Лайгону хотелось подпортить им этот трогательный момент бессмысленного смотрения друг другу в глаза. Но он посмотрел на Браву. Рыжеволосая смотрела на Феронда, и маг отлично понял, о чём она думала. Она радовалась, что с ним всё хорошо, и что со скалы сорвался не он.

Маг ощутил себя каким-то злыднем. В конце концов, нет ничего плохого, что кто-то в кого-то влюбляется. Он подумал даже, что виной своему недоверию к чужим влюблённостям является он сам, а вовсе не окружающие. Не может же быть, что все его родственники обречены выбирать себе не тех спутников жизни! Не может быть, что все вокруг так уж не правы, а он - последний оплот абсолютной истины. Думая так, он не стал мешать своим спутникам наслаждаться встречей.

- Нам пора возвращаться, - мягко сказал Феронд, глядя на Браву с теплотой и нежностью.

- Всё хорошо.

- Всё хорошо? - возмущённо переспросила Лаивсена. - Он ранен!

- Я имел в виду, что всё могло быть хуже, - поспешно исправился Феронд, начиная продвигаться к привязанным коням.

- Он прав, - заметил Гринор. - Лайгон легко отделался, так что не стоит так беспокоиться о нём. К тому же он ведь редко калечит себя. Считай, боевое крещение.

Девушка прикинула, сколько ушибов и ран случается получать валинкам в состязаниях, и ответно улыбнулась идущему рядом мужчине. Он был прав - вечно оставаться невредимым маг просто не мог.

Глава 11

Лайгон провёл в лазарете почти неделю. За это время лекарь постоянно колдовал над треснувшей костью, так что свободного от лечения времени у мага почти не было. Илрух, лучший в Валинкаре заклинатель недугов, заботился о нём, стараясь как можно скорее поставить на ноги. Маг читал книги и не очень-то скучал, пытаясь изучить теорию магии исцеления и наблюдая за практическим её применением.

- Илрух, - обратился он как-то к лекарю. - Ты долго обучался своему умению?

- Нет, - ответил тот. - Я и не обучался.

- Здесь написано, что способность исцелять проявляется постепенно, и нужно тратить много сил, чтобы раскрыть весь заложенный в лекаря потенциал. Нужно постоянно работать над собой и самосовершенствоваться. Ты вот работал над собой?

- Нет, - покачал головой Илрух и продолжил водить ладонями параллельно голени Лайгона, но не касаясь его кожи. - Я просто делаю своё дело. От того, скольких я лечу, я не лечу их лучше. Мне кажется, опыт не имеет значения здесь. И тренировать свои умения, в отличие от физических сил, совершенно незачем.

- То есть, если ты год не будешь никого исцелять, твои умения не уменьшатся? - удивился маг.

- Даже наоборот, - улыбнулся Илрух. - У меня накопится много нерастроченной энергии, и тот, кому посчастливится оказаться первым пациентом после долгого перерыва - получит первоклассное лечение.

- То есть, книги врут? - уточнил Лайгон.

- Выходит, что так, - ответил лекарь немного виновато. - Я не знал, что способен исцелять, пока это резко не понадобилось лично мне. Я помогал возводить надстройку у дворца и был неаккуратен. Сорвался с огромной высоты, лежал и почти умирал. Мэггон пытался мне помочь, но всё тщетно. Кровь из разорванной плоти было не остановить. И у меня было два варианта - закрыть глаза и умереть или попытаться самому спасти себя.

- И ты спас? - поразился маг. - Вот так, просто? Без подготовки и тренировки?

- Да, - он задрал край своей рубахи, показывая кривые шрамы от рваных ран в области рёбер.

Маг нервно сглотнул, представив, как в этих местах торчали переломанные кости. Его начало мутить от ставшей перед глазами картинки.

- Слушай, Лайгон, - вздохнул лекарь. - Брось ты эти книги. Магия - она в тебе. Либо есть, либо нет. И ты никогда не угадаешь, что заставит тебя проявить её. Но почувствовав свои способности однажды - ты уже не сможешь забыть или потерять их. Их не надо удерживать или развивать - они часть тебя. Только раскрываются... ступенчато. Как знать, может, если я буду помирать с голоду - выяснится, что я могу создавать пищу из ничего. А, может, не смогу и издохну. Но это я увлёкся, ты суть улови: нет в книгах мудрости. Их невесть кто писал и невесть для чего...

Лайгон внимательно смотрел на валинкарца и думал о том, что тот ему сказал. Илрух больше от своего занятия не отвлекался, продолжая водить руками вдоль повреждённой ноги. Магу подумалось, что, быть может, если бы этот целитель старался развиваться, то мог бы вылечить его гораздо быстрее.

- Сколько лет ты уже исцеляешь? - спросил Лайгон.

- Ну и вопросы у тебя, - хмыкнул Илрух. - Не считал я. Уж больше полутора тысяч лет всяко будет.

- И тебе никогда не хотелось большего? - поинтересовался маг.

- Большого? - переспросил лекарь. - Воскрешать, что ли?

- Ну хоть бы и воскрешать, - пожал плечами молодой мужчина.

- Нет, не хотелось, - честно ответил Илрух. - Воскрешать - это уже игры с мирозданием. Это не по мне.

- Ну а если не воскрешать, а... - маг задумался, прикидывая, как лучше задать вопрос, чтобы быть понятым. - Неужели не хотелось, например, излечивать не за несколько дней, а, скажем, за час?

- Ты куда-то торопишься? - задал встречный вопрос целитель.

- Нет, - признался Лайгон, и тот удовлетворённо кивнул:

- Вот и я нет. Вообще, странный ты. И вопросы у тебя странные. Дело тебе говорю - оставь книги гнить в подполе, там им самое место.... - он понял, что маг настроен на разговоры и всё равно не даст ему сосредоточиться и сказал: - Ладно, я пойду, дела помимо тебя у меня тоже есть.

Лайгон кивнул на прощанье и проводил Илруха взглядом. Последнее время больно много кто советовал ему заняться делом и прекратить изучать магию, по крайней мере, по книжкам. Лекарь заставил задуматься и о том, что, возможно, для раскрытия своих способностей нужно какое-то событие. Вот только какое? Критическое? Смертельно опасное? Но это было слишком рискованно - оказываться на грани жизни и смерти ради призрачной надежды узнать, есть в нём магические способности, подходящие для спасения своей жизни, или нет. Маг закрыл глаза и подумал, что попытается стать более похожим на своих сородичей. По мере сил. В качестве эксперимента.

Глава 12

Стоило его ноге поправиться настолько, что она снова могла служить полноценной опорой, маг отправился в подвалы Валинкара. На этот раз он не искал книги и письмена. Впервые его интересовало оружие. Он перерыл горы обломков мечей, которые пока никто не удосужился переплавить на что-то полезное. Пересмотрел каждый кинжал, что встретился ему. Но ни к чему не лежала душа привередливого мага.

Решив попытаться стать ближе к образу добропорядочного валинкарца, Лайгон не собирався признавать все их привычки. Он просто тоже решил освоить какое-нибудь оружие. При этом участие в состязаниях по-прежнему казалось ему пустой тратой времени. В связи с этим он выбирал оружие, которое *ему* понравится, а не то, которое могло бы понравиться остальным.

Два дня поисков завершились успехом. Лайгон, наконец, нашёл то, что пришлось ему по вкусу.

Часом позже он уже шёл по пролеску, что рос за дворцом. Ушедший в свои мысли, мужчина даже не заметил следующего на почтительном расстоянии от него Феронда. Прихрамывая на правую ногу, Лайгон вышел на поляну и натянул тетиву лука, целясь в толстое дерево. Стрела со свистом рассекла воздух, но не попала в цель.

- Проклятье! - рассердился он, вынимая из колчана следующую стрелу.

Но и следующая, и последующая стрелы упрямо не попадали в дерево. Да и лук оказался весьма тяжёлым, так что маг вообще не представлял, как с ним можно идти в реальный бой. Таскаться с ним тяжело, стрелы имеют тенденцию заканчиваться, да и тоже немало весят, если их много. Впрочем, в бой он не собирався, а ради развлечения вполне можно было посвящать своё время тренировкам в меткости.

Пока Лайгон не оставлял бесплодных попыток, стараясь по-разному держать рукой лук и по-разному отпускать тетиву, его брат приблизился и скромно наблюдал, не привлекая к себе внимания. Но маг заметил его, хотя тоже не подал вида, пока брат первым не заговорил с ним.

- Чего это ты удумал освоить стрелковое оружие? - осведомился Феронд, слегка улыбаясь, отчего морщинка на его левой щеке стала отчётливо видна даже издалека.

- Знаешь, Гринор прав, стоит заняться делом, - ответил маг, решив про разговор с лекарем не упоминать, и добавил, улыбнувшись: - Мало ли что. Вдруг война.

- Гринор говорил о мече, - заметил Феронд и лукаво спросил: - И вообще, с каких это пор моего брата волнует мнение окружающих?

- Меня и не волнует, - улыбнулся Лайгон. - Просто он натолкнул меня на мысли об оружии, и я решил попробовать лук. Несправедливо забытое средство обороны.

- Что ж, дело твоё, - не стал спорить Феронд. - Знаешь, Гринор хотел о чём-то поговорить с тобой...

- Так пусть говорит, - безразлично пожал плечами маг, который не представлял, что от него могло понадобиться приятелю Феронда, но и любопытства по этому поводу не испытал.

- Я хочу поприсутствовать, - заявил кареглазый мужчина, и Лайгон удивлённо глянул на него, после чего Феронд пояснил: - Мне интересно просто...

Маг выпустил очередную стрелу. Снова неудачно. Опустив лук, он посмотрел на молчащего, но не собирающегося никуда уходить брата и спросил:

- Я так понял, ты будешь стоять над душой, пока мы не узнаем, что твоему прихвостню от меня надо?

- Верно, - кивнул тот. - Но я тебя не тороплю. Продолжай стрелять... учиться стрелять...

Лайгон недовольно глянул на него. Не уйдёт ведь. Маг вздохнул. Пожалуй, эта затея с луком не задалась с самого начала, а от присутствия наблюдателя и вовсе пропало желание продолжать. Мужчина нехотя пошёл к дереву, вокруг которого в приличном радиусе валялись

стрелы, и принялся собирать их, надеясь однажды возобновить попытки научиться стрельбе. Феронд даже принял участие в сборе стрел. Участиливо передал те, что подобрал, магу, и тот вложил их в колчан. Лайгон был не в духе. Его раздражала вынужденная хромота. Вроде и больно от неё не было, но нога упрямо не хотела нормально вставать и слегка подкашивалась при каждом шаге. Илрух не был великим целителем. Да, кое-что он умел, и его навыков вполне хватало мирным валинкарцам, но маг был уверен - исцелять можно и качественнее. Думая так, он снова ловил себя на мысли, что он чересчур придирается к окружающим. Сам он к своему почти тридцатилетнему возрасту не умел толком ничего. Но то тридцать лет, а Илрух прожил больше полутора тысяч лет, и не мог нормально зарастить трещину в кости.

Они шли молча. До дворца было не очень далеко, но Феронд разумно решил не надоедать магу разговорами. Он отлично знал - если Лайгон настроен на общение - то всегда сам начинает диалог, причём каждый раз пытаясь вывести брата на какой-то бессмысленный спор о простых вещах, в котором Феронду неизменно приходилось проигрывать. Он не всегда умел найти достойный ответ или красиво сформулировать свои мысли. Лайгон знал это и нагло пользовался, хотя все их дискуссии всегда носили дружески-насмешливый характер.

Найти Гринора удалось быстро и неожиданно. Он сам шёл им навстречу, весьма довольный собой. Он заулыбался издали, и маг понял, что ему точно скажут или предложат какую-то гадость: Гринора он не любил и ничего хорошего от него не ждал.

- Тебе уже лучше, Лайгон? - спросил тот, поравнявшись с магом и дружески пожимая его руку в качестве приветствия.

- Да, мне лучше, - отозвался Лайгон, пристально глядя в лукавые глаза собеседника.

- Рад видеть, - снова улыбнулся Гринор, задерживая взгляд на луке во второй руке мага, но, видимо, решив воздержаться от ехидных комментариев, перешёл сразу к делу: - Я хотел предложить тебя отправиться в горы.

- Отправиться в горы? - нахмурился Феронд с непониманием глядя на приятеля: - Зачем?

Гринор пожал плечами, словно недоумевал, для чего ему задали вопрос, если ответ очевиден:

- Это должно быть естественным желанием: в прошлый раз он потерпел неудачу, должен захотеть отправиться туда снова. Взять реванш или что-то вроде того.

- Гринор, перестань! - одёрнул его Феронд. - Это опасно и бессмысленно!

- А я не против, - отозвался маг. - Не горю желанием идти в компании Гринора, но горы прекрасны, и можно прогуляться туда ещё раз.

Гринор посмотрел на Феронда победоносным взглядом и заметил:

- Ты слишком привык оберегать его. А он всё ещё хочет в горы, и это похвально, - он перевёл взгляд на Лайгона, и в нём проскользнуло что-то вроде уважения. - Признаться, думал, ты откажешься.

- С чего бы? - усмехнулся маг. - Кость в ноге восстановлена - у меня нет причин отказываться.

- Что ж... - задумчиво протянул Гринор. - Тогда предлагаю отправиться ночью...

- Ночью? - переспросил Феронд.

- Да, именно так, - подтвердил собеседник. - Если к рассвету добраться до гор, то у нас будет много времени на то, чтобы изучить их. И вернуться к ужину.

Феронд ни секунды не сомневался, что отправится с братом. Сам Лайгон тоже знал это, принимая предложение Гринора. Зачем этому нелюбимому магом валинкарцу снова захотелось в горы, он не знал. Догадывался, что взять реванш хотел как раз он сам - пройти туда, куда другие побоятся идти, доказать Лайгону, что тот по-прежнему всего лишь книжный червь, не способный на преодоление настоящих препятствий. Это было бы вполне в духе Гринора. Но магу сейчас не было дела до его резонов. Ему и самому хотелось снова оказаться на скалистых склонах, но имея в запасе больше времени, чтобы можно было найти окольные пути, добраться

до той расщелины, что привлекла его внимание в прошлый раз или найти что-то интересное вроде той заброшенной тропы, которую давно вымершие аборигены проложили много тысяч лет назад.

- Так, - строго сказал Феронд. - Лаивсене и Браве незачем идти с нами. Поэтому они не должны ни о чём узнать.

- Это зависит от тебя, - улыбнулся Гринор. - Лично я ночью могу добраться до конюшни незамеченным, Лайгон, думаю, тоже. Проблема в тебе. Если ты не придёшь к Браве - она придёт к тебе.

- Мы отправимся во второй половине ночи, - заметил Феронд. - В любом случае, Брера будет в это время спать.

Гринор кивнул и усмехнулся напоследок, уже разворачиваясь и собираясь покидать собеседников:

- Постарайся не очень утомляться - для похода в горы тебе понадобятся силы.

Глава 13

Феронд уснул, сидя в кресле. За ужином он выпил много спиртного, сам не зная, что на него нашло. Предстоящий поход в горы, и, как следствие, необходимость лгать Браве, не нравились ему. Он хотел напиться, и это ему удалось. Он хотел напиться так, чтобы поскорее уснуть и проснуться лишь, когда нужно будет отправляться в путь. Мужчина и сам не понимал, отчего на душе тревожно, но сделал всё, чтобы забыться, и теперь мирно сидел и спал, уронив голову на грудь. Было неудобно, но он совершенно не замечал этого.

Его разбудило чьё-то присутствие. Не голос, не взгляд и не шаги. Просто ощущение, что он не один в своих покоях. Это не насторожило мужчину. Сперва. Он даже долго боролся с желанием посмотреть, действительно ли кто-то пришёл к нему, но любопытство сумело победить лень и сонливость. Феронд открыл глаза.

Человек в балахоне и с покрытой капюшоном головой стоял и разглядывал висящее на стене оружие, словно пришёл именно за этим, и до хозяина покоев ему дела никакого не было. Феронд плохо помнил, запирали ли он дверь, но, кажется, не запирали: ждал, что Брва заглянет. И хотя после выпитого голова плохо слушалась, он был уверен, что того, кто стоял перед ним, он видит впервые. Разум отрезвился быстро, однако движения мужчины были далеки от чётких и выверенных. Он неловко встал с кресла, пытаясь угадать по виду гостя, зачем он пожаловал. Гость тем временем соизволил перевести взгляд на валинкарца. Чёрные глаза, почти сливающиеся с казавшимися тёмно-лиловыми зрачками, смотрели печально, но строго. Тонкие пальцы обхватывали деревянную палку, служившую посохом, хотя пришедший не производил впечатление немощного, которому необходима дополнительная опора. Рукава балахона были расклёшенными и спадали складками, обнажая жилистые руки почти до локтя. Судя по рукам, пришедший был силен и достаточно молод.

Феронд подождал, не заговорит ли гость с ним, но гость не заговорил: стоял и молча смотрел на подвыпившего валинкарца. От него, или от его посоха исходил приятный древесный аромат, и Феронд повёл носом, позволив себе пару секунд насладиться этим запахом. Но не более, чем пару секунд. Взгляд карих глаз был настороженным. Пришедший не был жителем Валинкара, уж в этом Феронд был абсолютно уверен, а, учитывая, что планета была закрытой, присутствие незнакомца пугало.

- Кто ты? - хрипло спросил мужчина у гостя.

- Это не важно, - ответил незнакомец и слишком резко перешёл к указаниям, в результате чего Феронд вообще мало понял, что происходит: - Ты должен понять, что от твоего отношения к Лайгону зависит слишком многое. Покажи ему, что он хуже всех валинкарцев, сделай так, чтобы он понял, что трон никогда не станет его!

Кто этот странный гость и отчего его глаза так беспокойно смотрят, Феронд не понимал, равно как и то, почему от него хотят добиться пренебрежительного отношения к брату.

- С какой стати? - рявкнул мужчина и подался вперёд, желая отнять у гостя посох, на который тот опирался.

Но тот ловко отскочил назад. Феронду показалось, что кончиками пальцев он задел-таки деревянную палку, но только не ощутил этого, поскольку пальцы прошли сквозь неё. Решив, что это только показалось, мужчина сердито уставился в красивое лицо с тонкими чертами, которое вызывало у него раздражение.

- Иначе вы все погибните... - предупредил незнакомец, ничуть не обиженный на выпад хозяина комнаты и вкладывая в свой голос столько печали, что Феронд содрогнулся и решил не нападать пока на жутковатого собеседника.

- Ерунда какая-то... - прошептал он себе под нос, а потом спросил: - С чего нам погибать? К нам вторгнутся враги?

Гость вздохнул, тепло и печально глядя в мутные карие глаза. Он смотрел на него, словно на давнего неизлечимо больного друга, и отчего-то валинкарец ощутил доверие к этому странному, говорящему чушь, мужчине.

- Ты примитивно мыслишь, Феронд! Врагам не обязательно вторгаться, им достаточно проявиться.

- Проявиться? - сбитый с толку мужчина запустил пальцы в свои густые волосы и выдохнул. - А когда они проявятся?

- Скоро, - пообещал гость. - Ты не представляешь, как скоро... Но есть шанс. Небольшой, но пока что есть. Не ходите в горы, - он заметил, что не произвёл должного впечатления на собеседника и спросил: - Ты слышишь? Нельзя вам туда ходить!

- Почему? - спросил валинкарец, искренне не понимающий, что вообще происходит.

- Феронд! - воскликнул гость, глядя совершенно обезумевшими глазами. - Вспомни меня! Я знаю, что это практически не возможно, но сотвори чудо и вспомни!

Феронд провёл ладонью по своей щеке и подумал, что нужно побриться. В его голове были совсем не те мысли, на которые надеялся гость, продолжая глядеть своими чёрными глазами на валинкальца.

- Я не знаю тебя... - покачал головой Феронд, и, заметив, как это расстроило гостя, миролюбиво предложил: - Расскажи мне, что за враги?

Гость переступил с ноги на ногу и взгляд его постепенно сделался усталым и он безнадежно вздохнул, прежде, чем сказать:

- Враг один. И это Гринор, - он с сочувствием смотрел в лицо валинкальца. - Ты просил меня явиться к тебе и направить на верный путь, чтобы спасти Валинкара. Вы не должны идти в горы...

- Я понял! - воскликнул Феронд столь искренно чему-то радуясь, что на мгновение гость поверил, что тот действительно его понял, но нет. - Тебя подослал Гринор! И попросил сказать, что он опасен, что к Лайгону мне стоит относиться холодно, да и горы соваться не следует...

- Феронд... - гость прикрыл глаза и покачал головой. - Не идти в горы и отдалиться от Лайгона - единственный шанс! Я не могу больше возиться с тобой и потакать тебе!

- В каком смысле? - переспросил мужчина и гость, направившись к двери, небрежно бросил:

- Об этом, я надеюсь, у нас не будет повода поговорить. Послушайся моих советов... в конце концов, это твои советы самому себе...

- Бред какой-то...

- Смотри! - выкрикнул гость, указывая тонким пальцем на окно, что располагалось за спиной валинкальца.

Взгляд чёрных глаз был столь взволнованным, что Феронд, недолго думая, глянул в указанном направлении. Но за окном было темно, и что ему хотел показать таинственный незнакомец, осталось неизвестным.

- Куда смотреть? - переспросил мужчина, но ему никто не ответил.

Феронд оглядел свои покои. Он был совершенно один. Гость ушёл столь же беззвучно, как и появился. Мужчина потёр лицо руками, приходя в себя и пытаясь понять - почудилось ему или нет. Он крайне редко так напивался и не мог с уверенностью сказать, что разговор с чудаком в балахоне не был игрой его воображения.

Но подумать об этом вдоволь он не успел, так как в дверь постучали, и ручка на ней задёргалась.

- Эй, откроешь мне дверь? - бодро спросил голос Бравы.

Феронд уснул. Тщетно старался бодрствовать и выжидать, но не удержался. Девушка ласково обнимала его, и он, уставший, нетрезвый, потративший последние силы на бурную

ночь, сам не заметил, как уснул под тихое сопение Бравы. Это было несвойственно ему, словно какая-то сила вынуждала его спать и не ходить ни в какие конюшни за лошадьми, и не отправляться в горы. И мужчина, которому было уютно в объятиях любимой, действительно никуда бы не захотел уходить, если бы проснулся и вообще вспомнил, что надо куда-то идти.

Но в дверь тихо и настойчиво скреблись. Этот звук проникал в сознание сквозь сон и сперва даже органично вписывался в сновидение, но со временем мужчина осознал, что звук настоящий, и кто-то за дверью начинает скрестись громче, теряя терпение. Феронд с трудом разлепил веки. В комнате было достаточно светло от ночных светил, что разноцветной россыпью украшали небосвод. Мужчина осторожно вытянул свою руку из-под головы девушки, так же аккуратно высвободил ногу из мягкого плена женских бёдер, которыми она была обхвачена. Кажется, не разбудил. И, кажется, осталось лишь бесшумно одеться и выбраться из покоев. Но уходить действительно не хотелось. Красивое лицо возлюбленной, разметававшиеся по подушкам рыжие волосы, улыбка на очаровательных губах. Феронд наклонился к девушке и поцеловал её в щёку, мысленно извинившись за то, что должен идти.

Он оделся быстро и вполне бесшумно, как ему казалось. Однако тот, кто был за дверью, явно услышал, что мужчина проснулся, и больше не скрёбся. Это навело Феронда на подозрения и он прихватил с собой меч. Зачем? Он и сам не мог объяснить. Но чувство тревоги прочно сидело где-то в глубине души. Он что-то чувствовал, но не мог понять, что именно. Смятение и... какое-то отчаянье. Словно он проиграл в самой важной игре, какая только могла быть в его жизни, причём знал, что проиграл, но как, когда именно и в какой такой игре - понятия не имел. Это странное, трудно передаваемое словами чувство грызло его душу с прошлого вечера. И любовь Бравы, подаренная ему этой ночью, не помогла избавиться от него, лишь загнав на время в какой-то дальний закуток сознания. Но теперь, когда мужчина делал невыносимо долгие три шага к двери, это чувство вырвалось, ослепило и обожгло, а после въедливо засело в душе.

Феронд тихо отодвинул щеколду и приоткрыл дверь левой рукой, в правой держа обнажённый меч. Рядом с дверью, на полу у стены сидел Лайгон и, запрокинув голову вверх, взирал на брата с недоумением. Мужчина выдохнул, и, выйдя в коридор, закрыл дверь в свои покои. Оглядевшись по сторонам, как параноик со стажем, он убрал меч в ножны.

- С тобой всё хорошо? - шёпотом спросил маг, поднимаясь с пола и пытливо заглядывая в лицо брата. - Ты нервный какой-то...

Брат ответил не сразу, жестом приглашая Лайгона идти вниз и не терять время. Поговорить можно было и на ходу.

- Я... - мужчина немного задумался, и ответил то, что и сам считал правдой: - Я просто проспал, и мне снился паршивый сон...

- Сильно паршивый? - участливо спросил Лайгон, поскольку выглядел его брат так, словно не спал несколько суток, сидя в засаде в тылу врагов.

- Да нет, - Феронд попытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутая и кривая. - Просто сон странный и реалистичный. Никогда такого не было.

- Ты и не напивался так никогда, как за ужином, - подметил маг.

- Верно, - кивнул Феронд, припоминая вчерашний вечер.

- Ну и что причина, а что следствие? - полюбопытствовал Лайгон, но его собеседник был слишком подавлен и не желал задумываться над невнятно поставленными вопросами.

Несколько мгновений он ждал, что маг пояснит, чего хочет услышать от него, но тот не пояснил, и пришлось признаться:

- Не понял вопрос.

Лайгон вздохнул и переформулировал попроще:

- Ты был нервным и напился, или ты такой нервный от того, что напился?

- Я не хотел напиваться, - соврал Феронд. - И наверно, из-за этого мне приснился дурной сон, и теперь я нервный. Но это скоро забудется... я надеюсь...

Маг не нашёл, чем подбодрить брата. Самому ему кошмары не снились никогда, и с обнажённым мечом он гостей тоже не выходил встречать. Как бы то ни было, у них был план действий и отступать от него пока никто не собирался. Ночью предстояло скакать на лошадях, а днём, когда Светило согреет всех своими лучами, Феронд позабудет о том, что ему почудилось и, возможно, никогда больше и не вспомнит.

Гринор уже сидел на своём гнедом коне, когда в конюшню вошли Лайгон с Ферондом, и пришедших встретил усмешкой, но ничего не сказал. Настроение у мага было неплохое, но он счёл наилучшим тоже не заводить разговоров и дать брату время оклематься.

Трое всадников прокладывали путь к горам примерно по следам своей первой вылазки. Лайгон не выказывал своего стремления попасть именно в те места, где они были тогда, но Гринор явно разделял это желание, осознанно или неосознанно. Магу почему-то казалось, что если он выкажет свою заинтересованность вернуться на то же место, то Гринор обязательно попытается убедить их в том, что надо ехать к горам с какой-нибудь другой стороны. Маг краем глаза следил за братом. Ветер в лицо и ночная прохлада привели его в чувство. Хотя Феронд и не светился счастьем, и лицо его было суровым, а брови нахмуренными, но всё же чувствовалось, что прежнее напряжённое состояние прошло. Теперь он просто был недоволен и мрачен.

В голове Феронда роились мысли. Столь разные и смутные, что им просто не было места в его сознании. Образ человека, посетившего его не то во сне, не то наяву, мешал трезво мыслить. Дверь ведь была закрыта, а проходить сквозь стены не умел даже Мэггон. Или умел, но не показывал? Да даже, если незванный гость пришёл сквозь стену, было непонятно, откуда он пришёл и как следует понимать весь тот бред, что он наговорил? Как ни крути, получалась ересь какая-то. Гринор был врагом, по версии гостя. Врагом, который пока им как бы и не был, но мог стать. Это представлялось весьма сомнительным: Гринор был заурядным валинкарцем, которого отличало лишь то, что они с Ферондом дружили, с магом - не любили друг друга, а с Лаивсеной - флиртовали друг с другом. Ничего такого, что могло бы сделать его опасным для всех валинкарцев. Кроме того, не идти в горы, опять же, по словам незнакомца, было недостаточным условием для спасения Валинкара. Почему-то (это уж было совсем непонятно, почему) его пытались науськать против брата без каких-либо на то причин. И самым странным была уверенность гостя в том, что это всё не его требования, а требования не кого иного, как самого Феронда. Что, впрочем, незнакомец тоже никак не пояснил. Из всего этого следовал очевидный вывод: даже если гость по какой-то причине был реальным, то нёс он откровенную чушь.

Глава 14

Рассвет встретили у подножия гор. Ждали его около часа, так как в предрассветном сумраке лезть в горы не хотелось. Стоило Светилу озарить первыми, несмелыми и не палящими лучами прекрасный Валинкар, как сидящие возле лошадей путники поднялись с земли и решительно зашагали в уже знакомом направлении.

Дойдя до той самой тропы, с которой сорвался Лайгон, все остановились.

- Должен быть другой путь, - сказал маг. - Более длинный, но должен быть.

- Ты просто боишься, - попытался подначить его Гринор, но тщетно.

Феронд отрезал, строго посмотрев на приятеля:

- Его нога ещё не надёжна, и потому мы будем искать другой путь.

- Ты прав, - виновато кивнул Гринор. - У нас есть время и не за чем рисковать.

Они обошли все возможные щели и закутки, но везде были отвесные стены из камня. Пришлось вернуться к тропе. Гринор посмотрел вверх. Скала уходила не очень высоко, и была не слишком ровная. При желании можно попробовать вскарабкаться на неё. Правда, ни у кого из троих опыта в скалолазании не было, но попытаться стоило. Он высказал свои мысли:

- Если один из нас пройдёт по тропе и окажется наверху, то остальные смогут залезть по скале, а там уж первопроходец подаст руку.

- А как назад? - осведомился Лайгон. - Забираться всегда проще, чем спускаться!

- Это верно, - кивнул Гринор. - Но другого пути наверх я не вижу. Так что обратно спрыгнешь как-нибудь. Впрочем, можно проехать вдоль гор и попробовать забраться с другой стороны.

- Нет, - уверенно сказал маг. - Давайте попробуем так, как ты говоришь.

Соглашаться с Гринором не хотелось, но Лайгон всегда признавал здравый смысл больше, чем личные неприязни. В этот раз разум снова возобладал над негативными чувствами, что он испытывал к этому валинкарцу.

- Я пройду по тропе! - вызвался Феронд, но Гринор отговорил его:

- Давай лучше я. Я вешу меньше, подо мной тропа не обвалится. А вытянуть вас наверх я смогу.

Мужчина не счёл аргументы убедительными, но и не нашёл, что можно возразить, поэтому кивнул. Лайгон улыбнулся уголками губ. Рисковать Гринором было лучше, чем рисковать братом.

Вызвавшийся валинкарец шёл бочком, осторожно, проверяя каждый шаг. Гринор при этом перемещался довольно резво. Гораздо быстрее, чем Лайгон в прошлый раз. Всё-таки свойственного валинкарцам бесстрашия в маге было чуть меньше, чем в его сородичах. Он считал это благоразумием, и потому зависти не испытал, глядя на ловкие, но аккуратные движения своего неприятеля.

Гринор скрылся за поворотом, потом послышалось падение камней, но явно несущественное, и не прошло и десяти минут, как мужчина свесился со скалы и победоносно сказал:

- Тропа хрупкая, так что лезьте здесь.

- Ты первый, - улыбнулся брату Лайгон. - Не хочу хвататься за руку Гринора.

- Не доверяешь? - усмехнулся Гринор, который отлично всё расслышал, хотя маг и не скрывал своего отношения к нему.

- Скорее, не хочу обременять, - ответил Лайгон с елейностью в голосе.

Феронд полез наверх. Это оказалось не таким уж сложным занятием, если не смотреть вниз и не думать о плохом. Уступов было много. Не в каждый рука удобно ложилась, но всегда можно было выбрать, потратить время на подбор опоры, но всё-таки уцепиться за надёжный выступ и подтянуть тело наверх. Гринор смотрел за тем, как его друг ловко взбирается, и понял,

что тот обойдётся и без его помощи. Действительно, вскоре Феронд оказался на скале. Там была небольшая площадка, зато длинная, тянущаяся куда-то, словно дорога, только из неё кое-где торчали кустики с мелкими, закрученными в трубочки листиками. Не то эти растения были чем-то большы, не то это было их особенностью.

Лайгон тоже начал восхождение. Ему было труднее, чем брату. Нога по-прежнему раздражала, да и ловкости в нём было не так много, чтобы легко взобраться наверх. Маг старательно выбирал уступы, и перемещался медленно. Но никто не торопил его. Гринор смотрел в сторону дворца, а Феронд следил за действиями брата, свесившись, чтобы в случае чего попытаться подстраховать. Но мужчина справился без посторонней помощи.

Когда все трое были на месте, они направились к расщелине, которую заметил Лайгон в прошлый раз, и которая не осталась незамеченной Гринором при его прохождении тропы.

При ближайшем рассмотрении расщелина оказалась пещерой, просто от её верха по скале шла трещина, так что издалека это смотрелось, как нечто естественное. Вблизи же было очевидно, что это творение разумных существ. И маг поёжился отчего-то. Хотя ещё недавно его манила тропа и мысли о том, что когда-то по ней ходили древние жители гор. Теперь же в душе Лайгона засела холодящая жуть, замешанная на дурном предчувствии.

Тёмная пещера была таинственной и заманчивой, но трое валинкарцев стояли перед входом и каждый осознавал, что не хочет познавать её тайны. Каждый в глубине души желал поскорее уйти, но привычка валинкарцев не отступать, ярость в стремлениях и гордость не давали им признаться друг другу в этом. Лайгон смотрел в неприветливое тёмное нутро пещеры, от которого веяло холодом и какой-то угрозой, и, первым нарушив молчание, предложил:

- Может, пора повернуть к дворцу? - это было идеальной формулировкой, на которую два его спутника могли ответить утвердительно, не расписываясь в собственном малодушии.

Но шансом никто не воспользовался, а Гринор посмотрел на Лайгона презрительно и осведомился:

- Устал? Или болит нога? Или боишься не успеть посмотреть на ночное небо с сытым желудком?

- Там опасно, - спокойно ответил маг. - Раньше горы были населены, и от прежних обитателей могли остаться ловушки или...

- Или ты просто боишься темноты и каменных мешков, - закончил за него Гринор.

- Не смей обвинять его в трусости! - воскликнул Феронд, но маг остановил его гневную речь:

- Не стоит путать трусость с благоразумием. Одно дело идти в горы, собираясь лазать по ним, и совсем другое - сунуться внутрь.

- Вы оба ничего не понимаете! - заметил Гринор, глядя на своих спутников. - Лайгон сказал, что прежде горы были населены, но нынче они пусты и безжизненны. Из этого следует, что там могло остаться много полезных вещей...

- И опасных, - добавил маг. - Мы не можем утверждать, что там есть что-то полезное, но что там опасно - это очевидно.

Феронд задумчиво смотрел на тёмную пещеру, которая так и манила зайти и посмотреть, что же там внутри. Гринор был прав. Там могли оказаться богатства, артефакты и много полезных вещей. Он посмотрел на Лайгона и подумал, что, если судить объективно, его брат всегда был излишне осторожен и, возможно, даже трусоват. И сейчас зелёные глаза обеспокоенно смотрели на брата, надеясь, что он примет верное решение. Мужчина вздохнул: Лайгон, хоть и был старше, всё равно всегда признавал его авторитет и сейчас ждал от него вердикта относительно вопроса, идти или нет внутрь гор.

- Мы пожалеем, если не сходим туда, - как бы оправдываясь перед магом, сказал Феронд.

- Если сходим, то тоже наверняка пожалеет, - буркнул Лайгон, хотя по карим глазам, загоревшимся азартом, было ясно, что решение уже принято и заставить мужчину изменить его никто теперь не в силах.

- Феронд, как всегда, прав, - поддержал своего друга Гринор и посмотрел на мага с усмешкой: - Тебя никто не заставляет идти с нами.

Лайгон покачал головой, глядя на брата. Тот отлично знал, что маг не позволит ему идти одному. Феронд ободряюще улыбнулся и направился первым в темноту. Гринор последовал за ним, а Лайгон потрудился наспех соорудить факел, отломав от какого-то полусохшего низкорослого горного деревца сук, обмотав его бинтами, снятыми со своей ноги и прошептав несколько заклинаний.

Он вошёл в пещеру последним, но спутники его недалеко ушли: они стояли около развилки и не знали, в какую сторону лучше направиться. Феронд улыбнулся брату, завидев его с горящим факелом, и тот укоризненно покачал головой: не стоило соваться в пещеру не подготовленными. И этого жалкого подобия факела тоже не могло хватить надолго, сколько над ним ни колдуй.

- Что ж, Феронд, выбор за тобой, - легко и ненавязчиво переложил на него ответственность Гринор.

- Ещё не поздно повернуть назад, - напомнил Лайгон, но брат с улыбкой посмотрел на него:

- Ты же хотел в горы. Вот они, изнутри, так сказать. Это совсем не то, что просто созерцать их или карабкаться вверх по уступам. Тут действительно жутковато, но в этом вся прелесть! - Феронд выбрал направление и повёл товарищей вправо.

Маг посмотрел на стремительно пожираемые пламенем бинты и подумал, что зря во всё это ввязался. Инстинкты и предчувствия молили повернуть назад, но нежелание бросать брата было сильнее.

Глава 15

Они шли по пустому туннелю с довольно низкими потолками. Впрочем, пригибать голову не приходилось, но стены и потолок словно давили на мага, и он ощущал себя в западне, из которой нет выхода. Он обернулся назад, так как ему почудилось, что кто-то тихий и невидимый смотрит ему в спину. Но позади была лишь темнота и небольшой участок света от факела. Преследователя не было. Или не было видно. Лайгон почувствовал, что ему становится не по себе. Он не мог пока понять, что именно не так, но что-то с ним происходило, и это было нечто нехорошее. Лайгон попытался взять себя в руки и не поддаваться страху. Самым мерзким было то, что этот страх он не мог объяснить себе. Это ожидание опасности, чувство, что позади, там, в темноте, кто-то есть и он следит за ними, было хуже, чем если бы эта опасность была явной.

Феронд и Гринор тоже притихли. Маг чувствовал их волнение, но эти двое были слишком горды, чтобы показать его и слишком упрямы, чтобы повернуть назад. Магу стало решительно плевать, что его сочтут слабаком и трусом, и он попытался ещё раз вразумить своих товарищей:

- Пока выход недалеко, мы ещё можем вернуться. И прийти потом, с хорошими факелами и...

- Тихо! - шикнул на него Гринор, и Лайгон замолк.

Но тот лишь рассмеялся, правда, неестественно и нервно:

- Что, боишься?

- Да, - честно ответил маг, не видящий ничего постыдного в своём инстинкте самосохранения.

Гринор не успел ответить, так как факел догорел и погас. Это подействовало на всех удручающе и несколько мгновений все трое молчали. Лайгон ждал, что хотя бы один из его товарищей сообразит, что идти в темноте искать сокровища - это глупо, но внезапно вдалеке забрезжил свет. Маг нахмурился.

- Там кто-то есть... - прошептал он, но Гринор ответил бодро:

- Вот и выясним, кому ещё не сидится во дворце, и не дадим им найти наши артефакты!

- голос его прозвучал уверенно, и маг с ужасом осознал, что его спутники просто не понимают, что там может быть кто угодно, а вовсе не валинкарцы.

Однако свет в глубине гор показался Феронду и Гринору добрым знаком. Они приободрились и смело пошли вперёд. Лайгону ничего не оставалось, как последовать за ними, хотя теперь он уже точно знал, что за ними кто-то наблюдает, но решил не говорить об этом, чтобы идущие с ним валинкарцы не подумали, что он снова отговаривает их от опасной затеи.

Однако свет был от факелов, и ни одной живой души поблизости не было. Просто туннель, в который вышли путники, оказался освещён факелами, равномерно воткнутыми в специальные углубления в стенах. Факелы были самые обыкновенные, без каких-либо следов магии. Это означало, что их постоянно поддерживали в рабочем состоянии.

- Нам лучше уйти, - не выдержал маг. - Такое количество факелов требует обслуживания не одним существом. Эти горы кем-то населены, и здесь нам точно нечего ловить.

- Он прав, - согласился Феронд. - Это не брошенные горы и не одинокий рыщущий в них валинкарец. Здесь кто-то живёт, и вполне возможно, не обрадуется встрече с нами.

Гринор нехотя кивнул, глядя на освещённый загибающийся туннель, стены которого расширялись к потолку. Где-то раздался скрежет, но эхо так разносило по переходам этот звук, что хотя бы примерное расположение его источника определить было невозможно. Феронд и Лайгон переглянулись. Оба начинали паниковать, но младший брат старался сохранять спокойствие, однако меч свой он тут же обнажил. Гринор посмотрел на него, и стало ясно, что он тоже напуган.

- Уходим! - скомандовал Феронд, и все трое бросились обратно в тёмный туннель, который должен был вывести их к выходу из пещеры.

Однако скрежет, который столь напугал их, возвещал собой о ловушке, которая открылась за счёт сдвига напольного металлического листа, замаскированного под каменный пол толстым слоем каменной крошки. Спешащие к выходу валинкарцы не заметили зияющей в полу черноты, поскольку в непроглядной тьме узреть это у них не было ни единого шанса. С криками и руганью все трое рухнули вниз и вскоре приземлились, ударившись о твёрдый пол. Там, куда они попали, было темно, и вскоре послышался скрежет на потолке - плита встала на место. Маг ушибся несильно, поскольку потолок, как и в туннелях, не был высоким, и потому падение явилось скорее неожиданным, чем болезненным. Гринор и Феронд, однако, умудрились расшибиться сильнее, чем Лайгон. Они шипели от боли и громко ругались на неведомого противника, грозили ему и проклинали. Лайгон отлично понимал их: они чувствовали себя униженными из-за того, что были напуганы и из-за того, что так глупо попались. Они, лучшие валинкарцы, оказались в крошечной темноте в неизвестном месте и без каких-либо радужных перспектив. Да и вообще было неясно, бросят ли неведомые обитатели гор их здесь умирать или хотя бы покажут.

Когда первые бурные эмоции улеглись, и стало очевидно, что никто не спешит к угодившим в ловушку валинкарцам, они стали потихоньку изучать и обдумывать своё положение. Каждый про себя подумал, что очень хорошо, что на полу не было ни шипов, ни битого стекла и ничего такого, что могло сильно поранить их. Они были здоровы (немного ушибов не в счёт), полны сил и оставались все вместе. Поразмыслив, они молча принялись ощупывать стены и пытаться разобраться с тем, что же делать дальше.

Лайгон сразу подумал, что на что-то это место было похоже. Этот зал: тёмный, мрачный, сырой... каменный. Точно! Он казался очень похожим на тот, в котором Мэггон любил тренировать их. Только вот здесь было невозможно сосредоточиться. Вроде бы он был так же пуст, и ничто не отвлекало, но даже у Лайгона не получалось собрать светящийся шар. Он понял, что чувствовал Феронд в своих попытках хоть что-то создать. Сколько ни пытайся, а воздух был единым целым. Из него было невозможно выделить ничего. Маг ощутил, что дышит слишком шумно и часто. Нервничает. Магия, такая незначительная часть его существа, была недоступна ему сейчас, и это приводило его в ужас. Он и не думал, что это такая неотъемлемая часть его сущности. Вроде мог вполне обходиться и без неё... Но это было естественным - ощущать свои, пусть невеликие, но силы. Сейчас же Лайгон чувствовал себя беспомощным. Гринор с Ферондом хотя бы обладали физической силой. Лайгон, конечно, тоже совсем уж слабаком не был, да и зачатки ловкости у него присутствовали, но драться он попросту не умел, и потому, если встретятся враги, противопоставить им ему будет нечего.

Маг провёл рукой по каменной поверхности и понимал, что она странная на ощупь. Приглядевшись, он заметил сверкающие ультрамариновые полосы, словно кто-то вживил в камни какой-то странный металл. Лайгон нервно сглотнул, припоминая всё, что когда-то читал. Это был ореливий. Сомнений не оставалось: они провалились в пещеры, где некогда обитали исконные жители их искусственно созданной планеты. Древние предания, которые маг считал сказкой, оказались правдивы. Давным-давно горы были населены. И ореливий блокировал магические силы. Здесь, в одном этом зале, ультрамаринового металла было так много, что об использовании своих способностей Лайгон мог и не мечтать. Кроме того, прежние обитатели старательно сделали обычные каменные стены ореливиевыми. Боялись магии? Да, очевидно боялись. Вот только чужой или своей собственной? Лайгон нахмурил свои чёрные брови, пытаясь припомнить. Обладали ли магией жители древнего Валинкара. Нет, не обладали.

Лайгон в который раз ощутил, что на него смотрят. В темноте снова было ничего не разглядеть, но чувство это крепло с каждой минутой. Чужой взгляд нервировал, заставлял

вести себя осторожно и продумывать каждое действие. Этот кто-то хорошо видел в темноте, и маг чувствовал себя уязвимым и беспомощным, не видя ровным счётом ничего.

- Здесь выход, - сказал Феронд откуда-то слева, и маг направился в сторону звука, слыша шаги Гринора, который сделал то же самое. Они подошли к позвавшему их почти одновременно, и Феронд сказал им:

- Здесь угол, а дальше идет стена. Потрогайте.... Стоит туда идти?

- Не стоит, - ответил Лайгон. - Но и сидеть здесь тоже нет смысла. Если бы нас хотели убить - убили бы уже...

- Даже ты осмелел, - хмыкнул Гринор. - Что ж, пойдёмте, действительно, не сидеть же здесь!

Они направились по туннелю, проверяя каждый шаг и держась за стену. Но это не помогло им избежать пленения. Стоило всем трём собраться более-менее рядом, как на них откуда-то сверху упала тяжёлая сеть, сделанная из цепей, которая заставила мужчин упасть под своим весом. Впрочем, Феронд и Гринор быстро вскочили на ноги. Лайгон поднялся медленно, так как понимал: теперь уже спешить некуда. Феронд ударил мечом по цепи, надеясь перерубить их. Он никогда прежде этого не делал, но решил, что стоит попытаться. Однако меч не выдержал удара, и в руках мужчины оказалась рукоять с обломком клинка, вторая часть которого со звоном упала за пределы сети.

- Это ореливий, - пояснил Лайгон. - Бесполезно противостоять ему - он тяжёл и прочен.

Но спутники не слушали его. Они словно взбесились от того, что оказались не готовы к ловушке, а осознание безвыходности лишь подстёгивало их, ранило самолюбие и заставляло биться в этой тяжёлой каменной сети в тщетных попытках выбраться.

А маг, глядящий в темноту туннеля, узрел того, кто следил за ними. Возможно, это был не конкретно тот, но наверняка, следящий за ними из темноты относился к тому же роду, что и тот, чей силуэт вырисовался впереди. Лайгон даже и не знал: радоваться или печалиться. Вроде и хорошо, что они не умрут голодной смертью в этой сети, а вроде и неясно, какие на них планы у неизвестного существа. Мага временами пихали локтями его спутники, которые продолжали дёргаться, совершенно не замечая появление чужого создания. А маг тем временем разглядывал его.

Он был на голову ниже валинкарцев. Тощий, но не болезненно, а как-то вполне органично тощий, при этом мускулистый и со странным серебристым цветом кожи. Было неясно, естественный ли это цвет или он чем-то вымазался. Впрочем, так идеально вымазаться было бы трудно, но тем не менее кожа его немного светилась в полутьме. К отчаянно пытающимся выбраться из сети валинкарцам приблизился он медленно, и Лайгон, меньше всех занятый сопротивлением, разглядел его лицо.

Серебристая кожа, изогнутые волной ярко выраженные брови, огромные, жутковато огромные, светло-голубые почти прозрачные глаза со странными зрачками: зрачок правого глаза был похож на стареющую луну, а левого - на растущую. Длинный тонкий нос придавал облику этого создания несколько забавный вид, но глаза его горели недобрым огнём, словно он был готов порвать пленников в клочья на этом самом месте. Тонкие розоватые губы расплылись в довольной, но злой улыбке, обнажая ровные ряды белоснежных остроконечных зубов. Кроме того, это создание носило бороду и усы, но они были столь реденькими, что казались просто жалкими. Да и весь незнакомец почему-то вызывал у мага жалость: скрюченные пальцы на руках, коротенькие волосы на голове, лопоухие ушки и ощущение, что это создание просто не умеет выпрямлять спину. Если бы не глаза и улыбка, маг мог бы подумать, что не ошибся в своих чувствах к поймавшему их. Но Лайгон был уверен - перед ним сильный и жестокий противник.

Зеленоглазый мужчина засмотрелся на невиданное существо и получил от Гринора локтем под рёбра, причём весьма чувствительно.

- Хватит паяльничать! Помогай лучше! Твои силёнки хоть мало, да помогут!

В этом Лайгон уверен не был. Феронд мог бы ответить Гринору, но не услышал его слов, поскольку издавал сердитое рычание, заглушая для самого себя всё вокруг. Маг попытался принести пользу, но безрезультатно. Физические силы его не позволяли порвать или хотя бы разогнуть сооружённую из цепей сеть, а магические под действием ореливия и вовсе отказывались просыпаться, словно и не было их никогда.

Гринор, высказав Лайгону, что хотел, потерял к нему всякий интерес и теперь с ревностным усердием пытался высвободиться. Он не раз старался приподнять сеть с пола, но она словно приросла к нему и ни за что не хотела отрываться от каменной поверхности. Феронд был в бешенстве, остервенело сражаясь с непокорными цепями и неистово низко рыча, словно зверь.

Маг смотрел, как эти двое впали в иступление, потеряв всякое самообладание и чувство меры. Они напрочь отказывались признавать, что они пойманы и из сети своими силами не выбраться. Ярость, столь присущая всем валинкарцам, захлёстывала их, но не подчиняла себе Лайгона.

- Хватит! - пытался докричаться до них маг. - Вы попусту тратите силы! Перестаньте же! - но его голос тонул в звоне цепей, рычании Феронда и шумном дыхании рассвирепевшего Гринора.

Наконец, силы стали покидать их, и в подземном зале постепенно стало заметно тише. Маг понял, что именно этого и ждал незнакомец, с довольным видом наблюдавший за отчаянными попытками пленников вырваться.

- Вы бросили нас! - прошипело скрюченное создание, и голос его прозвучал неожиданно громко и чётко. - Когда были так нужны! Отвернулись от нас, а теперь заявились к нам, когда мы на грани вымирания!

От его обвинительной речи пленники на некоторое время замерли в удивлении.

- О чём он говорит? - шёпотом спросил у Лайгона Феронд.

- Пока не знаю, но догадываюсь. Молчи и слушай, пусть побольше выскажется.

Неизвестный был не один, постепенно зал наполнялся ему подобными созданиями, а тяжёлая сетка, в которой бились пойманные валинкарцы, никак не хотела поддаваться.

- Прекратите дёргаться! - попросил Лайгон своих спутников. - Вы только раздражаете их!

Гринор одарил его презрительным взглядом, продолжая попытки высвободиться:

- Не все готовы так просто сдаться, как ты!

- Я и не собираюсь сдаваться - надо узнать, почему нас поймали! - попытался объяснить свою позицию в данном вопросе маг.

Но Гринор не успел ответить, а Феронд не успел заступиться за несправедливо заподозренного в слабости брата. Причиной тому стало то, что голоса загомонили со всех сторон, перебивая и заглушая друг друга:

- Это они!

- Вернулись! Но теперь им нечего ждать здесь!

- Вернулись, чтобы остаться здесь навсегда!

- Кануть в вечность, но остаться навсегда!

- Сеть удержит их? - обеспокоено вопрошал кто-то неуверенный.

- Сеть блокирует все их магические силы, теперь они всего лишь пленники... - уверенно и ехидно отвечал кто-то.

Вскоре выкрики и эхо от них слились в единый гвалт, оглушающий, пугающий, заставляющий понять: это враги и их много.

- Хватит!!! - прогремел мощный голос Феронда, и все крики разом стихли.

Валинкарцы и сами замерли. Феронд тяжело дышал, Гринор тоже. Лайгон чувствовал, как бешено колотится сердце в ожидании действий горных жителей. Молчание и наступившую тишину нарушили шаги.

Одно из существ приблизилось, и, напроочь игнорируя пленников, молча зацепило карабином толстый трос к сетке. Существо было близко, и Гринор с Ферондом попытались дотянуться до него протянутыми через сеть руками, но неприятель был готов к этому, отпрянул и усмехнулся:

- Мы ждали вас. Давно ждали... Мы давно уже не интересны вам, вы наигрались нами и бросили здесь! Но зато теперь всё будет по-другому: *вы нужны нам*.

Гринор достал кинжал и попытался проткнуть существо, стоило ему снова приблизиться. Но тонкие крючковатые пальцы противника оказались ловкими, сильными и с удивительно прочной серебристой кожей. Он схватил кинжал за лезвие и выдернул из рук валинкарца, так, что тот не сумел удержать его, а противник даже не поранился.

- Мы предусмотрели всё. Здесь вы беспомощны, и вам не удастся сбежать, используя свои фокусы! - он обернулся на своих сородичей, которые издали согласный дружный вопль, и приказал: - Тащите к жёлобу!

Трос натянулся, увлекая за собой другой трос, который стал стягивать сеть у ног валинкарцев. Они повалились на холодный каменный пол.

- Ноги подтяните к себе! - крикнул Лайгон, и его товарищи едва успели выполнить это, иначе бы ноги их могли оказаться перетянуты тросом.

Существа, напавшие на них, оказались сильными и расторопными, несмотря на свой жалкий угнетённый вид. Они все вместе ухватились за трос и теперь тянули за собой сеть с достаточно быстрой скоростью, так что подняться на ноги у валинкарцев не получилось бы. Да они и не пытались: их сил не хватило бы, чтобы остановить этих странных созданий. Сеть была настолько толсто сплетённой, что по полу валинкарцы не волоклись, но это было предусмотрено злобными созданиями, которые явно не намеревались делать для пленников это перемещение комфортным. Все поверхности звеньев цепей, из которых состояла сеть, были снабжены небольшими, но острыми и редкими шипами, которые пронзали одежду и царапали кожу. Не впивались глубоко, но доставляли противную, несильную, но досаждающую боль. Валинкарцы старались не шевелиться, но существа волокли их небрежно, а может, специально делали извилистый путь, постоянно ударяя сеть то об одну стену коридора, то о другую. Больно от этих ударов не было, зато шипы на звеньях впивались с новой силой.

Существа переговаривались о чём-то своём, используя какой-то неведомый валинкарцам язык.

- Откуда они знают наш язык? - спросил Феронд, поняв, что эти создания между собой общаются на каком-то ином наречии.

Лайгон лежал, подложив под голову руку, чтобы шипы не впивались в кожу головы. Он повернулся к брату и ответил:

- Это не они знают *наш* язык, а мы знаем *их*. У них два языка - один свой, а другой был создан специально для нас.

Гринор, не обращая внимания на шипы, переметнулся к магу и с силой вжал его в землю, заставляя зашипеть от того, что звенья цепи впечатались в его спину.

- Ты знал о них, но не рассказал нам?

Феронд резким движением отшвырнул Гринора к правой стене, отчего сеть увлекла пленников немного вправо.

- Я же предупреждал, что никогда не позволю тебе обращаться так с моим братом!

Гринор, тяжело дыша, посмотрел на мага и виновато покачал головой:

- Прости, Лайгон, это подземелье дурно на меня влияет...

Феронд сурово посмотрел на говорившего:

- Сейчас нельзя позволять себе ссориться!

- Именно поэтому забудем об этом, Гринор, - поддержал брата Лайгон. - У нас есть проблемы похуже выяснения отношений.

- Ты знаешь, кто эти создания? - спросил Гринор.

- Это недлы, жители гор, - кивнул маг. - Когда-то они были богатейшими и сильнейшими созданиями в своём мире... Но однажды им стало негде и некуда развиваться. И большинство жителей впало в депрессию и постепенно многие стали нигилистами: им казалось, что существование бессмысленно и они стали отрицать всё то, что раньше считалось важным. Когда их цивилизация стала угасать, те, кто ещё не потерял остатки разума, сумели предсказать гибель планеты. Помнишь, Феронд, я предлагал вам с Бравой посмотреть, как гибнет планета? Примерно так погиб и мир недлов. Но к тому времени, как это случилось, они сумели создать вещество ореливий, из которого сделана наша планета... Они воссоздали свой мир: горы, леса, поля, слои плодородных почв. Это вполне можно считать миром. Это и стало отдельным миром, который мы называем Валинкар.

- Откуда ты знаешь? - Гринор недоверчиво смотрел на мага.

- Много читаю, - улыбнулся тот. - Недлы создали наш мир, чтобы спастись. Ореливий дал возможность создать искусственную гравитацию, и обеспечить атмосферу, правда только на высоту гор... Плоских планет не бывает в природе... по крайней мере в нашей вселенной...

Феронд постарался принять услышанное и спросил после недолгих раздумий:

- Почему тогда они прячутся в горах?

- Они сперва жили на поверхности, но Валинкар постоянно движется. Это практически незаметно, но это так. Постепенно день становится длиннее, поскольку мы приближаемся по спирали к Светилу. Можно подумать, что однажды, через миллионы лет оно выжжет всё, что есть на нашей планете, но к тому времени Светило погаснет, так что бояться нечего. Валинкар приблизится к другому источнику света, и сперва будут тысячелетия сумрака, когда день будет несоизмеримо короче ночи, но наш мир не погибнет...

Гринор начинал злиться и потому перебил увлечёвшегося рассказом мага:

- Погибнем мы, если ты не прекратишь умничать и не станешь говорить по существу!

Мужчина был настолько прав, что Феронд даже не стал одёргивать его, а Лайгон ничуть не оскорбился:

- Это было предисловие, - пояснил маг. - Чтобы вы поняли, почему недлы ушли в горы. Потому что постепенно близость дневного Светила стала мешать им, и они стали вести ночной образ жизни, а после и вовсе перебрались в горы, где вечный мрак... Потому что в сутки на сон у них требуется лишь несколько минут. Они создали эту планету, населили её растениями и всем прочим... Взяли несколько десятков рабов и могли бы жить припеваючи, если бы не яркий свет. Они не рассчитали, что ореливий не позволит планете пристроиться к какому-нибудь объекту и стать его спутником. Валинкар блуждает по вселенной, очень медленно, но тем не менее. Я с детства люблю смотреть на небо ночью, и тех звёзд, что были прежде, там уже не увидишь...

- Допустим, это недлы и ты прав, - кивнул Гринор. - А откуда взялись мы?

- Мы... то есть наши далёкие предки были рабами недлов, только через несколько десятков тысяч лет всё изменилось: они постоянно деградировали и у них начался регресс, а мы, наоборот, эволюционировали и стали теми, кто мы есть. Бесправные рабы, которые могли жить при свете Светила, не стали подчиняться погрязшим во мраке хозяевам. Они покинули горы, так как знали, что никогда недлам не поймать их. Но ночами эти создания всё же пытались поймать непокорных рабов. Но ничего не вышло: они ушли в самый центр планеты, чтобы добираться до их дворца было дольше, чем сутки. Так появился дворец, и так родился тот Валинкар, который теперь мы зовём нашим домом.

- Ты всё врешь! - воскликнул Гринор.

- Зачем мне врать? - удивился маг нелогичности обвинений.

Гринор зло посмотрел на него, словно он нанёс ему личное оскорбление и унизил своим рассказом:

- Хочешь сказать, наши предки служили этим жалким существам, что подловили нас здесь?

- Нет, в те времена недлы не были такими жалкими! Они были совсем другими! И те рабы тоже не были такими, какими стали мы! Они жили впроголодь, их мучили и жестоко обращались с ними, и потому...

- То, что ты потомок их рабов - очевидно! - перешёл на личности вышедший из себя Гринор. - Вместо чтения и созерцания неба лучше бы научился держать в руках меч!

Феронд подался вперёд, приближаясь к Гринору:

- Не забывай, с кем говоришь! - он не стал ограничиваться предупреждением и ударил кулаком в нос опешившего валинкарца. - Никогда не смей попрекать моего брата!

Лайгон смотрел на Гринора с лёгким презрением, словно тот и не стоил, чтобы на него обращали внимание. Из разбитого носа оппонента текла кровь и он зажимал его рукавом.

- Прекрати вступаться за него, - тихо и гнусаво обратился он к Феронду, признавая, что получил по заслугам, но продолжая настаивать на своём. - Когда-нибудь ему придётся сразиться со мной! Он не сможет всю жизнь прятаться за чужими спинами!

- Ты видишь, что мы пленники! Не время угрожать и мериться силой! - рявкнул Феронд.

Лайгон в любом случае не собирался принимать вызов. Ни сейчас, ни потом. Он не намеревался никому ничего доказывать. Маг посмотрел сквозь сетку на тускло освещённый коридор и воскликнул:

- Смотрите!

Феронд и Гринор инстинктивно глянули в ту сторону, куда указывал маг. Статуи. Вытесанные из камня фигуры валинкарцев, украшенные отлитыми из металла венками на головах. Это не были столь красивые девушки и столь мужественные молодые люди, какие населяли Валинкар, но маг мог точно сказать, что это не недлы. Даже в лучшие свои годы, в расцвет своих сил, недлы не выглядели так. Они не брились, считая, что в бороде и усах содержатся жизненные силы, но при этом стригли волосы на голове очень коротко, считая, что они делают их уязвимыми. Недлы любили таскать своих рабов за волосы, и поэтому свои никогда не отращивали.

Валинкарцы же сохранили привычку предков носить длинные волосы, поскольку обрётшие свободу рабы с удивлением обнаружили, что волосы придают образу красоту и привлекательность, а не только причиняют боль, когда кто-то вцепляется в них. Один Лайгон стригся коротко, даже тогда, когда ещё не добрался до книг о истории Валинкара и знать не знал о недлах. Видимо, бороды и усы, которые рабы считали раньше прерогативой хозяев, вызывали у них некоторую зависть. Обосновавшись во дворце, который сперва напоминал просто скопление лачуг, многие мужчины перестали бриться. Они были свободны и со временем причины пристрастий и предпочтений забылись.

Статуи безразлично взирали на пленников, которых тащили мимо их каменных ног.

- Кто это? - спросил Феронд.

- Это наши предки... - ответил Лайгон. - Женщины и мужчины носят волосы как минимум до плеч, мужчины чисто выбриты - это рабы.

- Ты уверен? - осторожно позволил себе усомниться младший брат. - Зачем им высекать статуи своих рабов и украшать их?

- Понятия не имею, - честно ответил маг. - Я вообще полагал, что все они давно покойники. И Мэггон считал, что горы - безжизненные камни. Или он просто врал нам...

- Ты со своими книгами совсем ума лишился, - прошипел Гринор. - Тебе проще заподозрить правителя и собственного отца во лжи, чем принять тот факт, что ты и твои письма просто-напросто всё перепутали!

Маг хотел бы возразить, да только прав был на этот раз его неприятель. Он и вправду слепо верил древним потрёпанным полуистлевшим книгам, хотя оснований на то у него никаких не было. Он почувствовал себя глупым и... преданным. Словно книги предали и обманули его, хотя обманывал он сам себя, веря тому, что неизвестные валинкарцы написали в них много тысяч лет назад. И Илрух, и Гринор были правы. Только теперь это не имело никакого значения - их волокли недлы, причём враждебно настроенные и не собирающиеся выдвигать какие-либо требования.

Недлы по прошествии получаса стали замедляться, и вскоре остановились вовсе. Несколько пар рук грубо толкнули сеть с пленниками куда-то в проём стены. Как оказалось, в жёлоб. Широкий, созданный из гладкого холодного металла, он спускался вниз и немного изгибался, отчего было неясно, глубоко ли он уходит и что ожидает внизу. Валинкарцы лишь мельком успели глянуть в тёмный проём, как цепи со скрежетом заскользили вниз. Противостоять движению пойманные валинкарцы не могли никак - тяжёлые цепи увлекали их по металлическому склону, который оказался куда длиннее, чем можно было ожидать. Лайгон молча слушал крики и ругань, на которую его сородичи были щедры. Сам он тщетно пытался придумать, как разговорить недлов, чтобы понять, что вообще происходит.

Удар при окончании скольжения был несильным, так как жёлоб плавно перетекал в пол. Однако по инерции сеть с пленниками проскользила до стены, удар о которую получился чувствительным. Пока валинкарцы стонали и зло шипели от боли, недлы спустились тем же самым путём, по которому сбросили свою добычу. Причём у них это получилось ловко. Цепкие кривые пальцы держались за борта жёлоба. Стоило одному недлу достичь пола, как он вскакивал на ноги и ловко отпрыгивал, уступая путь следующему. Валинкарцы с трудом поднялись на ноги, так как цепь, казалось, стала ещё тяжелее. Зато к постоянному покалыванию мелких шипов пленники уже попривыкли, и это больше не вызывало у них столь явного раздражения. Да и что могут значить какие-то жалкие шипы, когда ущемлена гордость и гнев захлёстывает всё существо, мешая нормально дышать и не позволяя трезво мыслить. Лайгон боялся за своих товарищей. Гордые и не привыкшие признавать поражение валинкарцы могли здорово схлопотать от жестоких, лишённых милосердия и снабжённых весьма странной логикой недлов.

Когда все враги, сопровождающие пленников, спустились, то незамедлительно взялись за трос и продолжили тянуть за собой сеть. От резких дёргающих движений валинкарцы на ногах не устояли, завалились на цепи и на время даже перестали вырываться. Устали. Как бы сильно злость не подстёгивала их, сил оставалось мало, и спутники Лайгона, наконец-то, приняли верное решение побереечь их до более подходящего момента.

Их тащили по коридору, который был освещён факелами, но редкими, отчего временами наступающая темнота казалась непроглядной, а свет режущим глаза. Недлов же эта постоянная смена тьмы и света не смущала. Они не жмурились на огонь, и от света их зрачки ничуть не менялись.

Один из недлов нажал на какой-то рычаг, расположенный в темноте, и где-то далеко впереди раздался скрежет. Неприятный и не предвещавший ничего хорошего. Скрежет металла о камень. Где-то впереди хитрые механизмы заставляли ореливиевые прутья решётки подняться вверх, внутрь каменного потолка. Недлы посовещались на своём языке и единодушно принялись бить пленников ореливиевыми дубинками. Это могло бы быть очень больно, если бы цепи не предохраняли валинкарцев от прямых ударов. И хотя шипастые звенья впивались в кожу, это было определённно лучше, чем получать удары дубинками. Лайгон сгруппировался, прикрыв голову руками, а его товарищи не собирались смиренно сносить нападки горных абори-

генов. Они пытались дотянуться до противников, протягивая протиснутые через сеть руки, но тут же отгребали по ним, но всё равно продолжали пытаться.

- Перестаньте, - взывал к разуму валинкарцев маг. - Они всё равно одолеют вас. Лучше посмотреть, что будет дальше! Ведь чего-то они хотят!

Гринор презрительно фыркнул:

- Не сомневаюсь, что ты готов на всё, чего бы они от тебя ни хотели! Но я так не умею!

Лайгон не стал спорить. Ему оставалось лишь дожидаться, пока недлы, наконец, попадут по головам валинкарцев так, что те потеряют сознание. При этом существа не очень разбирались и вдавались в подробности, и потому нанесли лишаяющие сознания удары по каждому пленнику.

Глава 16

Помещение, в котором очнулись валинкарцы, оказалось весьма просторным. Кроме того, недлы не потрудились обездвижить пленников или хотя бы как-то ограничить возможность их передвижения. Руки и ноги были свободны, и если бы не наливающиеся болью ушибы и решётка, преграждающая единственный выход, можно было подумать, что недлы просто выбросили валинкарцев. Но нет. Они были в плену.

Маг закрыл глаза, пытаясь справиться с головокружением и нудной болью в теле.

- Ты как? - заботливо спросил подошедший Феронд и дотронулся до плеча лежащего на спине брата.

- Жив, - ответил Лайгон, поскольку не знал, что ещё сказать, чтобы и не врать, но и не говорить, что ему плохо.

Гринор отчаянно цеплялся за решётку и изо всех сил тряс её, но прутья были прочны и совершенно не гибки.

К тому времени, как маг поднялся на ноги, Гринор уже сидел, прислонившись спиной к решётке, и испепелял Лайгона взглядом, словно это он был во всём виноват. Маг оглядел своих товарищей, благо тусклый свет, льющийся откуда-то сверху, позволял разглядеть их лица. Надменный злой Гринор и встревоженный не менее злой Феронд. Отличная компания для мага, который всё ещё надеялся понять, зачем их поймали, но выяснить это, казалось, хотел он один.

В камере валялись расколотые статуи, уничтоженные, забытые. На них явно выместили зло, поскольку лица были изуродованы так, что превратились в подобие неотёсанных участков камня.

- Это недлы, - сказал Лайгон, проводя ладонью по холодной вытесанной бороде, спускающейся с обезображенного лица и заканчивающейся сколом. - Они разрушили статуи своих предков...

- И заперли нас именно здесь, - заметил Феронд. - Они на что-то хотят намекнуть?

- Понятия не имею, - ответил Лайгон.

- Так думай, - буркнул ему Гринор. - Ты же не зря читал книжки. От твоих историй пока нет толку. Мы в пещере и за решёткой. Попробуй использовать свои знания с пользой!

Маг огляделся вокруг. Стены высокие, потолок тёмный, что и не разглядеть, где он вообще есть. Ореливиевые вставки были в стенах повсюду. И тусклый свет из щели где-то под потолком. Все трое пленников завороченно глядели на неё. Выход. Далёкий, плохо доступный, но всё же выход. Щель выглядела вполне подходящей для побега. Оставалось лишь добраться до неё.

- Помогите мне, - сказал Феронд, отыскивая взглядом самый небольшой осколок статуи.

- Если удастся передвинуть его, и двое из нас встанут друг другу на плечи, то один сможет бежать!

- А оставшиеся двое? - спросил Лайгон.

Гринор с укором посмотрел на него:

- Если бы ты хоть иногда посещал состязания, то знал бы, что такое работа в команде. Если из троих удастся выбраться одному, он поможет оставшимся двум, а если не сможет помочь - то приведёт помощь. Ты привык быть один, Лайгон, но сейчас нужно объединиться, чтобы выиграть.

- Выиграть? - переспросил маг. - Это не игра, Гринор! Это жизнь, это реальность, это плен. Каждый хочет выбраться отсюда. Как мы решим, кто будет тем одним, который выберется первым?

Феронд вздохнул и положил ладонь на плечо мага:

- Гринор прав, Лайгон. Мы должны работать сообща. И, знаешь, я готов остаться здесь и подождать помощи. Пусть выбирается кто-то из вас.

- Я останусь с Ферондом, - заявил Гринор. - Мы с ним отличная команда... А ты иди, Лайгон. Ты же так не хочешь оставаться в этой пещере... А мы подождём.

Маг посмотрел на брата, ожидая его комментариев, но тот молчал. И Гринор продолжил:

- Только, знаешь, лично я не уверен, что ты сможешь нас вытащить. Помню, как ты ловко перемещаешься в горах. Не факт, что ты доберёшься до дворца, пока нас тут не убьют.

- Пусть идёт Феронд! - предложил маг, но брат отрицательно помотал головой, упрямо заявив:

- Нет. Я останусь здесь с одним из вас.

Лайгон посмотрел на него и подумал, что в чём-то этот мерзкий Гринор прав. Он может подвести пленников и не сумеет вовремя высвободить их. Да к тому же маг почувствовал, что не сможет спокойно уйти, оставив брата здесь, в опасной неизвестности.

- Тогда я останусь с тобой, - решил он. - Потому что... потому что останусь с тобой... - он не стал вдаваться в подробности, посчитав, что они и не важны.

- Давайте сперва камень передвинем, - внёс деловое предложение Гринор, поскольку весь их спор мог оказаться совершенно бессмысленным, если осколок статуи слишком тяжёл и его не сдвинуть с места.

Феронд и Гринор навалились на камень. Лайгон, хоть и чувствовал свою помощь несколько несущественной, тоже присоединился к ним. Осколок оказался намного тяжелее, чем можно было подумать, и сдвинуть его было сложной задачей, хоть он и не был вросшим в пол. Общими усилиями, миллиметр за миллиметром, осколок был передвинут аккуратно под просвет. Выдохшиеся и уставшие, валинкарцы уселись на пол и некоторое время сидели в молчании. Надежды на то, что можно приволочь ещё хотя бы один осколок, не было. Все остальные выглядели крупнее, и потому явно были тяжелее. Выход по-прежнему оставался лишь для одного.

- Ну что, Лайгон, - обратился к магу Гринор. - Последнее слово за тобой.

- Я уже сказал своё слово, если ты не забыл, - отозвался Лайгон.

- Хорошо, пойду я, - попыток Гринор и, вздохнув, угрюмо добавил: - Как знать, что там ждёт нас...

Феронд, будучи самым сильным и крепким, встал на обломок. Ему на плечи взобрался маг, предварительно любезно сняв обувь, чтобы не давить подошвами на его слабо защищённую тонкой одеждой кожу. Приходилось цепляться руками за ореливиевые вставки, что весьма удачно выступали из стен, поскольку иначе маг бы точно потерял равновесие, когда Гринор взбирался по импровизированной лестнице.

Гринор достал до края каменной стены вполне удачно. Ему хватило роста и сил, чтобы, ухватившись за край и оттолкнувшись ногами от мага, вскарабкаться наверх, упираясь ступнями в стену. Вскоре он был на свободе.

Какое-то время его не было видно, и валинкарцы, оставшиеся в темнице, решили, что он ушёл. Но Гринор не собирался покидать их так просто. Не прошло и получаса, как он вернулся и свесил голову вниз, крикнув:

- Спасибо за помощь! - он зло усмехнулся, отчего стало понятно, что что-то не так. - Прощайте! И ты Феронд, и ты, Лайгон. Самоуверенный наивный младший брат, и ни на что не годный старший... Думаю, Мэггон не очень расстроится...

Сидящие на полу валинкарцы смотрели на него, запрокинув головы. Феронд поднялся на ноги и подошёл ближе, желая посмотреть в лицо говорившего.

- Гринор! - обратился он к нему, убедившись, что тот всерьёз. - Ты не можешь предать нас и бросить здесь!

Но освободившийся валинкарец лишь рассмеялся, небрежно бросив:

- Ты меня недооцениваешь. Я могу.
- Но мы друзья! - попытался воззвать к совести не верящий в происходящее валинкарец.
- Феронд, у тебя давно уже только один друг - твой тщедушный брат! - с презрением прошипел Гринор. - И я не допущу, чтобы на трон взошёл такой жалкий валинкарец, как он, или такой бесхарактерный, как ты!

Трон... То, о чём Феронд совершенно и не думал. Он уже и позабыл, что Мэггон - правитель, а он - сын правителя. Да и о каком троне может идти речь, когда они в плену и когда никто во всём Валинкаре не знает, что они вообще сунулись в эти проклятые горы.

- Но недлы убьют нас! - воскликнул он.

- На то и расчёт, - улыбнулся Гринор на прощанье, после чего голова его исчезла из просвета, а после этого единственного выхода и вовсе не стало: тяжёлые камни завалили его, погрузив пленников практически в непроглядную тьму.

Феронд зарычал. Отчаянно и злобно. Маг услышал, как брат ударил кулаком по стене. Один раз. Видимо, сильно, раз только один. Потом он просто сердито сопел: болели разбитые костяшки, и в душе было мерзко от того, что их предали. Так просто предали, легко и неожиданно. Мужчина был в гневе, а беспомощность и незащищённость только подстёгивали кипящую ярость.

Он не мог оставаться на месте и потому ходил из угла в угол, обшаривая каждый миллиметр стен и ища хоть что-то, что могло спасти их. Но ничего не находилось, и он, не в силах отвлечься от мыслей о Гриноре, продолжал маячить из стороны в сторону, иногда запинаясь об осколки статуй и приглушённо ругаясь. Потом он, изучив всю камеру и не обнаружив ничего, дарующего надежду, уселся на камень.

Лайгон сидел молча и неподвижно, слушая, как постепенно, понемногу дыхание Феронда переставало быть шумным, выравнивалось, успокаивалось. Прошло много времени, прежде, чем оно стало беззвучным. Лайгону стало не по себе. Он уже привык к его сердитому сопению, и теперь воцарившаяся тишина нервировала его. Казалось, что Феронд превратился в чудовище и затаился, ожидая, когда можно напасть.

- Я же говорил, что Гринор - паршивый выбор, - напомнил маг, прерывая гнетущую тишину.

- Это я виноват, - тихо ответил Феронд, и Лайгон облегчённо вздохнул: с братом всё было в порядке, за исключением подавленного состояния. - Надо было настоять, чтобы шёл ты... или идти самому...

- Тогда бы Гринор придушил меня тут спящим. Или тебя, если бы я ушёл, - ответил Лайгон, решив, что это должно успокоить брата хоть немного.

- Думаешь, всё правильно? - с надеждой спросил Феронд, и его простота заставила мага сорваться и выкрикнуть ему правду, чтобы он больше не задавал вопросов, вынуждающих отвечать что-то лестное и оптимистичное, когда ничему такому нет места в этой темнице.

- Конечно, нет! Всё неправильно! - воскликнул маг. - Мы сидим в плену, неизвестно, что с нами сделают эти варвары, а мы ещё и отпустили в Валинкар жаждущего власти предателя. Всё очень плохо, Феронд. Но не ты в этом виноват. И не об этом сейчас следует думать.

- А о чём тогда? - спокойно спросил Феронд, ничуть не смущённый тем, что брат повысил на него голос.

- О будущем, - мигом остывая, так же спокойно ответил Лайгон. - Стоит понять, что нужно недлам и что нужно Гринору. С недлами пока мы поняли всё, что могли. Давай подумаем о твоём приятеле. Он говорил про трон... Если нас убьют, то он сможет стать правителем, если возьмёт в жёны Лаивсену...

- Но это случится только, когда Мэггон умрёт или решит передать все дела наследнице... - сказал Феронд неуверенно.

- Это не единственный способ... - прошептал маг и усталым движением руки взъерошил свои волосы, поражаясь своей не прозорливости.

- То есть? - переспросил Феронд, вглядываясь в силуэт Лайгона, словно надеясь разглядеть в полутьме выражение его лица.

- Я не уверен, что такой тип, как Гринор, знает о втором способе. Мне стало известно из книг, что в далекие времена, когда рабы только вышли из гор и освободились от недлюв, они не могли выбрать себе главаря. Они были все равны... вернее, бесправны. Одинаково бесправны. Оказавшись на свободе, они растерялись, им нужен был лидер, но ни один не хотел признавать власть такого же раба, как и он сам. Тогда было принято решение о состязании. При помощи турниров было избрано два сильнейших: имя одного было Нильф, это предок Мэггона, а второго звали Аринго. Им предстояло сразиться в решающем бою, но Аринго пропал. Просто исчез. Раз и навсегда. Нильфа могли бы заподозрить в убийстве, но он провёл всю ночь под опекой своих сородичей, которые помогали ему подготовиться к бою. После исчезновения Аринго Нильф, придя к власти, установил запрет на пролитие крови равного себе, поскольку считал, что Аринго был кем-то вероломно убит. Постепенно этот запрет превратился в легенду и стали считать, что кровь валинкарцев священна.

- Почему Нильф назвал наш мир именно так? - поинтересовался Феронд, и Лайгон улыбнулся: его брат постепенно начинал слушать и думать, а это не могло не радовать.

- Валинкар - имя его отца, которого он почитал, но который не дожил до свободных от рабства дней.

- То есть наша кровь не священна?

- Да. И если кто-то из своих убьёт тебя, он не будет проклят. Привычка доказывать свою силу в поединках - пережиток прошлого, остаток на память от предков-рабов. До сих пор каждый валинкарец хочет быть сильнее и лучше. И в этом кроется одна лазейка для Гринора: он может вызвать на смертельный поединок Мэггона. И если победит - Валинкар будет его. А магией пользоваться в таком поединке нельзя.

- Это маловероятно... - усомнился Феронд, хотя на лбу его пролегли морщинки, и взгляд стал тревожным. Но он попытался найти оправдание тому, что этого не может произойти, хоть возможность и есть. - Для этого Гринор должен изучить историю, а потом ещё и убедить всех вокруг, что это всё правда, и можно устроить кровопролитный смертельный поединок и не стать проклятым...

- Феронд... Не будь глупцом! Мэггон знает об этом всё! Он знал, что в горах таится разгадка нашего прошлого - и именно поэтому не хотел пускать нас сюда, утверждая, что горы - просто каменные глыбы! Он знает об обычаях, но скрывает это от нас, как и его отец скрывал от прочих валинкарцев, и как скрывали все валинкарцы от своих детей, и потому это осталось лишь в книгах! И потому никто не прививает нам любовь к знаниям!

- Но... у тебя же есть эта любовь... Почему?

- Потому, что я одинок! - воскликнул Лайгон, немного сердясь на непонятливого собеседника. - Я не могу влюбиться и потерять голову от девушки, с которой не о чем поговорить! Я не могу сидеть на пирах и болтать о прошедших поединках, потому что они тоже не прельщают меня!

- Но я... - попытался возразить Феронд, и маг отлично понял, что тот собирался высказать.

- Ты отличный брат, - признался Лайгон. - И семья у нас отличная. И не в вас причина, а во мне. Я не знаю почему я другой, и это не плохо... Просто книги привлекли меня, они стали достойными собеседниками и многое рассказали мне... И смогут рассказать Гринору. Да, в этом они уступают валинкарцам - книги не верны, они охотно будут открывать тайны тому, кто захочет их познать.

Это заставило обоих угрюмо вздохнуть. У Гринора были все шансы разузнать об обычаях подробнее и найти способ завладеть троном. Одолеть Мэггона в честном поединке, возможно, было проще, чем им обоим казалось раньше. Ведь ни один из них не видел его в бою. Правитель Валинкара не участвовал в состязаниях, а обучение своих сыновей ведению ближнего боя давно переложил на чужие плечи. А без магии Мэггон мог оказаться беспомощен. К тому же Гринор мог бросить вызов неожиданно и в самое неподходящее время.

Маг обхватил голову руками. Следовало выбраться как можно скорее, но не было никакой возможности сделать это. Феронд заметил, что брат начинает впадать в отчаянье и толкнул его плечом в плечо, заметив:

- А тут тепло. Мне казалось, что камень должен быть холоднее, а он... холодный, но не настолько...

Лайгон улыбнулся. Иногда Феронду было трудно формулировать мысли, а иногда он умел очень пафосно завернуть какую-нибудь речь.

- Да, тут вполне сносно, - кивнул он. - Думаю, просто Светило нагревает эти горы очень хорошо, и потому мы не мёрзнем.

- Есть мысли, как выбраться? - на всякий случай осведомился Феронд, хотя ответ был очевиден.

- Нет, - покачал головой Лайгон. - Мы осмотрели все стены, решётка прочна, магия тут не действует... Я не знаю, что можно придумать.

Феронд решил поделиться с магом своими наблюдениями, рассчитывая, что умный маг сможет извлечь из этого хоть какой-то толк:

- А ты замечал, что по ореливиевым прутьям иногда пробегает свет? Словно что-то течёт внутри металла...

- Замечал, - отозвался Лайгон. - Только толку от этого нет. Даже если внутри ореливия что-то есть, он слишком прочен, чтобы его сломать. К тому же, кто его знает, что это за свет. Он может оказаться опасным... в книгах про него ничего не было...

Шаги возвестили о приближении недлов. Свет факелов замерцал вдалеке. Не менее десятка тварей приближалось к камере. Лайгон посмотрел на Феронда и увидел в неясном свете факелов, как у того на лице отчётливо обозначились желваки. Он только немного успокоился, как появление недлов заставило его снова кипеть от ярости.

- Не делай глупостей, - предупредил Лайгон. - Они жестоки, и могут убить, сами того не желая.

Феронд посмотрел на мага, но обещать ничего не мог. Когда его пытались унижить или ударить, он всегда оборонялся, насколько хватало сил, и не всегда контролировал свои действия и уж, тем более, никогда предварительно не обдумывал, как скажется на его здоровье попытка сопротивляться. На этот раз он был ещё слаб и честно собирался как можно дольше не нарываться.

Впрочем, затея Феронда быть терпимее к жестокому обращению была заведомо столь же провальной, как порыв мага научиться пользоваться оружием. Он вроде и хотел не обострять ситуацию, а вроде и знал, что не сможет оставаться безучастным, когда к нему снова приблизятся недлы. А горные жители словно знали это и издевались, испытывая его терпение. Они смотрели именно на него, словно маг мало интересовал их. Стоило решётке подняться вверх, как недлы незамедлительно направились к Феронду, который исподлобья глядел на них и сжимал кулаки в попытке совладать со своей рвущейся наружу яростью.

Один из представителей этой странной расы подошёл к мужчине и навис над ним. Хотя при его росте, Феронду было достаточно лишь немного перевести взгляд наверх, даже не изменяя положения головы, чтобы продолжать вглядываться в угловатое озлобленное лицо противника.

- Где третий? - прошипел недл, обводя рукой камеру, в которой находилось лишь двое валинкарцев.

- Ушёл, - ответил Феронд, и сильная грубая ладонь ударила его по щеке.

- Ореливий не позволил бы ему воспользоваться магией! - воскликнул недл, негодуя от столь неотёсанной лжи. - Где он?

Феронд не ответил, с ненавистью глядя на недла и чувствуя, как кожа на лице горит болью, вынуждая терять контроль над собой. Мужчина изо всех сил старался сохранить самообладание.

- Он сбежал через просвет под потолком, - ответил за него Лайгон.

Недлы глянули наверх, где просвета никакого не было. Маг проследил за их взглядами и пояснил:

- Он завалил выход...

- Так вы помогли ему уйти, - догадался второй недл, приближаясь к магу и хватая его за грудки.

Тот не стал подтверждать очевидные вещи, продолжая сидеть на полу и надеясь угадать, что предпримет недл. Тот притянул плинника ближе к себе, а затем резко и сильно оттолкнул, отшвыривая к стене.

Лайгон застонал, ударившись о каменную поверхность, и остался сидеть на полу, тяжело дыша. Недлы огляделись вокруг, и некоторые из них наспех обшарили камеру. Заметив камни на полу, они посмотрели вверх и обнаружили засыпанный лаз, через который ушёл Гринор. Они что-то обсудили на своём языке, и явно пришли к выводу, что пленники были в хитром умном сговоре и отправили на волю посланника.

- Помогли ему? - спросил первый теперь уже у Феронда.

Тот бросил взгляд на Лайгона, к которому приближался второй недл и ответил:

- Да, мы помогли ему.

Недлу не понравился такой поворот событий, и он схватил Феронда за волосы и потянул наверх, вынуждая подняться на ноги. Валинкарец не стал упорствовать, и вскоре недл отпустил его, так как мужчина превосходил его ростом, и больше цепляться в его шевелюру не было смысла, да и стало не с руки. Полупрозрачные голубоватые глаза, чуть светящиеся и со странными зрачками гневно долго смотрели в глаза валинкарца, которые тоже не выражали ничего, кроме гнева.

- Что ж, - сказал, наконец, недл. - Мы учтём, что вы можете попытаться сбежать. Ты не выберешься отсюда, что бы ты ни делал. И тот, кого вы освободили, не поможет вам, с кем бы он ни вернулся к вам на помощь!

Недл, казавшийся глупым и непроницательным, заметил что-то во взгляде валинкарца и в его ещё более нахмурившемся лице, что позволило ему всё понять правильно и расхохотаться.

- Он бросил вас. Он оставил вас нам, решив стать единственным. Он ошибся. Он очень ошибся, глупец! Потому что есть мы! И скоро мы обретём силу! - он ударил валинкарца кулаком в живот, чего тот совершенно не ожидал, поскольку поводов для насилия не давал.

Он согнулся от боли. Били недлы сильно. Эти низкорослые твари были очень сильны, ловки и жестоки. Недл ударил валинкарца по голове и поставил подножку, заваливая на пол. Лайгон смотрел и не мог понять, почему они прицепились к Феронду. Их интересовал именно он, и на сидящего на полу у стены мага никто внимания не обращал. Мужчина знал, что это лишь видимость, чувствовал, что ближайший к нему недл следит за ним краем глаза, готовый в любой момент пресечь попытки подняться. Маг не шевелился. Феронд тоже решил не нарываться и остался лежать на полу.

- Не имеет значения, сколько их осталось, - сказал один недл остальным. - Действуем по плану.

Сказано это было на всеобщем языке, и валинкарцы поняли, что должны бояться своей участи. И, признаться, они боялись, только вот показывать это недлам не собирались.

Один из недлов склонился над Ферондом, хватая его за руки и заламывая их за спину. Тот дёрнулся от причинённой резкими движениями боли, и почувствовал, как грубые верёвки перетягивают его запястья. Он попытался вывернуться из рук недла, поскольку пути только усугубляли и без того безнадёжное положение и он хотел всеми силами постараться не допустить, чтобы его руки обездвижили.

- Феронд, не зли их, - посоветовал маг, но это показалось мужчине дурным советом.

Не привыкший оказываться в ситуациях, когда силой и упорством ничего не решить, он продолжил свои попытки высвободиться. На этот раз он изогнулся так, что сумел повалить нависшего над ним недла на пол. Сам он тоже откатился в сторону, но руки было сложно выпутать из верёвок, хоть узлы и не были затянуты. Феронд успел пнуть подбежавших двух недлов, после чего постарался подняться, но был сбит с ног ещё одним неприятелем, который придавил его своим тяжёлым телом к полу и прошипел что-то, но на непонятном языке и, видимо, не Феронду.

Двое недлов поспешили куда-то, покинув камеру, а остальные остались. Следящий за Лайгоном не двинулся с места, остальные наблюдали, как повалившийся на пол Феронд всё-таки затягивал узлы на верёвках, что врезались в запястья даже через рукава одежды. Мужчина подумал, что выпад того стоил. По крайней мере, он сумел нанести хоть небольшой вред этим тварям, при этом практически не пострадав за это.

Но недл не намеревался отпускать его. Он продолжал прижимать валинкарца к полу, явно чего-то ожидая. Маг видел, как Феронд пытается сбросить с себя недла, но тот уже был готов к сопротивлению, и потому попытки оказывались тщетными и вызывали у неприятелей глумливый смех. Лайгон выждал, пока страж, следящий за ним, отвернётся и бросился на недла, что вдавливал Феронда в пол. Маг знал, что его быстро схватят, и то, что он сделал, было скорее ради брата, чем ради реальной помощи. Просто хотелось, чтобы он понял, что не один. Да, с ним не очень сильный и не очень ловкий, но всё-таки преданный ему товарищ. Ровно это магу и удалось доказать. Он сшиб собой недла, дав возможность Феронду перевернуться на спину и сесть. Однако большего Феронд не успел, так как сзади подскочил недл и схватил его за волосы, запрокидывая тем самым его голову назад и не позволяя двигаться. Самого Лайгона тоже схватили быстро: он ударился об недла и об пол, а когда встал, сумел лишь уйти от нескольких ударов и три раза пнуть в живот поваленного недла, после чего его кто-то уронил на пол и наверняка собирался побить, но ушедшие куда-то недлы вернулись.

Они возвестили о своём прибытии звоном цепей, и это очень не понравилось валинкарцам. Феронд, несмотря на причиняемую боль, повернул голову к пришедшим. У одного из них в руках были какие-то странные приспособления, а у другого цепи. Что недлы решили заковать непокорных пленников, было очевидно. Вот только для чего им пленники и почему их просто не убили, оставалось неясным. Хуже всего было то, что эти твари оказались сильными и жестокими, так что вполне могло стать, что им просто не над кем издеваться. Примерно об этом подумали оба валинкарца, глядя на приближающихся к ним опасных недлов, которые своими цепями грозили лишить их последних надежд на спасение.

Феронд не собирался позволять заковывать себя, но связанные за спиной руки и цепкие сильные пальцы, сжимающие его волосы, не позволяли сопротивляться. Недлы, хоть и выглядели непоколебимыми, видимо, боли боялись. Опасаясь пленников, теперь они держали их крепко. Перед тем, как недлы с цепями приблизились к Феронду, какой-то недл схватил его за ноги, чтобы не позволить лягнуть. Противники взяли одну из двух цепей и присели возле валинкарца. Один недл обмотал его правую лодыжку одним концом цепи, а левую - другим, после чего уступил место второму недлу. Тот взял в руки свои хитроумные приспособления и принялся что-то делать со соприкасающимися звеньями цепи. Что он делал и как работало

устройство в его руках, Феронд не понял, только цепи на его ногах больше не имели концов. Они замыкались сами на себе, причём обмотанная в два оборота вокруг щиколотки цепь была единым целым, образуя прочные оковы. Недл удовлетворённо оглядел свою работу, словно только что создал произведение искусства. После минутного любования цепью, недлы направились к Лайгону и проделали то же самое, причём руки ему за спиной никто не связывал - их просто на всякий случай держал недл. Впрочем, маг и не пытался вырваться. Это было совершенно бесполезно и глупо. Феронд попытался поднять скованные ноги, но цепь оказалась чрезвычайно тяжела. Мужчина виновато посмотрел на мага. Стоило послушать его совета и не показывать непокорный характер.

- Это цепи из ореливия, - просветил недл с нескрываемой гордостью. - Прочный, тяжёлый, блокирующий магию - как раз то, что нужно для оков. Теперь вы, наконец, признаёте, что вам не уйти от нас?

- Зачем мы вам? - спросил маг.

- Не прикидывайся, что не понимаешь! - прошипел недл и хотел вцепиться в его волосы, но они оказались слишком коротки и потому недл раздосадовано отвесил ему подзатыльник.

Маг подумал, что боль терпимая и потому можно спросить снова:

- Но я правда не понимаю, - признался он. - Чтобы избивать? Ведь пока мы с вами больше никак не взаимодействуем...

- Ты хочешь знать, зачем вы нам? - прошипел ему в лицо недл. - Хочешь не томиться и сразу познать уготованную вам участь?

- В целом, да, - признался Лайгон и зажмурился, готовый принять удар от занесённой над ним руки.

Но недл не ударил. Он просто схватил его за одежду и потянул наверх. Маг послушно поднялся на ноги, глядя на злобного недла, который испепелял его взглядом.

- Пойдёмте, кое-что для вас уже готово, - сказал он Феронду, которого тут же поставили на ноги и толкнули в спину.

Лайгон с трудом переставлял ноги, поскольку цепи и вправду были тяжелы. Феронду шаги давались проще, но он был озлоблен, поскольку помимо скованных ног путы стягивали и его руки. Ощущать себя в полной власти недлов было отвратительно, учитывая, что никаких перспектив, кроме боли и постоянного угнетения не было. Но противостоять было бессмысленно, и Феронд старался убедить себя в этом, а также в том, что брат прав - следует попытаться понять мотивы этих тварей, ибо вряд ли они были просто садистами, готовыми столько всего придумать и создать только лишь ради причинения боли возможным пленникам. Ведь ловушки, ореливиевые вставки и сама камера явно были трудоёмкими и непростыми устройствами, то есть недлы действительно не пожалели на создание всего этого своих сил или сил своих рабов.

Глава 17

Вели их недолго. Никаких желобов или лестниц на пути не встретилось. Несколько туннелей, пара поворотов и зал, в которых их, собственно, и вели. Сперва там показалось валинкарцам слишком темно, так как залу предшествовал ярко и щедро освещённый туннель, а там, куда их привели, горел лишь один факел, которого на столь обширное помещение было явно недостаточно.

Недлы неожиданно и резко дёрнули пленников за руки вниз, заставляя опуститься на колени. Феронд, едва коснувшись коленями камня, попытался подняться, но сильные цепкие ладони легли ему на плечи, нажимая на них всем весом поджарого недла. Гордый валинкарец постарался сбросить руки со своих плеч, но ничего у него не вышло, а неудавшаяся попытка только вызвала ехидные смешки подземных жителей. Лайгон не стал сопротивляться. Это было бы заведомо провальной попыткой: он значительно уступал Феронду в силе, а и у того ничего не вышло. К тому же маг умел рассуждать здраво и ярость была не самым распространённым и сильным его чувством.

- Смотрите и содрогайтесь! - приказал один из недлов.

Лайгон покорно посмотрел, куда ему указали, но не нашёл ничего такого, от чего он мог бы содрогнуться. Зато было, чему удивиться: недлы не поленились перетащить вниз те самые статуи, мимо которых волокли своих пленников, когда поймали. Или же у них было несколько комплектов одинаковых статуй. Маг глянул на брата, желая узнать его мнение, но тот опустил взгляд в пол и не собирался выполнять указания недлов. Лайгон устало вздохнул: привыкший побеждать во всём валинкарец взрастил в себе недюжинное упрямство и гордость, причём проявлял их даже, когда это не было ему на руку.

- Ты будешь смотреть! - злобно прошипел недл, вцепляясь в волосы Феронда и заставляя его поднять голову.

Ничего страшного валинкарец не видел, но подчиняться не хотел. Он даже попытался вырваться, за что недл дернул его в сторону и бросил на пол.

- Я смотрю, - громко заметил Лайгон. - Но пока не понимаю, что должен увидеть!

- Ты увидишь, - прошипел другой недл, отдавая команду своим помощникам.

Те подошли к статуям. В руках у каждого было по увесистому молоту. Они коварно посмотрели на пленников и принялись наносить звонкие удары по каменным изваяниям. Осколки камней полетели в разные стороны, попадая и на лежащего на полу Феронда, и стоящего на коленях Лайгона, и на самих недлов, которые получали от уничтожения статуй какое-то необъяснимое наслаждение. Маг посмотрел на Феронда, дождался, пока брат встретится с ним взглядом, и вопросительно поднял бровь. Младший брат пожал плечами в ответ. Он и сам не понимал, почему их заставляют смотреть на разрушение статуй и считают, что это должно быть для них мучительным.

Недлы старались. Они уже раскололи статую, изображающую мужчину, надвое, отчего верхняя часть с оглушительным грохотом упала на пол, чудом никого не убив своей массой. От удара она раскололась на несколько частей, причём каменное лицо осталось без левой своей части: она разлеталась на мелкие осколки. Недлы подскочили и принялись уродовать оставшиеся нетронутыми черты лица несчастного произведения искусства.

Феронд поднялся и теперь тоже стоял на коленях, с интересом и непониманием взирая на происходящее. Он рассчитывал, что Лайгон всё поймёт и потом объяснит ему, но маг, сколько ни пытался, понять ничего не мог. Он видел этих существ впервые, но они обвиняли валинкарцев в том, что те бросили их. С историей, которая была ему знакома, это не вязалось. Зачем были созданы эти статуи и почему сейчас их уничтожают на глазах у пленников, тоже казалось абсурдным.

Недлы повалили и вторую статую. Они больше не смотрели за реакцией валинкарцев. Им было всё равно, страдают их пленники или недоумевают. Обладатели светящейся серебряной кожи с остервенением лупили молотами по каменным изваяниям, хотя те уже давно превратились в осколки камней и угадать образы в них было не под силу даже тем, кто всего несколько минут назад видел, что они из себя представляли.

Наконец, они закончили измываться над статуями, побросали свои орудия и устали на пленников.

- Ну, что скажете? - язвительно спросил страж, стоящий всё время рядом с валинкарцами.

Лайгон попытался сообразить, что лучше ответить. Что отвечать придётся ему, было понятно по взгляду Феронда, который ясно говорил о том, что сам мужчина ничего толкового не ответит. Маг прикинул, что единственно возможным объяснением, для чего их притащили сюда, было то, что им хотели наглядно продемонстрировать силу и безжалостность, намекая, что в следующий раз на месте статуй могут оказаться они. Это показалось притянутой за уши версией, поскольку эти существа не производили впечатление тех, кто способен создавать статуи, чтобы потом разрушать их. Стало быть, либо версия глупая, либо рабы у недлов всё же остались, и именно их трудом создавалось то, что эти твари могли так просто и с таким наслаждением уничтожать.

- Это чудовищно, - прошептал Лайгон и наигранно тяжело сглотнул, стараясь показать, что пережитый ужас ещё не отпустил его.

Страж дотронулся шершавыми пальцами до подбородка мага, приподнимая его лицо и вглядываясь в него с интересом.

- Жрец? - спросил он, разглядывая чисто выбритое лицо пленника и его короткие волосы, но маг не ответил, так как не знал, что лучше ответить, и потому страж, ударив его по лицу, продолжил: - Если ты жрец, то тебе не привыкать быть рабом.

- Я глашатай, - ответил Лайгон, демонстрируя покорность и смирение. - Он, - мог кивком указать на брата, так как не знал, как его назвать. - Плохо умеет говорить, и я его глашатай.

- Не лги мне! - страж ударил сильнее, на этот раз разбивая пленнику губу.

Лайгон выставил ладонь в сторону Феронда, показывая, что всё под контролем. Нельзя было позволить брату вмешаться: недл только начал понемногу прояснять ситуацию, а боль и унижение пока можно было потерпеть. Маг посмотрел на стража спокойно, и тот прошипел:

- То, что ты остался при своём повелителе, не делает тебе чести. Потому что он больше не будет тем, кем был раньше, а ты больше не будешь подчиняться ему. Потому что вы оба будете подчиняться только нам. До тех пор, пока мы не найдём или не отольём подходящей тары... - он подошёл к Феронду и спросил: - Ты один?

Вопрос показался мужчине странным, учитывая, что было очевидно: он не один, с ним Лайгон. Но решив, что лучше не умничать и взять пример с Лайгона, он утвердительно кивнул.

- Я хочу услышать твой голос! - прошипел недл. - Или ты считаешь себя выше того, чтобы говорить с нами?

Феронд отрицательно покачал головой, имея в виду, что не считает так, но страж, подогреваемый недовольным воем своих сородичей, вцепился ему в волосы. Лайгон, наблюдая за этим, подумал, что книги не ввали, и рабам этих существ приходилось несладко.

- Говори со мной! Твоё имя забыто, как и мы были забыты тобой все эти годы! Что, не думал, что мы окажемся хитрее? Что создадим с помощью ореливия залы, где ты беспомощен? Не ожидал оказаться пленником у тех, кого оставил умирать? Ответь мне! - он сильнее дёрнул волосы валинкарца, отчего тот скрипнул зубами и не смог нормально ответить.

- Да, я не ожидал, - тихо и глухо прошептал он, ничуть не кривя душой: попасть в плен было для него неожиданным.

Возвращаться в камеру не хотелось. Феронд считал, что план Лайгона провалился: недлы говорили с ними, но толку от этого не было. Что им нужно, оставалось неясным. Их вели обратно. Злобные обитатели гор были довольны. Им казалось, что они достигли желаемой цели и не напрасно раскурочили произведения искусства.

- Ты думаешь, мы не знаем, что ты чувствуешь на самом деле? - ехидно проскрипел мерзкий голос какого-то явно старого недла, которого раздражал вид валинкарца, поскольку тот, как ему казалось, старался не показывать, насколько больно ему было смотреть на разрушение статуй.

Феронд не ответил, так как вообще не был уверен, что вопрос адресован ему. Он, вообще-то, не очень задумывался над тем, понимают ли враги его чувства. Но теперь, задумавшись, прикинул, что глупо было бы не понять чувства своего пленника. Он был совершенно законно разгневан, оскорблён и подавлен. И не собирался мириться со своим положением, несмотря на очевидное численное превосходство врагов и практически полную свою беспомощность.

Но старый недл со скрипучим голосом желал получить ответ, и потому подпрыгнул и вцепился в волосы валинкарца сзади. Феронд попытался подцепить врага своими стянутыми за спиной руками. Захватив пальцами его одежду, мужчина присел, резко нагибаясь и перекидывая низкорослого недла через себя, чего тот не ожидал и ударился спиной о каменный пол, впрочем, волосы при этом не отпустив. Лайгон решил вмешаться, понимая, что недл так просто не ослабит хватку. Он с трудом поднял ногу с оковами и ударил недла в живот. Тот взвыл и попытался отомстить магу, разжав пальцы. На несколько секунд Феронд оказался относительно свободен, но на смутьянов тут же навалились недлы всем скопом. Они разозлились и желали раз и навсегда показать пленникам, кто здесь главный. Они били их, причём с таким азартом, что постоянно промахивались, попадая по своим, за что получали ответные удары. Буйные, охваченные жадой вымещения гнева недлы совершенно потеряли чувство меры. Некоторые из них уже валялись на полу вместе с валинкарцами и получали удары наравне с ними. Не намеренно так получалось, но всё же никто не пытался им помочь. Жестокие обитатели гор стали обезумевшими, и маг, пытаясь закрыться от сыплющихся на него ударов, подумал, что они не остановятся, даже когда будет очевидно, что пленники мертвы.

Но раздался звук гонга. Он разлетелся эхом по туннелям, заставив недлов замереть. Они разом пришли в себя, прекратив избивать тех, кто лежал на полу. Маг уже плохо помнил происходящее, проваливаясь в беспамятство, но всё же временами осознавая, что происходит вокруг. Недлы наспех дотащили пленников до камеры, бросили там, ворча и ругаясь, подобрали своих, избитых по ошибке, и, опустив на место ореливиевую решётку, ушли туда, куда их позвал гонг.

Сознание возвращалось к магу медленно. Голова, как впрочем, и всё тело его, противно ныла от назойливой тупой боли. Лайгон постарался уснуть, поскольку просыпаться и оказываться в мрачной реальности не хотелось совершенно. Уснуть у него получилось, и в следующий раз он лениво приоткрыл глаза лишь спустя несколько часов. И то только лишь от того, что на каменный пол был поставлен металлический кувшин. Причём поставлен настолько резко и громко, что звон металла о камень заставил мага глянуть, что происходит. А ничего интересного не происходило. Трое недлов принесли высокий узкий кувшин и поставили его за решётку, не утруждая себя её подъёмом. Лайгон заметил лишь их удаляющиеся фигуры. Похоже, недлов совершенно не волновало, живы их пленники или нет. По крайней мере состояние одного из них явно могло вызвать подозрение - маг валялся на полу практически в той позе, в которой и был брошен. Ощувив негодование по этому поводу, маг поднялся, чувствуя сразу все свои ушибы и синяки. Феронд сидел неподалёку и смотрел на него, однако при плохом освещении понять его взгляд было невозможно, и маг спросил:

- Как настроение?

- А у тебя? - хмуро задал встречный вопрос Феронд.

- У меня гаденькое... - признался маг. - Словно какие-то твари взяли меня в плен и не говорят, зачем. При этом пытаются унижить и доказать своё превосходство, а я сижу без магии и побитый.

Маг вздохнул и подошёл к брату, тяжело переставляя ноги. Лайгон ненавидел эти цепи, которые мало того, что были тяжелы, так ещё и тёрлись о ноги, а при движении издавали мерзкий звон о пол, лишний раз напоминая о безысходности. Да, положение у них было не завидное, но Лайгон не хотел, чтобы последние часы или дни своей жизни они провели в мрачном молчании. Поэтому он уселся рядом с Ферондом и уставился на него выжидающе. Маг знал, что у брата есть вопросы, и он обязательно задаст их. Лайгон не ошибся, так как вскоре послышался первый вопрос:

- Почему они игнорируют тебя?

- Игнорируют? - переспросил Лайгон, демонстративно дотрагиваясь до разбитой губы. - Да они бы и живого места на мне не оставили, если бы гонг не позвал их куда-то.

- Ладно, не игнорируют. Но почему они всё время кричат *на меня*? Почему мои руки связаны, а твои нет?

Маг глянул на его стянутые за спиной руки, о которых как-то успел позабыть, и предложил:

- Давай, попробую развязать.

Тонкие пальцы долго возились с узлами, которые были и без того крепко стянуты, а от вечных попыток Феронда высвободиться затянулись ещё сильнее. Брат терпеливо ждал, и маг, понимая, что развязывать он будет долго, решил не молчать:

- Им нужен ты, а я так, за компанию, - объяснил Лайгон. - Не обольщайся, Феронд, это не потому, что ты такой опасный и сильный... Просто ты... Не хочу обидеть, но ты похож на тех, кто когда-то был их рабами... Ты - похож, а я - нет...

- С чего ты взял, что это важно для них? - осведомился мужчина, которому казалось, что эти твари готовы изловить и запереть в камере кого угодно.

- Статуи, - ответил маг, чувствуя, что ногти ломаются о верёвки, но и узлы постепенно расшатываются. - Они разбили две статуи, и обе изображали длинноволосых мужчин без бород. Недлы всегда стригутся коротко. Статуи разбили при нас, полагая, что это причинит нам боль, потому что мы... вернее, ты... В общем, недлы думают, что их статуи изображали тебя.

- Но ведь они, получается, правы? - тихо спросил Феронд, чувствуя себя несколько виноватым за сходство с рабами, за которое теперь расплачивались они оба.

- Ты не понял, - вздохнул маг, ненадолго отвлекаясь от своего занятия, чтобы отгрызть и выплюнуть отломанный ноготь. - Они считают, что те статуи изображали *тебя*. Действительно тебя, а не твоих далёких предков! Они считают тебя своим богом... а меня твоим жрецом, - он заметил, как Феронд обернулся на него, и пояснил: - Жрецы есть только у богов. Вроде как, помощники их. Недл не поверил, что я глашатай, потому что они уверены, что я твой слуга.

- С чего они это взяли? - поинтересовался Феронд, чувствуя, что верёвки на его руках ослабевают: Лайгону удалось-таки справиться с узлами.

- С того, что я, наверно, не очень выигрышно смотрюсь рядом с тобой. А ещё потому что остался с тобой, когда наш... в смысле, твой, приятель сбежал. Они думают, я остался с тобой не по своей преданности... а по бесправию. Это не важно. Плюс моя внешность - я не похож на них и не похож на тебя. Будь я на их месте, тоже принял бы себя за жреца.

- Но ведь это хорошо? - спросил Феронд. - Если нас считают богами - нам должны поклоняться?

- Они не станут поклоняться нам! Они ненавидят тебя, презирают. За то, что ты, их бог, допустил, что их род гибнет, и жалкие его остатки обречены скрываться в этих горах! - он окончательно ослабил путы, и Феронд смог избавиться от верёвок.

- Спасибо, - поблагодарил он, растирая натёртые и пережатые запястья.
- Обращайся, если что, - хмыкнул маг, принимаясь обкусывать обломки ногтей.
- И что твои книжки говорят относительно нашей судьбы? - усмехнувшись, спросил Феронд.

- Что нас убьют, - честно ответил маг. - В любом случае. Все народы всегда уничтожали богов, если те не помогали им. Боялись и преклонялись - если боги хоть иногда помогали, а если нет - то их убивали. Всегда. Ты не представляешь, сколько у каждого мира существовало богов - большинство из них убито. Остаётся один-два... Тех, кто не жалеет сил ради своих поклонников. Таких мало. А все остальные всегда оказывались уничтоженными. Если боги не имели телесной оболочки, их уничтожали забвением, если имели тело - чаще всего из них выкачивали кровь, считая, что испив её, можно обрести величие. А этот страж говорил про тару... Значит, они хотят слить кровь... или сожрать тебя...

- Мы должны попытаться сбежать, - твёрдо заявил мужчина, и маг искренне рассмеялся.

- Отлично, Феронд! - воскликнул он. - Ты всегда поражал меня свежестью своих идей. У нас есть кусок верёвки и обломки статуй, которые нам не сдвинуть с места. Стены гладкие, вертикальные вставки металла нам не помогут. С таким набором прибуд мы даже повеситься не сможем.

- Ну так придумай что-нибудь! - воскликнул Феронд, словно без его слов Лайгон сам не понимал, что нужно что-то придумать. - Эти твари сильнее нас, и одолеть их не получится. Нужна хитрость, расчётливость... - он тихо спросил: - Ты ведь сможешь придумать способ?

Маг провёл ладонями по лицу. Брат верил в него, но это не придавало сил и уверенности. Наоборот, от этого становилось совсем мрачно на душе. Он бы очень хотел, чтобы возложенные на него надежды оправдались, и он смог помочь им, но, сидя в этой укреплённой ореливием камере, он мало что мог.

- Давай попробуем привязать верёвку к пруту и выгнуть его? - предложил Феронд, который всё ещё рассчитывал на свою силу.

- Окстись! - разбил его надежды Лайгон. - Твой меч из стали раскололся от удара об ореливиевую цепь. И ты считаешь, что мы при помощи верёвки и своих сил выгнем прут настолько, что сможем сбежать? Не говоря уже о том, что мы не знаем, куда бежать.

Феронд угрюмо посмотрел на него и вздохнул. Сидеть без дела он не хотел, и потому всё же поднялся на ноги и направился к решётке. Лайгон последовал за ним, плетясь нехотя, так как оковы на ногах ужасно мешали и причиняли боль. Феронд взялся обеими руками за прут. Он не казался столь уж прочным. Лайгон видел, как по соседнему пруту пробежал свет, словно внутри прутья не были литыми, и в них могло перемещаться нечто светящееся.

Маг видел, как брат старательно привязал верёвку к пруту, как старательно потянул её на себя, полагая, что это ему поможет согнуть металл. Лайгон тоже взялся за верёвку, принимая участие в этой бессмысленной затее. Совсем скоро бессмысленность подтвердилась: прут даже чуть-чуть не погнулся, хоть и верёвка не порвалась. Истратив все свои силы, Феронд отбросил верёвку и начал мерить шагами камеру, ощущая, как саднят натёртые ладони. Лайгон слышал, как звенят цепи на его ногах и думал о том, что зря он пытается справиться со своей яростью именно так: он мог с уверенностью сказать, что оковы скоро перетрут ткань брюк и станут истязать кожу.

Видимо, скоро Феронд и сам почувствовал это, или просто окончательно выдохся, так как цепь перестала греметь. Маг молчал, уйдя в свои мысли. Они не могли выбраться из этой камеры. Недлы хорошо продумали всё и единственный их промах - запретить троих в камере с целью под потолком - был компенсирован оковами.

Феронд долго смотрел в сторону Лайгона, которого даже и видно не было, зато было слышно, как он выстукивает костяшками пальцев по каменному полу какую-то мелодию. Брат смотрел в темноту осуждающе и, наконец, не выдержав этого занудного стука, сухо сказал:

- Не делай так. Раздражаешь.

Лайгон досадливо отнял руку от пола, лишившись единственного развлечения.

- Так, спокойно, - сам себе сказал он, после чего обратился к Феронду. - Давай подумаем. Они хотят выпить твою кровь - так думаем мы. Прямых доказательств нет. Но в любом случае плохо, что они считают тебя богом. Нам надо попытаться убедить их, что ты - не бог и никогда им не был.

Мужчина пересел поближе к говорившему, чтобы хоть как-то различать его силуэт. Он задумчиво пробормотал:

- Но если я не бог, то ты...

Маг вздохнул: иногда он уставал от Феронда, и сейчас как раз был такой момент, когда он уже не мог повторять всё по несколько раз.

- Да, я не жрец, а ты не бог, - взяв себя в руки, ответил Лайгон.

- Тогда кто мы? - наивно и просто спросил брат.

- Мы рабы, - ответил маг, опасаясь бурного негодования со стороны собеседника, но тот, кажется, не понял, что это означает и потому остался спокойным. - Надо рассказать им правду. Что мы потомки их рабов, а вовсе не боги, и пить нашу кровь не стоит, поскольку не престало пить кровь тех, кто ниже по статусу или наплести ещё чего-нибудь, чтобы отговорить их от этой затеи.

Феронд задумчиво заметил:

- Если мы хотим их в этом убедить, то нам придётся вести себя соответственно...

- Да, Феронд, - кивнул маг. - И это самое трудное для тебя. Но прикинуться послушными придётся, если не хочешь, чтобы из тебя выцедили всю кровь.

- Это *твоя* версия, - напомнил мужчина. - Они пока что ничего такого не говорили.

- Они говорили про тару, которой у них нет, и про то, что, когда она у них появится, твои силы перейдут к ним. Очевидно же! Кровь сливается в чан, и все торжественно пьют её. Я читал о таком!

- Я не стану служить этим тварям! - отрезал Феронд, и Лайгон безнадежно вздохнул.

- Слушай, ты гордый и сильный, этого не отнять. Но недлы сильнее. И, как бы ты ни хотел, мы действительно потомки их рабов. И единственный шанс потянуть время - раскрыть им правду о нас. Да и то, это не гарантирует, что нам сохранят жизнь...

- Мне не нужна *такая* жизнь! - воскликнул Феронд, который действительно предпочёл бы смерть жизни в этих подземельях.

- Феронд, ты испытываешь моё терпение! - тоже повысил голос Лайгон. - Прекрати думать только о себе!

- Я, по-твоему, думаю только о себе? - удивился собеседник.

- Да. Ты думаешь только о том, чтобы быть во всём лучшим! Ты не замечаешь ничего вокруг! Ты прощаешь мне все мои привычки не потому, что я - твой брат, а потому, что ты - лучший брат. Ты участвуешь и побеждаешь во всех состязаниях не потому, что это нравится тебе, а потому, что ты - лучший валинкарец. И ты придумал себе любовь до гроба к самой красивой, но самой глупой девушке, потому что ты - лучший мужчина. А теперь подумай хоть раз о других! Обо мне - я не хочу смотреть, как недлы будут пировать, попивая твою кровь. О Лаивсене, которая не знает, что строила глазки безжалостному предателю. О родителях, которым ты нужен живым, а не гордо погибшим в горах. Хотя, знаешь, тебе не удастся погибнуть гордо в любом случае - мы тихо сгинули. Никто никогда не найдёт нас здесь. И единственный призрачный шанс на спасение - прикинуться покорными и исполнять приказы недлов, потихоньку ища выход. Наши предки смогли выбраться отсюда - и мы сможем! Если ты прекратишь быть таким упёртым!

Феронд угрюмо посмотрел на брата из-под нахмуренных бровей. В эгоизме его обвиняли впервые. Все высказывания и обвинения Лайгона казались мужчине пустой софистикой, но из-

за скудного опыта в парировании словесных нападков он никак не мог обличить в этом брата и от этого злился. Драться и доказывать свою правоту силой было для него привычной, и потому он молчал, обиженный и немного оскорблённый, но не желающий поднимать руку на Лайгона за его слова.

- Прости... - прошептал маг. - Я просто хочу спасти нам жизни. Не только ради нас, но ради всех, кому Гринор может причинить вред.

Глава 18

Валинкарцы спали на полу. Благо, он не был слишком холоден. Пленники пребывали в измотанном состоянии, и потому уснули быстро. Лайгон чувствовал боль от побоев и, непривычный к подобному, некоторое время маялся от того, что не мог нормально улечься, не надавливая ни на один ушиб.

Их разбудили недлы, заявившиеся в камеру. Причём валинкарцы не удосужились подняться, чтобы встретить их. Пришедших было немного, всего четверо. Они не стали приходить толпой, понимая, что сейчас узники не смогут оказать достойного сопротивления. Недлы сразу заметили нетронутый графин, и один пояснил пленникам:

- Здесь вода. Питьевая. Если вы не будете пить, то погибнете раньше, чем могли бы.

Ему никто не ответил, и он взял металлический графин в свои светящиеся руки. Подойдя к Феронду, недл грубо приподнял его голову и попытался влить в рот пленнику хоть немного воды. Он не учёл, что руки валинкарца были свободны, и потому пленник оттолкнул от себя недла, резко садясь и готовясь отражать удары. Недл от неожиданности чуть не упал, отпрянув. Но к насилию прибегать не стал. Выругавшись на своём наречии, он поставил перед Ферондом графин и прошипел:

- Если ты не станешь пить, то подохнешь! Или боги не дорожат своими жизнями?

Мужчина мог бы заметить, что нет смысла дорожить жизнью, когда тебя в любом случае убьют. Хотя доля правды в словах недла была: умирать от обезвоживания было бы мучительнее, чем от того, что кровь покидает тело. Но свои мысли валинкарец оставил при себе, тем более в разговор вмешался Лайгон, который лишний раз убедился, что надо действовать по его плану.

- Послушайте! - воскликнул маг. - Он не бог! Посудите сами, будь он богом, позволил бы так просто пленить нас?

- Так просто?! - возмутился какой-то недл, резко приближаясь к лежащему на полу магу, но не предпринимая никаких агрессивных действий по отношению к нему. - Просто?! Да мы десятилетиями строили эти ореливиевые перекрытия, блокирующие его силы! Мы веками ждали, когда он заявится, чтобы потребовать от него ответа! Но он не приходил. Мы молили, взывали, поклонялись - но он был глух! А теперь он пойман! И теперь нам не нужны ответы, не нужны советы и помощь тоже не нужна! Мы решили, что раз бог не может позаботиться о нас, жалеет на нас свои силы - мы отнимем их у него и сами о себе позаботимся! Кровь, горячая кровь будет торжественно выпита одновременно каждым недлом!

Феронд посмотрел на брата, и тот кивнул ему. План был в силе. Прикинуться рабами, наплевав на гордость и самолюбие. Лайгон видел, как кулаки брата сжались, но он всё же склонил голову, отчего лицо его стало скрыто от мага волосами. Посмотрев на него, кипящего яростью и презирающего себя за то, что ввязался в эту глупую затею, маг неожиданно понял, что испробовал не все варианты. Был ещё один, правда, глупый, но всё же не подразумевающий добровольное рабство. Недлы гомонили вокруг, ругая Феронда на чём свет стоит и хвастаясь тем, как ловко им удалось-таки пленить его.

- Он знал об этом! - выкрикнул Лайгон, и все голоса смолкли, а недлы уставились на него. - Мой повелитель знал о ловушке. Он пришёл к вам подарить шанс на лучшую жизнь, которую вы можете начать, отпустив нас, тем самым показав благоразумие и великодушие. Такой народ будет вечно под его защитой...

- Он лжёт! - оборвал речь мага один из недлов. - Они не вспоминали о нас и пришли сюда, полагая, что все мы давно передохли! - его слова встретили поддержкой остальные трое недлов.

- Нет! - воскликнул маг. - Всё не так! Он пришёл сюда, чтобы проверить вас. Это испытание. И сейчас вы близки к провалу... и к гибели. Его кровь отравлена, и противоядие есть

лишь на поверхности. Иначе в течение трёх недель он умрёт мучительной смертью. Выпьете его кровь - вас постигнет та же участь! Но он верит, что вы поступите благоразумно, отпустите нас, и он сможет излечиться, воспрянуть силами и помочь вашему народу обрести величие!

- Он снова лжёт! - прошипел другой недл, теряя терпение и хватая мага за грудки.

Он рывком поднял пленника с пола, насколько хватало роста, и встряхнул его.

- Ты лжёшь! - повторил он Лайгону лично, брызжа слюной от негодования.

- Так проверьте, - предложил маг, бросая вызов. - Испейте крови, и спустя три недели каждый из вас умрёт, сожженный изнутри.

Недл отшвырнул его в сторону и направился к Феронду, около которого продолжал сидеть другой житель гор. Маг ударился не сильно: враг не вкладывал в свои действия много силы и скорее просто отпустил Лайгона, немного приложив усилий, чтобы направить его тело в пол.

- Это правда? - спросил недл у кареглазого валинкарца.

- Нет, - ответил тот, бросая быстрый взгляд на мага. - Пейте мою кровь. Давайте, не отступайте от плана. Вы уже показали мне, кто вы, и я не стану помогать вам обрести величие...

Феронд заявил об этом спокойно. Он вообще на этот раз держал себя в руках и, кроме того, что оттолкнул недла с графином, вообще вёл себя мирно и покладисто. Правда, и сами недлы были более адекватны - не пытались схватить за волосы, не жаждали ударить узников или причинить им боль и даже не возмутились тому факту, что руки пленника свободны. Видимо, пришли четверо самых миролюбивых представителей этой странной расы.

И на слова Феронда никто не ответил ему рукоприкладством. Недлы лишь вглядывались в его опухшее от недавней потасовки лицо и пытались распознать, врёт он или нет. Мужчина взгляда не отводил, глядя в полупрозрачные глазища того, кто задал ему вопрос.

- Ты ничего не выигрываешь, если лжёшь, - предупредил недл. - Ты вообще не можешь уже выигрывать что-либо. Ты проиграл. Потерпел фиаско. Безоговорочно. Скажи правду, и не мучай себя и своего жреца долгим томлением в темнице.

- Я уже сказал правду, - ответил Феронд.

- Но твоя правда отличается от той, что сказал твой жрец, - заметил нестыковку придирчивый недл.

- Боги часто лгут, - признался Феронд. - Мы более безжалостны, чем жрецы. Он пытается спасти вас, а я - исполнить свою собственную волю, раз уж никто больше её исполнять не намерен.

- И какова твоя воля? - поинтересовался недл.

- Унести ваши жизни ценой своей крови, - прошипел валинкарец.

Недлы переглянулись, после чего принялись обсуждать ситуацию на своём языке. Они спорили, тыкали пальцами то в Феронда, то в мага, плевались, злобствовались, что-то друг другу доказывали. Валинкарцы переглядывались, понимая, что сейчас решается их судьба. Но лучше уж так, чем играть роль рабов и подчиняться этим странным созданиям.

Наконец, решение было принято. Недлы вышли из камеры, один из них ушёл вперёд по тоннелю и нажал на рычаг, отчего решётка стала опускаться. Недлы подождали, пока она окончательно встанет на место, и напоследок один из них посвятил пленников в результаты своей дискуссии:

- Три недели мы можем подождать, - обращаясь к Феронду, сказал он. - Только если ты солгал - мы отомстим жестоко. Так что для тебя лучше, если в твоей крови действительно яд, и он убьёт тебя. Помрёшь - значит, так тому и быть. Нет - выпьем твою кровь, как и задумали. Как раз подготовим тару... Нам спешить некуда, - он криво улыбнулся пленнику. - Да и вам, в общем-то, тоже...

Недл презрительно сплюнул, и все они пошли прочь, не оборачиваясь на валинкарцев. Когда шаги стихли, Феронд уставился на Лайгона, ожидая его комментариев. Сам он не мог

понять, хорошо получилось или плохо. Сидеть три недели взаперти под землей, а потом испытать на себе месть разгневанных недлов, после чего всё равно быть обескровленным. Перспектива казалась ему удручающей.

- У нас есть три недели, - попытожил маг. - Нас, наверно, будут кормить и поить, чтобы поддерживать в нас жизнь...

- По крайней мере, мы не рабы... - нашёл единственный очевидный плюс Феронд.

- Пока да... - кивнул маг. - Но тот план мы тоже попробуем использовать... Только позже, когда три недели пройдут... если не сбежим раньше...

- Отсюда не сбежать, - вздохнул брат. - Недлов много, а мы не ориентируемся здесь...

- Хотел поддержать тебя, - признался Лайгон. - Но, боюсь, ты прав. Своими силами отсюда не выбраться... Разве что какой-нибудь недл с доброй душой сжалится над нами. А это вряд ли.

- Да уж, - невесело усмехнулся Феронд, а потом, после долгого молчания, спросил: - А ты не думал, что они могут попросить тебя испить моей крови, чтобы убедиться, помрёшь ты или нет?

Маг улыбнулся ему и успокоил уверенными словами:

- Я бы отговорил их от этого. Глупейшая идея. Сказал бы что-то вроде того, что кровь в тебе не восполняется, выпью я - другим меньше достанется. К тому же всё равно три недели ждать, чтобы проверить...

- Ладно, - улыбнулся Феронд. - Ты молодец. Теперь у нас хотя бы есть время... А рабом у меня бы всё равно не получилось быть - сорвался бы быстро... и нас бы убили...

- А так у нас впереди три недели, и неизвестно, как мы их переживём... - попытожил Лайгон, который постепенно начинал осознавать масштаб проблемы.

Глава 19

В Валинкаре, да и вообще на свободе, три недели - небольшой срок, за который, как правило, мало чего знаменательного успевало произойти, но по крайней мере, проходил этот отрезок времени быстро и незаметно. В мрачной, пусть и просторной, камере это время тянулось мучительно долго. Казалось, прошла целая жизнь. Другая, новая, тоскливая и беспросветно мрачная. О том, сколько прошло дней, можно было судить лишь по звукам гонга. Он раздавался всегда один раз в день. Это валинкарцы вычислили в начале своего заточения, пока время окончательно не потерялось для них. Правда, куда гонг звал недлов и о чём возвещал, было неясно. Как и неясно то, звучал ли он днём, утром или под вечер. Из-за этого о том, сколько прошло дней, пленники могли судить лишь примерно, так как точно не знали, с какого дня недлы начали отсчёт отведённых им трёх недель.

Кормили узников мало и плохо, в основном какими-то вегетарианскими блюдами, которые совершенно не восполняли силы, а лишь заглушали чувство голода и не давали погибнуть. Питьевую воду в графине меняли регулярно. Справлять естественные нужды водили по требованию, под конвоем. Особенно не били. Не разговаривали. На вопросы не отвечали, а если какой пленник досаждал расспросами, то могли и ударить. Досаждал, как правило, Лайгон. Он маялся от пребывания в камере, от недостатка информации и от того, что разговоры с Ферондом уже наскучили. За эти три недели они успели обсудить, казалось, всё на свете. Маг пересказал брату множество книг, и тот даже слушал и не засыпал, поскольку ему тоже было скучно, тоскливо и он желал хоть как-то скрасить своё пребывание в плену.

Валинкарцы обдумали все возможные и невозможные планы побега, но при детальном рассмотрении все они, как один, оказывались нереальными. Недлов было много. И даже теперь, когда пленники исхудали, и по их виду было ясно, что сбежать они вряд ли смогут, одолев стражу, недлы к ним всё равно приходили большим количеством и соблюдали все меры предосторожности.

И вот настал момент, когда недл сам заговорил с ним. О, это был вовсе не тот недл, о котором пленники мечтали, и который должен был однажды решиться освободить их, осознав, что они заслуживают жизни. Это был просто один из четырёх пришедших с новым графином недлов. Они уже собирались уходить, как один не выдержал, подошёл к решётке и злорадно заметил:

- Последний день ваших жизней. И он ничем не отличается от тех, что вы провели тут раньше, только лишь вы стали ещё слабее и ничтожнее.

Валинкарцы не ответили, а недлы расхохотались, уходя прочь. Маг вздохнул: они проиграла. Недлы глумились над ними, и были правы. Глупая, бестолковая отсрочка смерти на три недели ничего хорошего не дала.

- Как проведёшь последние часы жизни? - поинтересовался Лайгон, даже не пытаясь скрыть досаду и горечь в голосе.

- Не знаю, - пожал плечами Феронд. - Предамся воспоминаниям.

- Это занятно, - поддержал его идею маг. - А я, пожалуй, посплю. Знаешь, за время, проведённое здесь, я уяснил, что сон - самое доступное развлечение, к тому же единственное, которое тут у меня есть, - он зевнул и улёгся на пол, подтягивая колени к груди. - Если вдруг вспомнишь что-то, чем захочется поделиться - буди меня, не стесняйся!

Феронд хмыкнул. Всё, чем он мог и хотел поделиться, было давным-давно рассказано и не по одному разу. Он не мог уснуть, как это сделал маг. Его сердце томилось тоской. Той самой, которая поселилась в его душе с момента странного разговора с незнакомцем в балахоне. Об этом случае мужчина не вспоминал до этого момента. Да и не вспомнил бы, но смутно уловимый запах багульника и свежести в этом затхлом воздухе заставил его почему-то вспом-

нить именно тот разговор. Ведь предупреждали его и о Гриноре, и о горах. Правда, при чём здесь его общение с Лайгоном и он сам, мужчина не мог понять, сколько ни пытался. Разум цеплялся за тот диалог, который несчастный валинкарец плохо помнил и не мог детально воспроизвести в голове. Он искал там ответы на вопросы, основным из которых был простой: как же так получилось? Ведь ничего не предвещало беды, а простая поездка к горам обернулась пленом и неизбежной смертью.

Он долго мучился, вспоминая, обдумывая, анализируя. Это здорово помогало убить время, но мужчина с ужасом понимал, что каждая минута раздумий - это время его жизни, утекающей, как песок сквозь пальцы. Оставалось недолго, и он узнает, что недлы придумали для них. Он полагал, что не просто так из него сольют кровь. Перед этим наверняка ещё вдоволь поглумятся и припомнят им ложь насчёт яда. Только вот как припомнят? Разобьют ещё статуи или всё-таки решат доставить физическую боль? И, наверно, наконец, покажутся всем своим населением. Сколько их здесь обитает? И по сколько крови валинкальца хватит каждому из них? В голову измученного Феронда лезли самые неподходящие, глупые и не нуждающиеся в ответах вопросы.

Но вдруг ему что-то послышалось. Или привиделось. Или он просто почувствовал что-то неведомое. В его положении было уже неважно, что это: зло или добро. Ему просто стало любопытно и он принялся вглядываться в тоннель, который освещался редкими факелами. Что-то блеснуло ультрамарином, попав в зону света, и тут же исчезло.

- Что это? - прошептал Феронд, толкая брата локтём в бок.

Маг лениво разлепил веки и попытался понять, что от него хотят. Феронд был невнятен. Он продолжал тыкать Лайгона в бок, и тот первым делом отодвинулся от него подальше, а уж потом спросил:

- Что случилось?

- Там кто-то есть, - поставил в известность мужчину, и маг лениво вздохнул:

- Бесстрашный Феронд боится шорохов в подземелье? - на всякий случай он стал вглядываться в темноту, но ничего не удавалось увидеть.

- Скорее, неначитанный Феронд хочет узнать у тебя, что это может быть! - отозвался мужчина.

- Я не вижу ничего подозрительного, - ответил маг. - Да и с чего чему-то быть? Столько времени всё изо дня в день одинаково, а тут к нам пожаловали неурочные посетители?

- Но оно было там! - настаивал Феронд.

- Ладно, - вздохнул маг, решив не лишать брата, возможно, последней надежды на чудесное избавление. - Каким оно было?

- Бесформенным... - ответил мужчина, и собеседник понимающе кивнул, стараясь выказать участие. - На свету отливало ультрамарином. И перемещалось.

- Отлично, - Лайгон зевнул. - Слушай, мы мало едим, и ты почти не спишь, от этого...

- Да смотри же! - рявкнул на него брат, и маг послушно замолк и уставился в темноту.

Там действительно забрезжило что-то ярко-синее. Этот цвет с таким же отсветом, словно внутри что-то переливается, Лайгон распознал сразу, стоило увидеть его.

- Это ореливий... - определил маг. - Нечто из ореливия...

И это нечто медленно подбиралось к ним, словно кто-то лил на каменный пол расплавленный металл и он тёк к решётке, за которой сидели валинкарцы.

- Вставай, - Феронд дёрнул Лайгона вверх за плечи, и тот покорно поднялся.

Младший брат потянул его к обломку статуи, и вскоре оба стояли на ней, надеясь, что металл не достигнет уровня их ног. В темноте было трудно разобрать, что на самом деле происходит, а металл, как назло, протекал в самой неосвещённой части. Валинкарцы напряжённо всматривались в синие блики, пытаясь угадать, сколько им осталось мучиться догадками: выживут они или нет, если ореливий начнёт заполнять камеру. Оба думали об одном

и том же: недлы наверняка создали наклонный пол, чтобы при необходимости можно было затапливать камеру, которая по сути была каменным мешком. Но затапливать с трудом добытым металлом и без того ослабевших пленников казалось весьма странным решением даже для таких своеобразных созданий, как недлы.

Тем временем металл достиг освещённого места, и стало очевидно, что валинкарцы были правы: это был действительно жидкий ореливий и он действительно тёк по направлению к ним. Красивый, благородного цвета металл неумолимо приближался к решётке. Лайгон со своим пытливым умом тут же задался вопросом: что станет с орелиевыми прутьями, когда их коснётся расплавленный металл. Он невесело усмехнулся своим мыслям: скоро он воочию увидит, что произойдёт.

Однако дальше выяснилось то, что заставило мага напрочь позабыть о том, что его интересовало. Валинкарцы одновременно заметили то, что вызвало у них и облегчение, и непонимание. То, что было совершенно нелогично и бессмысленно. Поток ореливия был конечен. К их камере текло весьма определённое количество этого металла, причём его было не очень много. Такое количество не могло быть опасным для стоящих на каменном осколке мужчин.

Что недлы задумали на этот раз, оставалось неясно. Но металл был удивительным: он не растекался по полу лужей, не оставлял за собой капель или следов. Возможно, этим он был обязан своей вязкости и текучести, но складывалось ощущение, что он не течёт, а *перемещается*. Неспешно, грациозно, *осмысленно*. Он подбирался всё ближе, а потом достиг решётки и поглотил те прутья, которых коснулся. Не растворил, не оплавил, а *поглотил*. При этом жидкий металл обволок прутья, пропутешествовал по ним до самого верха и неспешно спустился по ним вниз, только при этом вверху прутьев уже не оставалось, но и жидкого металла больше от этого не становилось. Ореливий не стал поглощать остальные прутья, растёкся лужицей и замер.

- Он наелся? - тихо спросил Феронд, словно боясь разбудить странный металл.

- Это ореливий, - напомнил Лайгон. - Он не может питаться сам собой! Он вообще не может питаться - он металл!

- Тогда почему прутья пропали, а он замер?

- Откуда мне знать! - отозвался маг, которого поведение этого металла пугало и настораживало. - Я о таком не читал! Попробуй поговорить с ним! Очевидно же, что он разумен, раз двигался против законов физики!

- Я? - переспросил Феронд, который не представлял, как он может говорить с металлом.

- Но ведь ты - маг!

Лайгон успел лишь приоткрыть рот, чтобы парировать, но тут же содрогнулся от страшного скрипучего голоса, эхом повторившего:

- Ты - маг!

Валинкарцы огляделись по сторонам. Откуда исходил звук было неясно из-за эхо, разлетевшегося по камере, пролетевшего по пустынному коридору и возвратившегося обратно в камеру отвратительным гулом. Мужчины переглянулись, но не успели поделиться друг с другом мыслями, как подозрительный металлический звук заставил их глянуть на разлитый по каменному полу ореливий. Металл стал обретать форму. Сперва лужица стала тонкой и длинной, потом гладкая блестящая поверхность, присущая жидкости, стала затвердевать, превращаясь в чешуйки, которые занимали свои места с тихим металлическим позвякиванием. Металл превращался в змею. Завершилось преобразование тем, что новоявленное пресмыкающееся подползло поближе к осколку статуи, на котором стояли валинкарцы. От опасной близости неведомого существа мужчины отступили назад. Змея подняла голову и посмотрела на Лайгона своими ультрамариновыми, практически живыми, но всё же мателлическими глазами.

- Ты - маг! - проскрипела змея, и уставилась на Лайгона, чуть склонив голову набок.

Спустя некоторое время, проведённое в молчании, валинкарец сообразил, что это был вообще-то вопрос, и ореливиевое пресмыкающееся ожидало от него ответа. Осознав это, он беспомощно посмотрел на Феронда, не зная, что отвечать. Это создание могло в равной степени желать сожрать мага или же помочь магу. И был лишь один способ это проверить, но Лайгон почему-то был уверен, что это не союзник. Союзник бы появился раньше, до того, как их практически заморили голодом и несколько раз чуть не убили. Тем более союзник не стал бы доводить их своим появлением до ужаса, с которым оба валинкарца взирали на неожиданного гостя. Лайгон посмотрел в глаза брату и отрицательно помотал головой, прося не выдавать его. Феронд же был другого мнения. Было очевидно, что змее интересен маг, и стоило выяснить, зачем. Чего бы это ни стоило.

- Я - маг! - заявил Феронд, глядя в синие глаза, смотрящие на Лайгона.

Валинкарцы перестали дышать и не издали ни единого звука, пока металлическая голова поворачивалась к Феронду и оглядывала его, прежде чем ответить:

- Ты - маг! Я - твой голем!

- Что? - переспросил Феронд. - Я - маг... А ты - кто?

- Ты - маг! Я - твой голем! - повторила змея, и Лайгон взмолился, поморщившись:

- Феронд, не разговаривай с ним! Это ужасно... Этот голос...

- Не разговаривать? - удивился Феронд. - Но... что же тогда делать?

Лайгон и сам не знал, что делать. О големах он знал совсем мало, и как с ними обращаться не представлял. Он вообще не верил, что такое возможно, и теперь пытался смириться с тем, что перед ним действительно ореливиевая змея, с которой нужно как-то взаимодействовать, чтобы понять, что ей, собственно, нужно.

- Надо подумать... - пробормотал маг. - Он голем...

- Я - твой голем! - повторила змея, глядя исключительно на Феронда.

- Так, не произносить это слово! - одёрнул сам себя мужчина. - Это змей. Ореливиевый змей. Такое бывает...

- Бывает? - переспросил Феронд. - Но ты говорил...

- Тогда я не знал, что это го... - он осёкся и замер, боясь снова услышать скрежет голоса голема. - В общем, так. Некоторые, очень-очень сильные маги...

- Ты - маг! - сказал змей и склонил голову набок: это был снова вопрос и обращён он был к Феронду. Мужчина нервно сглотнул под взглядом синих металлических глаз, поскольку ещё не привык к столь странному обществу.

Лайгон вздохнул и продолжил:

- Думаю, ты уже понял, что некоторых слов стоит избегать. Такие, как он... - маг указал на змея, - ... созданы из неживой материи. Создать их может только очень сильный ма... - мужчина вовремя прикусил язык, вздохнул и продолжил: - ... кто-то очень сильный. Этот змей - не разумное существо, и оно может говорить лишь определённый, заложенный в него, набор словосочетаний.

Феронд провёл ладонями по лицу, пытаясь сообразить, что из всего вышесказанного следует.

- И что нам с ним делать? - спросил он. - И почему он пришёл к нам? И где был раньше?

- Не знаю, - выдохнул Лайгон, пристально вглядываясь в замершего змея. - И смились: возможно, этого мы никогда не узнаем. Итак, нам известно, кто этот змей, известно, кого он ищет. Осталось выяснить, для чего. Он сказал, что он твой. Стало быть, вряд ли он враг. Мы должны найти слово, на которое онотреагирует ответом на вопрос, зачем он кого-то ищет. И тогда запустится механизм действия... то, для чего кто-то создал его...

- Хорошо, - согласился Феронд. - Какие слова могут быть? Недл? Валинкар? Камень? Можно гадать до бесконечности!

- Это что-то простое... - возразил Лайгон. - Давай подумаем, для чего кто-то мог создать его? Помощь? Защита? Выход? Надо понять, какую цель мог преследовать...

- Следовать, - повторил металлический голос, и голова указала на решётку камеры. - За мной!

Лайгон посмотрел на Феронда, а потом перевёл взгляд на свои тяжёлые оковы, что соединяли правую щиколотку с левой. С таким грузом было далеко не уйти, даже если решиться следовать за големом.

Ореливиевое создание, казалось, заметило, в чём причина замешательства мужчин. Валинкарцы не успели понять, что происходит, как тело змеи ловко и молча кинулось к ногам пленников.

- Проклятье! - выкрикнул Лайгон, пытаясь пинками согнать голема с осколка статуи, но тот оказался чрезвычайно тяжёл и упрям, настойчиво обвиваясь вокруг ног валинкарцев, как бы они ни пытались этому препятствовать.

- Не бей его! - попытался остановить напуганного мага брат. - Он же хочет освободить нас!

Мужчина замер. Феронд был прав. Змей обвивал их ноги, поглощая ореливиевые оковы. Прохладный идеально гладкий металл, в который превратился голем за доли секунды, скользил по кровотокающим лодыжкам, совершенно не причиняя боли. Валинкарцы не шевелились. Когда оковы перестали существовать, голем стёк на пол с каменистого осколка и снова преобразился в змея.

- Следовать! За мной! - повторил голем, начиная движение к решётке, в которой отсутствовали два прута.

Феронд прыгнул с обломка и посмотрел на брата. Тот устало вздохнул. Скоро всё равно за ними явятся недлы и убьют. Не было причин не попытаться счастья, следуя за големом в неизвестность.

- Куда ты нас ведёшь? - спросил Лайгон, но ответа не последовало.

- Ты же сам говорил, что он может отвечать лишь на какие-то определённые слова, - заметил Феронд.

- Да, говорил, - кивнул маг. - Но попытаться стоило.

Они без труда протиснулись в прореху, что была образована отсутствием в решётке прутьев, и направились за змеем. Тот не оглядывался на них, но перемещался с вполне деликатной скоростью, чтобы ослабевшие пленники успевали переставлять свои истерзанные ноги, не отставая от него. Голем молчал. Когда он оказывался в темноте, было видно, что края его чешуек слабо мерцают, а когда он снова выползал на свет, то всё его тело красиво блестело.

Лайгон ничего не мог понять. Ореливий совершенно точно блокировал магию. При этом какому-то магу удалось подчинить себе этот металл и создать из него голема. Это не укладывалось в его голове. Почему чары подействовали на то, что не только не подвластно чарам, но и нейтрализует даже врождённые способности? Ответ на этот вопрос было не найти даже в голове начитанного Лайгона. Ерунда какая-то! И тем не менее голем существовал. Стало быть, и маг, обладающей какой-то немислимой силой, тоже существовал.

Голем вёл своими, окольными путями, поворачивая в неприметные узкие туннели, некоторые из которых были не освещены, и приходилось идти, ориентируясь на тусклое мерцание змеи. Но темнота давно не была валинкарцам помехой. Они шли, не снижая из-за неё скорости. Оба в душе тревожились. Хоть голем и не был посланником недлов, но доверия это создание не внушало. Молчаливый неживой змей вёл в неизвестность уверенно и непоколебимо, отлично зная дорогу. Не то он специально избрал такой маршрут, не то подгадал время, не то ориентировался на ходу и быстро принимал решения - но ни один недл не попался на их пути. Лайгону даже захотелось поверить в безумную мысль, что он их всех уничтожил перед

посещением камеры. Но здравый смысл говорил о том, что у голема какая-то своя задача и он решает лишь те проблемы, которые мешают ему достичь своей цели.

Но вскоре выяснилось, что змей не все задачи намеревался решать сам. Он пополз в какой-то совсем узкий лаз, который и на туннель-то похож не был. Скорее, на какую-то нору. Валинкарцам пришлось ползти, низко наклоняя головы, чтобы не удариться о нависший над ними потолок. Этот странный лаз освещён не был, зато быстро вывел в очень хорошо освещённый пустынный зал. Голем подполз к запертой металлической двери и замер, приподняв голову. На двери висел большой металлический кодовый замок. И явно змей предоставлял валинкарцам возможность проявить себя и освободить путь от этого препятствия. Феронд посмотрел на брата и предположил:

- Может, змей поглотит его, и всего делов?

- Нет, - отозвался маг. - Он способен управлять лишь тем, из чего сам создан. Эту дверь придётся открывать самим.

- Но тут восемь букв и буквы не нашего языка! - заметил мужчина, разглядывая замок.

Лайгон устало вздохнул. Феронд не переставал удивлять его. Сильный и смелый, тренирующий своё тело, он совершенно забывал тренировать свой разум. Маг наклонился ухом к замку и принялся крутить одно из восьми колёсиков, прислушиваясь и ловя пальцами каждое мельчайшее ощущение. Дойдя до нужной буквы, маг услышал лёгкий щелчок - запирающий механизм вошёл в паз. Маг облегчённо вздохнул: устройство кодового замка не отличалось новизной и оригинальностью. Подобрать код оставалось делом техники.

Маг остался доволен собой, открыв перед Ферондом дверь в ярко освещённое помещение, напоминавшее скорее целый отдельный мир, наполненное грохотом, гулом и запахом копти.

- Следовать! За мной! - металлический голос по-прежнему ничего не выражал, но каждый раз заставлял мужчин вздрагивать: к некоторым вещам трудно привыкнуть, особенно, когда они пугают.

Лайгон и Феронд заметили, что змей убыстрился. Теперь за ним приходилось бежать. Настолько быстро, что валинкарцы не успевали смотреть по сторонам. Однако в сознание беглецов врываются крики недлов. Недовольные, взволнованные, непонятные. Маг подумал, что это даже хорошо - не понимать язык, на котором эти твари переговаривались. Так было проще: не знать, чего они там кричат друг другу, глядя вслед убегающим за сверкающей змеей мужчинам. Почему они не бросились в погоню сразу, оставалось неясным, да и не до того бы валинкарцам, чтобы разбираться в этом. На самом деле недлы сперва просто оторопели от вида голема и от того, что пленникам удалось вырваться, а позже, увидев, что бегут они всё равно к тупику, решили не торопиться с поимкой.

Голем при ярком освещении поражал своей красотой. Кто бы ни сотворил его, чувство прекрасного у него было отменное. Каждая чешуйка в отдельности являла собой произведение искусства. Ультрамариновая, с чёрной неровной узорчатой окантовкой, она сверкала и переливалась, как бы лишняя раз напоминая, что сделана из редкого и прекрасного металла. Чешуя была крупная, лежала аккуратно, чешуйка к чешуйке, и даже не топорщилась при движениях металлической приплюснутой головы.

Оторвавшись от созерцания своего загадочного проводника, Лайгон, наконец, огляделся. Они бежали через копи. Именно здесь недлы добывали ореливий для своих ловушек. А потом, видимо, отправляли куда-то ещё ниже: с грохотом и скрежетом по некоему подобию железнодорожных путей вниз и в темноту уносились вагонетки с осколками ореливия. Маг с ужасом предположил, что замыслил змей. Вернее, не замыслил, а что было заложено в него. Маршрут оставлял желать лучшего.

Голем был юркий и изворотливый: легко обползал все препятствия, что встречались на его пути, при этом скорости не снижал. Бегущие за ним валинкарцы препятствия преимуще-

ственно могли перепрыгнуть: в основном на полу валялись либо какие-то куски камня, либо инструменты, либо запчасти. Не всё металлическое было из ореливия, а это означало, что и другие полезные ископаемые недлы освоили для использования в быту.

Змей достиг тупика, который оканчивался не отвесной, но весьма не внушающей доверия скалой, и невозмутимо пополз вверх по стене. По крайней мере, сперва валинкарцам именно так и показалось, но, приглядевшись, они увидели немного выступающие из камня уступы, за которые и цеплялся голем. Мужчины мешкали, и голос змеи повторил:

- Следовать! За мной!

- Обратного пути нет, Лайгон, - констатировал Феронд и первым отправился за големом.

Лайгон тоже шагнул на уступ, разворачиваясь боком, потому что иначе устоять было невозможно. Тропа была опасной и вела немного вверх, отчего риск поскользнуться возрастал. Феронд шёл осторожно, всем телом вжимаясь в каменную стену, чтобы как можно дальше находиться от опасного края. Но камень был прочным, и вскоре путники перестали опасаться каждого своего движения. Тропа была надёжной. Теперь всё зависело лишь от самих ступивших на неё, пройдут ли они до необходимого участка. Желание жить и снова обрести свободу было настолько сильным, что Лайгон и Феронд были готовы на всё. Особенно теперь. Так далеко от своей камеры они не заходили уже несколько недель.

Змей вёл вперёд и вперёд, пока не достиг места назначения. Валинкарцы сперва и не поняли, что уже пришли, поскольку ничего примечательного не было. Они так же перемещались, прижимаясь спинами к стене и пытаясь руками нащупать хоть что-то, за что можно было бы уцепиться в случае потери равновесия. Но змей возвестил:

- Следовать! За мной!

Валинкарцы не успели понять, что от них требуется, как ноги их оказались обвиты холодным ультрамариновым телом змеи, после чего тяжёлая металлическая голова дёрнула своё длинное тело в обрыв. Мужчины не успели, да и не смогли бы противостоять голему. Увесистое металлическое пресмыкающееся потянуло их на дно тёмной пропасти, откуда доносился грохот и скрежет бегущих вагонеток.

Лайгон закричал. Не столько от страха, сколько от неожиданности и обиды. Собственный крик заставил мага ощутить себя слабым. Конечно, не каждый день металлическая змея сталкивала его с обрыва в неизвестность, но всё же мужчина укорил себя в несдержанности, одновременно ловя себя на мысли, что не о том он беспокоится, летя вниз на бешеной скорости. Но рот он всё же закрыл, и удивлением продолжая слышать крик и не сразу понимая, что эмоции не смог скрыть не он один. Феронд тоже кричал, причём лично его этот факт ничуть не смущал. Он, в отличие от мага, привык высказывать свои чувства в сражениях криком и рычанием, так что эта смертельно опасная ситуация вызвала у него вполне закономерную реакцию: выразить негодование и возмущение через полный злости крик.

Тем временем голем начал трансформироваться. Хвост его по-прежнему стягивал валинкарцам ноги, зато голова стала принимать куполообразную форму, причём металл растёкся таким тонким слоем, что оставалось непонятно, как из относительно небольшой ореливиевой головы смог получиться столь большой купол. Валинкарцев дёрнуло вверх: то, что соорудил из себя голем, походило на парашют, и после стремительного падения казалось, что они зависли в воздухе, где-то между тем уступом, с которого были сброшены и по-прежнему тёмным дном. Дно, однако, всё же приблизилось, и по гулу и скрежету это было понятно.

От неожиданного спада скорости падения Феронд замолк, привыкая к новому положению: теперь они висели вниз головой. Мужчина посмотрел на висящего рядом с ним Лайгона и спросил:

- Чего ему от нас надо?

- Думаю, ему нужен... - Лайгон посмотрел вверх, прижав подбородок к груди, чтобы убедиться, что морды у голема нет, и вряд ли без неё он сможет говорить. Убедившись, что гибкое

чешуйчатое тело заканчивается огромным куполом, а не головой, мужчина продолжил озвучивать свои догадки: - Ему нужен маг...

- Ты - маг! - проскрежетал голем, и Лайгон безнадежно закрыл глаза, в который раз вздрагивая от этого голоса, который шёл просто из металла, и голова змеи оказалась не при чём.

- Ладно, - вздохнул маг. - В общем, ты нужен ему... вернее... скорее всего, не ему, а тому, кто создал его. Возможно, ему нужна помощь: исцелить, освободить или что-то в этом роде. Хотя, это противоречит всем законам логики. Создатель змея чрезвычайно сильный, и для чего ему мы - неясно. Единственный правдоподобный вариант: он создал этого... змея давно и только теперь, ослабев или заболев, отправил его на поиски... тебя...

- Но я... - хотел было напомнить Феронд, но Лайгон перебил его:

- Давай не думать об этом раньше времени. Змей куда-то ведёт, и стоит подождать, пока всё само прояснится.

Змей опустил свою ношу в вагонетку, у которой была открытая крыша. Отпустив ноги валинкарцев, голем принял облик нормальной змеи, каким он был до падения. Маг и Феронд переглянулись. Они лежали на ореливиевой крупной крошке. Недлы добывали ореливий до сих пор, хотя искомый ими бог был найден. Вероятно, они использовали этот металл не только для создания ловушек, но и для каких-то бытовых целей. Ведь должен же был быть быт у этих тварей. И женщины, наверно, были. Только пленники ни разу таковых не видели. Или же просто недлы внешне не отличались, не имея вторичных половых признаков.

В любом случае вагонетка мчала пленников в компании странного голема куда-то по тёмным переходам. Колёсики с противным звуком тёрлись о рельсы, а на поворотах мужчинам казалось, что их ненадёжное транспортное средство и вовсе опрокинется. Кроме того на стыках рельс вагонетка опасно подпрыгивала: недлы были не очень старательными при изготовлении путей. Зато голем был спокоен. Он лежал на ореливиевой крошке с гордо поднятой головой и смотрел вперёд, словно был штурманом и мог управлять движением вагонетки. Он раздражал валинкарцев, но они молчали, поскольку сказать было нечего. Их судьбы были в руках того, у кого и рук-то не было, и кого, по сути, и самого-то не могло существовать.

Глава 20

- Следовать! За мной! - скомандовал голем, указывая за борт вагонетки.

- Там темно, мы не видим, куда прыгать! - возмутился Лайгон.

- Следовать! За мной! - ответил змей и ловко обвил запястья валинкарцев, да так, что они и не успели понять, как он так быстро успел допрыгнуть и сковать их своим ореливиевым телом.

Снова ощутив себя пленниками, мужчины безуспешно попытались высвободиться. Но у голема была сильная хватка. Он резко дёрнулся, увлекая валинкарцев за борт на повороте. От того, что они продолжали бороться и не успели вовремя поджать ноги, и без того накрепившаяся вагонетка отчаянно заскрежетала колёсами о рельсы и, безрезультатно попытавшись встать на место, не удержалась и повалилась на бок, продолжая по инерции перемещаться вниз с пронзительным лязгом.

Но это уже было где-то внизу. Голем ловко перебросил валинкарцев на какую-то плоскую каменную поверхность. Подозрительно ровную, но с невысоким бортом у обрыва, за который голем цепко ухватился. Маг посмотрел вниз, на вагонетку, чьи трущиеся о рельсы металлические части выбивали снопы искр. Змей не стал долго мучить пленников и быстро отпустил их, как только полностью втянул их тела на каменную площадку. Сил в големе было немерено, и, казалось, что вес двух мужчин ничуть не сковывал его движения.

Соскользнув с запястий валинкарцев, змей в ту же секунду расправил свои чешуйки, которые до этого прижимал плотно к телу, чтобы не поранить руки своих спутников. Эта забота вселяла надежду, что всё-таки оказаться в лапах создателя голема лучше, чем погибнуть от рук недлов.

- Следовать! За мной! - проскрежетал голем, направляясь в темноту.

Мужчины последовали за мерцающим проводником. Где-то внизу, около сошедшей с рельс вагонетки, послышался грохот - следующая вагонетка влетела в упавшую. Феронд подумал о том, что недлы легко смогут вычислить, где их узники решили повернуть. Следовало поторапливаться, но попросить голема ускориться он счёл глупой затеей. Этот загадочный змей сам выбирал маршрут, скорость и способ передвижения. Лайгон же думал немного о другом. Его интересовало, что бы стал делать голем, напади на них недлы? Помог бы отбиться? Бросил бы? Или просто подхватил бы и унёс на немыслимой скорости? А ещё пытливый ум, жаждущий экспериментов, задавался вопросом, как бы змей поступил, если б оба валинкарца отказались идти или и вовсе прикинулись мёртвыми? Он шёл, гадая над этими вопросами, но не решаясь на практике выяснить ответ.

Змей провёл через какие-то широкие тоннели, или то были залы - в темноте и не разобравшись. Но потом валинкарцы оказались в некоем странном помещении, которое сразу действовало на организм мага благоприятно.

Перед ними был каменный зал. Просто каменный, на этот раз абсолютно похожий на тот, что так любил Мэггон. Даже ореливиевых вставок не было, сколько Лайгон ни пытался нащупать их на стене, вдоль которой шёл. Кроме того, маг ощущал свои возможности. Такое забытое за недели, проведённые в камере, чувство. Он снова мог ощущать воздух не единым целым, снова мог наслаждаться присутствием магической энергии. Лайгон улыбнулся сам себе: где бы они ни находились, недлы не были властны в этих местах.

- Следовать! - змей снова начал движение, уползая в непроглядную тьму. - За мной!

Феронд пошёл следом, и Лайгон тоже не стал медлить. Шаги и звук скользящего по камню металлического змеиного тела были глухими и эхом не отражались. Это было странно для столь пустого помещения. Или оно не было таким пустым, как могло показаться? Темнота, окружившая путников, не позволяла судить о том, были ли предметы в том зале, куда привёл

их голем. Лайгон прислушался к своим ощущениям. Пуст. Зал был пуст. Но в нём была одна особенность. То, чего никогда прежде не испытывал молодой неопытный маг.

Воздух. Он был пропитан магией. Чужой, неизвестной, но сильной, сгущающей воздух настолько, что становилось трудно дышать, и звуки не могли разлететься по всему помещению. Они даже не доходили до стен, пола и потолка, и потому не отражались эхом.

Голем преградил собой путь валинкарцам, отчего оба чуть не споткнулись о змеиное тело.

- Проклятье! - выругался не ожидавший подножки Лайгон, а Феронд, запнувшись, быстро перешагнул через голема и замер.

Феронду, не столь чувствительному к магии, было просто трудно дышать, но он не придавал этому значения. На такой глубине и среди камней спёртый воздух не удивлял мужчину. Зато тревожило прерывистое тяжёлое дыхание Лайгона, который изрядно нервничал. Змей привёл их в странное, чужое место, которое навевало на мужчину страх.

- Эй, - обратился Феронд к голему. - Что дальше?

Змей не ответил, однако стал обвиваться вокруг ног валинкарцев, сворачиваясь кольцами на израненных щиколотках. На месте прежних оков теперь располагалось тело голема. Лайгон нервно сглотнул, слушая, как дыхание Феронда стало опасно шумным: мужчина был зол. Маг насторожился: от разъярённого брата можно было ожидать любых глупостей. Он приготовился сказать ему что-то предостерегающее от необдуманных поступков, но голос опередил его слова вопросом:

- Ты - маг?

Это спросил не голем. Голос был спокойный, мужской, заинтересованный. И интонация была вопросительной, чем голем похвастаться не мог.

- Я - маг! - ответил Лайгон, дотягиваясь рукой до плеча Феронда и слегка сжимая его, стараясь тем самым намекнуть, что кем бы ни оказался обладатель спокойного голоса, лучше ему не врать.

- Докажи, - миролюбиво предложил голос. - Я не чувствую в тебе магических сил, но я слишком давно не встречался с магами...

Лайгон зажмурился, готовый услышать из-под ног скрежет голоса змея. Но ничего такого не произошло. Голем молчал. Валинкарец обречённо вздохнул: тот, кто говорил с ним, явно являлся создателем этого голема. И это пугало: перед ними, где-то в темноте был сильный маг, который привёл их сюда явно не ради магической помощи. Мужчина начал накручивать себя, придумывая нелепейшие версии. После общения с недлами, ему казалось, что и это существо захочет их крови. Или что-то в этом роде.

- Зачем голем привёл нас сюда? - тихо спросил Лайгон.

Спокойный голос ответил мирно, но твёрдо:

- Я не стану говорить об этом, пока не удостоверюсь, что хотя бы один из вас маг.

- Хорошо, - кивнул Лайгон, отпуская плечо брата и готовясь творить.

Он подумал, что можно использовать желание неизвестного узреть волшебство в своих целях. Тем более, что неопытный маг толком умел-то лишь две вещи: двигать предметы и создавать светящийся шар. Из предметов был лишь голем, да и то Лайгону было необходимо видеть то, что он двигает, а в крошечной тьме даже ни одна чешуйка не блестела. Да и связываться с ореливием не хотелось. Этот металл казался слишком подозрительным, поскольку был плохо известен валинкарцам.

Лайгон не был уверен, что пронизанный магической энергией воздух окажется сильнее действия обвиняемого вокруг ног ореливиевого тела. Но стоять здесь, посреди тёмного зала и ожидать своей участи, не пытаясь даже увидеть противника, было непозволительно.

Маг принялся вытягивать из воздуха необходимые элементы. Это оказалось куда проще, нежели в Валинкаре. Он вообще боялся, что за эти долгие недели без упражнений он не сможет

ничего сотворить, но был приятно удивлён. Испещрённые мелкими ранками руки мужчины ощущали тепло от перенасыщенной магией энергии, которую можно было черпать даже не из себя, а из окружающего пространства. Такое было для него впервые. Лайгон сожалел, что умеет так ничтожно мало. Сейчас, в этом зале, ему казалось, что он смог бы всё. Смог бы разрушить стены, сокрушить врага, выбраться на свободу и вернуться домой. Если б только знал, что для этого нужно делать, как думать и если бы умел концентрироваться, а не думать о многих вещах одновременно с сотворением чар.

Слабый свет сотворённого Лайгоном шара понемногу начал озарять зал, хотя темнота казалось какой-то вязкой, не позволяющей свету легко разогнать себя по углам. Маг продолжал собирать энергию в шар, отчего он светился ярче и ярче. Мужчина смотрел на него до тех пор, пока свечение не начало слепить его глаза. Он зажмурился, ощущая, что шар стал жечь руки. Лайгон пустил его к потолку, надеясь, что он не настолько высок, и свет сможет пролиться на пол. Увидеть неизвестного создателя голема хотелось.

- Что ж, - спокойный голос, казалось, был доволен. - Ты действительно маг. Пока слабый, неопытный... но с огромным потенциалом. Ты станешь великим... если выживешь и не поленитесь научиться всем премудростям магии...

- Зачем мы здесь? - повторил свой первоначальный вопрос Лайгон, оглядываясь по сторонам.

Света было предостаточно: потолок оказался низким. Но вот источника голоса не было видно. Это настораживало.

- Вы здесь, чтобы я мог убедиться, что вы не обманули моего голема, - ответил голос.

- Как твоё имя и кто ты? - осведомился Феронд.

Лайгон с укоризной глянул на него. Привыкший к правилам и традициям, младший брат хотел знать имя собеседника. Магу хотелось вцепиться ему в плечо и встряхнуть, закричав в ухо: «Зачем оно тебе нужно?! Мы стоим, обвитые ореливиевой змеей и разговариваем с тем, кого не видим, а тебе надо знать его имя! Мы не в Валинкаре и здесь нет твоих глупых традиций!» Он постарался вложить все эти мысли в свой взгляд. Но карие глаза непонимающе смотрели на него, заставляя признать, что брат мысли читать не умеет и даже элементарной проницательностью не обладает.

- Что? - наивно спросил Феронд у сверлящего его взглядом Лайгона, и тот отвернулся от него.

Голос создателя голема ответил, поразмыслив над поставленным вопросом:

- Имя моё давно утеряно и предано забвению. Там, где я теперь, у меня другое имя, но и оно не имеет отношения к нашему разговору. Я маг.

- Это мы поняли, - перебил Лайгон. - Покажись нам, непривычно разговаривать с пустотой!

- А придётся, - спокойно ответил голос. - Потому что я и есть пустота.

- Ты же только что говорил, что ты маг, - напомнил Феронд.

- Я должен был уточнить, наверно... Я *был* магом. Когда-то в другой жизни... Это было много-много веков назад... Когда этой планеты не было, и я был рабом недлов, а они пытались придумать, как спастись с умирающей планеты... Наивные глупцы! Да они без меня...

- Ты... - пробормотал Лайгон, припоминая все известные ему сведения о прошлом недлов и их родной погибшей планете. - Ты из тех, кто создал ореливий...

- Точно, - спокойный голос отчего-то приобрёл печальную интонацию. - Твой друг спрашивал моё имя. Я вспомнил его. Ореливий - это моё имя.

- То есть? - не понял Феронд. - Металл создал *ты* и назвал своим именем? Но... из чего ты создал его?

- Из других металлов, - ответил голос. - Алхимия и магия - две вещи, послужившие рождению того вещества, которое вы называете ореливием.

- Ты изобрёл его, чтобы создать эту искусственную планету? - не то спросил, не то просто вслух припомнил Феронд, который вообще не привык столь часто воспринимать много новой информации, и от этого плохо соображал.

- Да, чтобы создать эту планету... - задумчиво отозвался голос.

- Чтобы спасти недлов от гибели на разрушающейся планете? - продолжал уточнять валинкарец под тяжёлым взглядом брата.

Не то. Феронд, как всегда, спрашивал совершенно не то, что было сейчас важно. И как всегда не замечал, что Лайгон недоволен его поведением.

Голос рассмеялся. Смех его не был ужасен, но и добродушен не был. Замолкнув, невидимый собеседник спокойно ответил:

- А кто, вы думаете, разрушил планету? Со сколько попыток угадаете?

- Ты? - предположил Лайгон и тут же возмутился: - Ты разрушил родную планету?! Бросил...

- Нет, не бросил, - возразил голос. - Наоборот, это эти трусы бросили. А я остался. На планете. Не всю её удалось спасти, но вполне себе пригодная для жизни планетка...

- Откуда тебе знать? - удивился Лайгон. - Ты был там?

- Я был, и есть там и по сей день, - ответил Ореливий. - Я никогда не покидал *свою* планету.

Лайгон нахмурился. Загадочно, запутано. Невесть зачем пригласивший их к себе маг явно не был намерен говорить прямо. Однако Феронда, в отличие от его брата, это ничуть не смутило, и он простодушно задал новый вопрос, на этот раз даже правильный:

- Но как ты остался там, если ты здесь?

- О, я создал специальный зал, в котором вы сейчас находитесь, - похвастался голос, хотя хвастовство угадывалось лишь в интонации: интонация ничуть не изменилась. - Ореливий не блокирует магию, как все считают, нет... Он её отбирает... для меня... для этого зала. То, что ты, маг, чувствуешь энергию этого пространства - это ты чувствуешь твою энергию. Этот зал наполнен магической энергией, которую ореливий отнял у тебя и переместил сюда. Это мой способ питаться здесь... Я редко могу проникать сознанием сюда. Но ты силен... мог бы быть силен. Ореливий согнал в этот зал всю твою энергию, о мощи которой ты даже не догадываешься. Этой энергии хватает мне, чтобы сейчас общаться с вами...

- Но... - Лайгон запутывался в нелогичности поступков собеседника. - Ты был рабом... Почему ты создал вещество, отнимающее магию? Для твоих собратьев это было единственной защитой от жестокости недлов!

- Это очень просто, - ответил голос. - Я презираю недлов и рабов в равной степени.

Лайгон снова нахмурился, а Феронд снова не дал молчанию затянуться.

- Но... почему? - спросил мужчина и постарался уточнить вопрос, но получилось не очень доходчиво: - Ты мог бы собрать рабов и найти способ освободить их... Или победить недлов и рабы бы оказались...

- Зачем? - спросил голос равнодушно. - Наше общество было странным. Недлы - сильные физически, но бестолковые. Они почему-то главенствовали. А рабы были не намного умнее, но могли обладать магией. Могли развиваться, а они просто подчинялись недлам. Все. Кроме меня. Я никогда не понимал, почему наш мир так глупо устроен. Недлы и рабы могли спастись от полной деградации лишь объединившись, а они, наоборот, разобщились. Недлы возвысили себя над рабами, имея физическое превосходство. Рабы позволили унижать себя, не удосужившись сыграть на том, в чём они сильнее - на магии.

- Но... как такое могло произойти? - не понимал Лайгон. - Почему изначально способности к магии не пытались развить?

- Потому что способность к магии считалась... болезнью.

- Болезнью? - практически хором переспросили оба валинкарца, словно не поверив своим ушам.

- Да, - подтвердил голос. - Это ненормально - владеть магией. Это отклонение, которое нужно зарывать в землю или использовать очень редко и осторожно. Так они считали. Но я пошёл своим путём. Я узнал, что все боятся магии, потому что в древние времена маги правили миром. Жестоко правили. Пока не поубивали друг друга. Почти все тогда исчезли. А недлы, жалкие недлы, остались в большинстве. Их никто не трогал, магам не было дела до этой низшей расы. А они поднялись на пьедестал, они заняли полуразрушенные замки, они основали новый мир. Мир, где магия была объявлена болезнью. Стоит ли говорить, что выжили лишь хилые маги, трусливые, те, что попрятались по щелям, пока величайшие правители того мира бились на смерть? Вот они - ваши и мои предки! Не рабы - нет! Если смотреть глубже, то они - предатели, жалкие предатели и трусы! Ничем не лучше и не хуже недлов! Я осознал это, как и то, что магия *должна* быть великой. Нельзя иметь способность к магии, но не развивать её!

Голос звучал всё так же бесстрастно, только теперь сделался громче и настойчивее. Смятение охватило Лайгона. Он не понимал, как так можно. Мужчина спросил тихо, словно сам у себя:

- Ты захотел убить их всех? И недлов, и рабов? Но зачем тогда ты создал эту планету? Зачем открыл им ореливий?

- Потому что к тому моменту я стал *магом*, - объяснил Ореливий, но из этого объяснения Лайгон ничего для себя не уяснил. - Настоящим, вечно развивающимся и движущимся вперёд. Только такой маг имеет право зваться *магом*. И тогда я был им! Эти недлы и их рабы были занятыми игрушками. Я сумел устроить конец света. Приближающийся, неотвратимый... сперва да, я планировал убить их всех и остаться в гордом одиночестве на *своей* планете...

- Ты сумасшедший... - прошептал Лайгон, не стесняясь обидеть Ореливия. - Убить всех, чтобы заполучить планету? Потешить самолюбие?

- Осуждаешь меня? - без интереса спросил голос. - Думаешь, возненавидь ты всех вокруг, ты стал бы разбираться, кто заслужил смерти, а кого можно попробовать вернуть к нормальной жизни?

- Невозможно ненавидеть *всех*! - воскликнул Лайгон. - Это не нормально! Это противостоит естественно и нелогично, в конце концов!

- Тебе знакомо одиночество? - неожиданно спросил голос, и Лайгон вздохнул, признаваясь:

- Да. Но это не повод ненавидеть всех! Всегда есть тот, кто с тобой заодно!

- Пока у тебя есть хоть кто-то, кто с тобой заодно, ты не ощутил настоящего, подлинного одиночества, которое ощутил я. Одиночества, когда вокруг все жалки настолько, что кажутся ненужным мусором на *твоей* прекрасной планете! И нет никого, с кем бы ты был готов разделить свою жизнь и свою власть, потому что ты выше всех. Оказаться лучшим во всём и осознать, принять тот факт, что все прочие ничтожны - вот, что значит, оказаться одиноким.

- Это бред! - выдохнул Лайгон. Он знал, как можно не понимать всех окружающих, но не представлял, что должно произойти, чтобы заставить одного ненавидеть, действительно всей душой ненавидеть всех. Зеленоглазый мужчина не знал, что близок, очень близок тот день, когда он станет таким же, как маг Ореливий, когда станет думать так же, как он, чувствовать то же и принимать столь же жестокие решения. А пока он стоял и с непониманием смотрел на стены пустого зала, в котором присутствовало сознание далёкого невидимого мага, голос которого продолжал рассказ.

- Я создал эту планету в качестве эксперимента. Было интересно, что станет в итоге с недлами и недомагами. Только не на *моей* планете. Создав ореливий, я смог передать его секрет другим, сам оставаясь в тени. Я был утерянным, сбежавшим и забытым рабом, который на

самом деле всё время был близко и манипулировал всеми жителями планеты. Они думали, что создали удивительный металл, они называли его моим именем, потому что я вложил эту мысль в их головы. Моего имени уже не существовало, оно было позабыто ещё тогда. И никто до этого дня не спрашивал меня о нём...

- Зачем тебе мы? - перебил его Лайгон.

Этот маг казался ему неадекватным, опасным для общения. Тем, с кем не стоило заводить разговоры и от которого следовало бежать без оглядки. Он бы, наверно, так и сделал, не будь ноги обвиты големом.

- Вы - мне? - переспросил голос и немного задумался перед честным ответом: - Собственно, ни за чем... Просто твоя энергия позволила мне появиться здесь, и я не стал отказывать себе в развлечении поговорить с моими потомками. Я слышу вас, и это голоса не угнетённого народа... Возможно, я был прав, создав планету и отправив её скитаться в космосе...

- А убив остальных, ты тоже был прав? - поинтересовался Лайгон, теряя инстинкт самосохранения, а также остатки страха и трепета. Теперь он точно знал, что говорит с ним не сильный и великий маг, а подлый самовлюблённый эгоист, и метать бисер перед ним, прикидываясь дружелюбным, валинкарец не собирался. Феронд напряжённо вглядывался в серьёзные зелёные глаза, в глубине которых полыхала ярость.

- Трудно сказать, был я прав или не был... - туманно отозвался голос, и стало ясно, что ему попросту наплевать на тех, кого он обрёл на смерть. - Но я понял одну вещь - недлы были правы. Магия - болезнь. Она развращает сознание, и от этого есть два спасения: смерть или перерождение сознания. Я был болен этой болезнью. Тогда я был *магом*. Но со временем это прошло. Я развивался дальше, и переставал задумываться о власти и о других расах в принципе. Мне стало безразлично, кто такие недлы и как погубили свою расу недомаги. Я стал выше этого, я стал *богом* своей планеты, и мне не надо большего...

Лайгон начинал злиться и не скрывал этого. Вечно спокойный, избегающий конфликтов и ссор, он и сам не подозревал, что поступки Ореливия заставят его столь открыто выражать неприязнь к нему. Он снова перебил говорившего, на этот раз снова вопросом:

- Ты отправил за нами змея, чтобы он привёл нас сюда, и ты мог поговорить с нами? Всё было ради этого разговора?

- Да, - спокойно ответил голос. - Это было ради этого разговора, и ради моего самолюбия - я убедился, что не зря затеял всё это с искусственной планетой. Маги начинают обретать силу...

«Один маг», - мысленно поправил Ореливия Феронд. Лайгон - один единственный валинкарец, который чувствовал, что магию стоит развивать, чувствовал, что это необходимо и заложено в его сущности.

- Так что берегитесь своих сил, - предостерёг Ореливий. - Помните, что магия - болезнь, которая поражает сознание. Но не бойтесь стремиться стать богом. К этому *должен* идти каждый маг. Почувствуете, что жизни других не важны для вас и все заслуживают смерти - значит вы на верном пути. Останется не дать волю чувствам и перейти на новую ступень сознания... или погибнуть.

Погибнуть... Лайгон совершенно забыл, что теперь они в ловушке. Идти они даже примерно не знают, куда. Недлы скоро обнаружат пропажу узников и отправятся искать. Или уже обнаружили, если все они общаются между собой и недлы из копеек оповестили остальных. Кроме того, этот зал был каменным мешком, и выход из него был лишь один - там же, где и вход. И вёл он в другой зал, где тоже был лишь один выход. Они были в тупике, и привёл их сюда голем. И шансов, что на исходе третьей недели недлы помилуют их или позволят прожить ещё хоть сутки, не было вовсе. Их найдут, и из Феронда незамедлительно выкачают кровь, а про себя Лайгон постарался пока и не думать. Следовало спрятать в тёмный угол сознания свою гордость и... попросить этого сумасшедшего жестокого Ореливия о помощи. Мужчина шумно вдохнул и выдохнул, стараясь смириться с тем, что просить о помощи всё же придётся.

- Слушай, мы погибнем здесь... - начал было Лайгон, но Феронд толкнул его рукой в плечо. Не стоило Ореливию знать подробности. Этот ненормальный антагонист всех рас мог разочароваться в собеседниках и немедленно приговорить к смерти. Хотя он и не видел их, но его голем отлично мог привести приговор в исполнение. Пусть уж думает, что голем просто привёл мага сюда. Феронд посмотрел на свои ноги, вокруг которых поблёскивало чешуйками змеиное тело, и признался невидимому магу:

- Мы хотели бы одолжить твоего голема... Если это возможно...

- Возможно, если задать ему цель. Только вот создавал я его давно, и цель в нём заложена тоже лишь одна - поиск мага и доставка его в этот зал.

Феронд вызвал у Лайгона гордость. Он и не ожидал, что в экстренных ситуациях его брат способен не только яростно махать кулаками, но и мыслить, причём здраво и довольно-таки впечатляюще. Кареглазый мужчина продолжал общаться с Ореливием:

- Так он может помочь нам найти *других* магов?

- Может. Если не станете говорить ему, что вы маги. Тогда он сочтёт цель не найденной и станет искать другого ближайшего мага. Пока в этом зале не рассеется магическая энергия. А её ушло очень много на мой разговор с вами... Три недели копилась, а скоро ничего не останется...

Феронд не чувствовал ни благоговения, ни того, что он о чём-то просит. Мужчина говорил прямо и без обиняков, не подозревая, что именно благодаря этому уверенному тону Ореливий принял решение помочь им, чувствуя в них силу.

- Так прикажи голему искать мага, и мы уйдём за ним... - сказал, или даже приказал Феронд, хотя и сам не понял, что его слова прозвучали именно, как приказ. - И поскорее... Если можно...

- Можно. Но хотелось бы напоследок узнать: вы ищете кого-то конкретного?

- Скорее ближайшего, - честно ответил Феронд.

- Что ж, голем всё равно мне ни к чему, - словно обрывая внутренние противоречия, подытожил Ореливий. - Со своей планеты я им управлять не могу... Учтите, голем думает, что ищет меня и приводит меня... Это связано с тем, что мои первоначальные планы на него были немного иными... В общем-то он подходит лишь к тем, от кого веет магией, но условие таково, что нужно признаться ему в том, что ты маг, иначе голем сочтёт, что нашёл не меня, а кого-то не того...

Лайгон вздохнул, а его брат потёр виски. Да, голем - вещь сложная, плохо продуманная и вообще непонятно каким образом существующая. Зато теперь было ясно, как какой-то маг сумел подчинить себе ореливий. Лайгон был весьма озадачен всем услышанным, а Феронд счёл большую часть полнейшей чушью и быстро выбросил из головы, сосредотачиваясь на более материальных проблемах. А именно: они слишком долго находились на одном месте и слишком громко говорили. Надо было срочно уходить.

- Прощай, Ореливий, - первым решил завершить разговор Феронд.

- Прощайте, - ответил спокойный голос, после чего добавил, обращаясь к голему: - Отыщи меня и приведи сюда...

Змей зашевелился, постепенно ослабляя хватку и освобождая валинкарцев от своеобразных оков. Потом голем приподнял голову, оглядывая мужчин и столь ненавидимый Лайгоном голос проскрежетал:

- Ты - маг! - и голова змеи вопросительно наклонилась на бок.

- Я не маг, - ответил Лайгон, и голова посмотрела на Феронда синими глазами.

- Ты - маг! - обратился ко второму валинкарцу голем.

- Нет, - отозвался Феронд.

Змей тут же потерял интерес к мужчинам и направился в зал, из которого они пришли в этот. Лайгон посмотрел на брата. Тот пожал плечами. Как знать, на пользу всё произошедшее

или нет. По крайней мере, они не в оковах и не за решёткой. Да и за время долгого разговора в эти залы не заглянул ни один недл. В целом, и перспективы были хорошими: если исходить из теории, что рабов у недлов не осталось, а сами они магией не владеют, то по всему выходило, что голем должен направиться к выходу в Валинкар, стремясь добраться до какого-нибудь мага. Даже Феронд понимал, что до дворца энергии Лайгона не хватит, чтобы поддерживать жизнь в големе, и в какой-то момент он просто замрёт... или испарится... или рассыплется. Валинкарцы не очень представляли, в какой форме голем находится, когда деактивирован, но сути это не меняло: следовало двигаться за змеем и надеяться, что хотя бы к какому-то выходу он сумеет их привести или в крайнем случае хотя бы намекнёт, в какой стороне этот выход искать.

Глава 21

Теперь Лайгон понимал, почему ореливий временами светился. Понимал, что сверкающими бликами переливалось внутри этого странного металла. Его магическая энергия, которую ореливий постоянно вытягивал из мужчины и переправлял в тёмный пустой зал. Мага передёрнуло при воспоминании о разговоре. Этот Ореливий действительно был чистейшей пробы антагонистом. Он был против недлов, считая их глупыми. Против рабов, считая их недомогами. И даже, казалось, против себя самого, считая способность к магии болезнью. Он был против всех. При мыслях о том, что такое вообще возможно, у Лайгона пробежали по спине тревожные мурашки. В Валинкаре таких жителей, как Ореливий, не было. В книгах - тоже не было. Такого не должно было вообще быть. Каждый злодей должен иметь цель, а также шанс на лучшую, более правильную жизнь. Так казалось Лайгону, идущему рядом со своим верным братом за ореливиевым големом.

Феронд, как ни странно, тоже думал о разговоре с невидимым магом. Но так как долго думать мужчина не привык, вскоре он подал голос, желая завязать разговор:

- Как думаешь, это ужасно... быть таким, как он?

- Возненавидеть всех, убить почти всех, а потом и вовсе потерять интерес к жизни? - уточнил Лайгон. - Да, это ужасно.

- Знаешь... самое страшное, что мы с ним одной крови, - признался Феронд и вздохнул:

- Когда-то он, должно быть, тоже умел только энергетические световые шары зажигать...

- Что? - маг даже остановился, оторопело глядя на брата. - Ты намекаешь, что я могу стать таким, как он?

- Нет! Вовсе нет! - постарался заверить его Феронд. - Пойдём, нельзя упускать из вида голема, - он дотронулся до локтя брата, призывая продолжать путь, и тот нехотя повиновался. - Я просто хотел сказать, что он тоже начинал с малого... А ты был прав. Магия - сильная вещь...

- И опасная, - заметил Лайгон. - Давай договоримся: если вернёмся в Валинкар - никакой магии! Всё! Не нужно нам это!

- Но ты же хотел... - напомнил Феронд о пристрастиях мага, но тот перебил его, не дав договорить:

- Ты видел, что делается с теми, кто постигает слишком многое?

Феронд, который старался не упускать из виду голема, ответил, не глядя на брата:

- Перестань, это случилось лишь с одним магом! Мэгтон же не убивает свой народ.

- Потому что отец несоизмеримо слаб по сравнению с Ореливием! Потому что он ещё не дошёл до того уровня, когда сознание искажается!

- Нет, Лайгон, не поэтому, - убеждённо возразил Феронд и заговорил так, как он иногда умел: уверенно и со знанием дела. - Он мудр. Очень мудр, и потому он не такой маг, о которых говорил Ореливий. Он не развивается. Он понял, что дальше опасно, и остановился. Отец знает, что делает. Поэтому он учил нас тому, чему учил, а не более сложным вещам. Он хотел научить нас всему постепенно, хотел не пустить в горы... Он мудр. И ты станешь таким, как он. Не отрекайся от магии. Ты не повторишь судьбу Ореливия...

- С чего такая уверенность? - фыркнул Лайгон, проводя рукой по тёмной стене и чувствуя на ходу, как ореливиевые вставки встречаются на пути его ладони.

- Ну... - задумался Феронд над причинами своей уверенности, и быстро нашёл в голове ответ: - Ореливий говорил об абсолютном одиночестве... А у тебя есть я, и Лаивсена, и родители. Скажу лично за себя - я всегда буду рядом, и не позволю тебе стать таким, как тот ненормальный.

- Звучит убедительно, - усмехнулся Лайгон и не стал разубеждать брата.

Маг принял решение не рисковать. Магия стоила усилий, но уж точно не стоила потери себя. Как и любовь, с которой Лайгон постоянно проводил параллели, думая о магии, и наоборот.

Они продолжали идти за големом, который совершенно не обращал внимания на преследователей и на слово "маг" больше не реагировал, видимо, запомнив, что идущие позади него ему не подходят.

Постепенно змея ускорялась. Не то почуяла какого-то мага и хотела догнать, не то были у неё какие-то свои причины. Но факт оставался фактом - за големом приходилось бежать. Мерцание чешуек было слабым, а звук ползущего по полу голема и вовсе тонул в топоте и тяжёлом дыхании валинкарцев. Змей всё убыстрялся и убыстрялся, а ослабевшие пленники с трудом поспевали за ним. Лайгон держался рукой за бок, в котором ныло от непривычно долгого и быстрого бега. А голем петлял, ловко вписываясь в повороты туннелей и даже не намереваясь хоть немного сбавлять скорость.

Когда маг уже был готов сдаться, так как сил больше не было, как и конца длинным запутанным подземным коридорам, неожиданно голем остановился. Он сделал это резко, разом замерев и приподняв голову. Его остановка оказалась настолько неожиданной, что валинкарцы не сразу остановились, а Лайгон даже наступил на ореливиевый хвост, на что голем, впрочем, внимания не обратил, но маг всё равно немного смутился, признавая свою неуклюжесть. Хотя при том, что он еле стоял на ногах, это можно было простить ему. Магу было не важно, что после бега не стоит сразу останавливаться: он привалился спиной к каменной стене и закрыл глаза, хоть от этого и мало что менялось, только чешуйки не мерцали, а так - такая же темнота.

- Кажется, всё... - вздохнул Феронд, дотрагиваясь до неподвижно замершей змеи.

Голем не отреагировал на прикосновение, но мужчина до этого не касался его и не знал, должен ли он вообще реагировать или в нём это не заложено. Поэтому валинкарец потыкал змею пальцем посильнее, наклоняясь поближе, чтобы заглянуть в металлические глаза. Голем оставался неподвижен.

Феронд прошёл прямо по направлению, куда смотрела змея, но вскоре упёрся в гладкую стену, похлопал по ней ладонью и вернулся к голему. Посмотрел на него, вздохнул и подошёл к стене, противоположной той, к которой прислонился маг.

- И что? - спросил Лайгон, пытаясь отдышаться и упираясь ладонями в свои колени. - Мы в тупике... Голем привёл нас к тупику! Не надо было за ним следовать...

- Следовать! - повторил голос, заставивший мага поморщиться. - За мной! - голова повернулась к Лайгону и склонилась на бок: - Ты - маг!

- Нет, - устало ответил мужчина.

Змея начала поворачиваться к Феронду, но замерла, после чего стала медленно растекаться синей лужей по полу. Сперва хвост, на котором голем стоял, приподнявшись, начал таять, отчего голова, продолжающая смотреть на Феронда, но не произносящая ни слова, стала опускаться вниз, постепенно достигая пола и тоже превращаясь в синий вязкий металл. Мужчины отпрянули, боясь, что жидкий металл может навредить им. Но лужа недолго оставалась статичной: она потекла к ореливиевым перекрытиям, проникая внутрь металла и направляясь по нему куда-то, о чём можно было догадаться по мерцающим синим бликам, что удалялись всё дальше и дальше от замерших валинкарцев.

Голема больше не было. Он отправился снова ждать, когда в зале скопится много энергии, и оставил своих спутников одних неизвестно где и в темноте.

- Проклятье! - высказался Лайгон, дотрагиваясь пальцами до втиснутых в каменную стену ореливиевых элементов.

Феронд пригладил свои волосы, которые давно уже свисали грязными патлами и даже перестали виться. Корни волос оказались влажными от пота: под конец змей передвигался

очень резво, и приходилось бежать, чтобы поспеть за ним и не упустить из виду мерцание чешуек. Мужчина вздохнул, вслушиваясь в пронзительную тишину, а потом высказался:

- Если голем исчез не сразу после того, как остановился, то... выходит, он остановился по другой причине.

- Ты проницателен, Феронд, - добродушно усмехнулся маг. - Только, судя по эху, мы подошли к очередному тупику...

- Ты можешь создать свет? - с надеждой спросил его брат. - Не видно ж ничего теперь...

- Не могу, - вздохнул Лайгон, которому факт пребывания здесь всё больше не нравился.

- Ореливий вытянул из меня всё, что мог. Я в этих подземельях своих магических сил не чувствую нигде, кроме того пустого зала...

Положение было нехорошим. Вокруг ничего не видно, да и ореливиевые вставки в стенах говорили о том, что эти места недрами не забыты. Феронду было проще действовать, чем думать, и потому он решительно шагнул вперёд. Что бы ни заставило голема остановиться, следовало на ощупь определить, что это было. Мужчина припомнил, что в прошлый раз змей подобным образом остановился перед дверью с кодовым замком. И тогда он тоже говорил «следовать». Возможно, и в этот раз он не призывал своих спутников идти за ним, а просто таким способом просил убрать препятствие и обеспечить проход в следующий зал. Феронд и сам удивился, как легко ему было размышлять, и с какой лёгкостью мозг находил решения в последнее время. Определённо, он мог бы быть умён, если бы больше тренировал свой разум.

За время нахождения в плену валинкарцы с удивлением узнавали друг о друге что-то новое, что, несомненно, заслуживало уважения. Лайгон был вынужден признать, что хоть его брат и чтит традиции, а так же уделяет слишком много времени боям, он был толковым советчиком и надёжным спутником. Феронд же обнаружил, что его мирный тихий брат далеко не такой беспомощный, и его привычка избегать стычек и не нарываться обусловлена умом и расчётливостью, а не страхом за своё здоровье. Эти два валинкарца очень отличались друг от друга, но в чём-то были несомненно схожими.

Глава 22

Феронд прошёл несколько шагов вперёд, но на этот раз немного не точно по направлению, куда ещё недавно смотрел голем. Довольно быстро он уткнулся носком ботинка в камень. Это была не стена. Мужчина присел и принялся ощупывать валун. Лайгон тоже что-то обнаружил, и это тоже был камень. Маг пробежал по нему тонкими пальцами, прикидывая, что это могло бы быть. Плавные линии холодного камня перетекали в более теплую и более гладкую поверхность. Это был ореливий. Маг хорошо принаоровился отличать его на ощупь: прохладный, но не холодный, этот металл было невозможно спутать с каким-либо другим.

- Это статуи, - оповестил Лайгон. - Разбитые статуи, похожие на те, что уничтожали при нас, а также на те, что валялись в камерах.

- Это статуи недлов, верно? - спросил Феронд, проводя пальцами по контуру расколотого каменного носа и спускаясь ниже, где вместо аккуратного отшлифованного подбородка была каменная борода, испещрённая глубокими бороздами, чтобы лучше передать ощущение, что это имелись в виду волосы.

- Да, это статуи недлов, - согласился Лайгон, надеясь, что у него не спросят, почему именно недлов и почему именно здесь остановился голем.

Феронд и не собирался спрашивать. Он перелез через обломок статуи, тут же наткнувшись на другой. Он хотел добраться до стены и найти там что-то вроде двери. Мужчина искренне верил в такую возможность. Это было бы весьма логично и объяснило бы поведение голема. Валинкарец старательно перелезал через обломки, при этом стараясь не пораниться об острые сколы. За время заточения ловкость он не растерял, и потому быстро достиг цели. По его расчётам он оказался именно у той части стены, куда была повернута голова замершего голема, пока Лайгон не привлёк его внимание заветным словом.

Стена была гладкая, обработанная. Совсем не такая, как в их камере или в зале Ореливия. Здесь чувствовалась долгая и усердная работа. Этот зал явно создавали рабы - недлы никогда бы не потратили столько усилий ради красоты. К тому же эта версия объясняла, почему статуи недлов разрушены. Возможно, рабы перед тем, как уйти и создать Валинкара, разрушили здешние статуи. Из этого выходило, что голем не ошибся, и где-то совсем рядом был путь к свободе.

Феронд некоторое время стоял в раздумьях, прижимая ладонь к отшлифованному камню и прикоснувшись к нему лбом. Мужчина устал от этой темноты, неизвестности, ощущения постоянного преследования и близкой смерти. Он считал себя физически сильным, он привык быть независимым и самоуверенным, но здесь, в этих горах, всё было по-другому. Прохлада камня приятно остужала кожу, но время было дорого, и Феронд нехотя отстранился от стены. Он пошёл вдоль неё налево, но не сумел сделать и пары шагов, как левое его плечо ударилось о что-то твёрдое. Такого мужчина не ожидал: он с тщательной осторожностью делал шаги, чтобы не запнуться или не провалиться куда-нибудь, но удара в плечо никак не ожидал. Было больно, поскольку ударился он резко и о какой-то острый угол, причём явно каменный. Валинкарец потёр ладонью ушибленное место и, когда боль утихла, стал пытаться определить, что это за сооружение. У статуй острых углов не было, разве только сколы. А то, обо что Феронд ударился, имело весьма правильные геометрические формы, из чего мужчина сделал вывод, что вряд ли это изваяние.

- Лайгон! - позвал он брата. - Иди сюда!

- Что нашёл? - осведомился маг, неуклюже пытаясь пробраться в сторону Феронда и стараясь поддержать разговор, чтобы двигаться на голос, не подавая вида, что в темноте он дезориентирован.

- Пока не знаю, что... - честно ответил Феронд. - У тебя спросить хотел...

- Ладно, сейчас приду, - отозвался Лайгон, которому удалось добраться до гладкой поверхности стены, и теперь он знал, что идти можно просто вдоль неё.

Ожидая брата, Феронд продолжил перемещение влево, но теперь уже ожидая, что плечо его что-то заденет. И вскоре задело. Точно такое же сооружение, об которое он ударился в прошлый раз. Около него мужчина и решил подождать Лайгона.

Маг шёл аккуратно, попутно ощупывая стену на предмет двери или какого-нибудь хитрого механизма её открывания. Но ничего подобного не обнаруживалось. Зато в душе мужчины крепла уверенность, что другой выход из этого зала есть. Если бы Ореливий удосужился получше проработать своего голема, возможно, тот бы пояснил, зачем приполз сюда, и не пришлось бы теперь гадать, что он имел в виду. Ощупывая стену, маг подошёл ближе к брату, почувствовал это и спросил:

- Ну и что ты хотел показать? - и тут же усмехнулся: - Хотя, слово «показать» звучит сейчас как-то издевательски, не находишь?

- Иди сюда, - позвал Феронд. - Осторожней только.

Лайгон снова усмехнулся. Осторожней уже некуда было. Медленно, выверяя каждый шаг и проверяя стену на наличие хоть каких-нибудь неровностей, он шёл, практически обтираясь боком о камень. Возможно, поэтому или просто от того, что маг был уже в плечах, чем его брат, ему удалось добраться до Феронда, ни обо что не ударившись и так и не поняв, что он должен был заметить.

- Ну и куда смотреть? - с ухмылкой поинтересовался он.

Феронд попросил протянуть руку в сторону каменного сооружения, и маг нахмурился, ощутив острый правильный угол. Он молча провёл ладонью по периметру, обойдя странную колонну, которая представляла собой квадрат в сечении. Колонна тянулась от самого пола, устремляясь вверх. Лайгон вытянул руку над головой, удостовераясь в своей догадке: колонна до потолка не доходила. Она начинала загибаться в сторону. Маг пошёл по направлению изгиба, замечая, что постепенно арка снова начинает переходить в колонну. Он принялся ощупывать камень обеими руками, стараясь как можно скорее убедиться, что мыслит в верном направлении. Всё сходилось: голем действительно привёл их не в тупик, он приполз и ждал, пока ему помогут пройти дальше. Вот только как валинкарцы могли помочь ему в этом?

- Это портал... - прошептал Лайгон, окончательно удостоверившись, что эта каменная арка - творение магов.

- Ты уверен? - спросил Феронд, и его брат подумал, что, конечно, абсолютной уверенности нет, как, впрочем, и других вариантов тоже.

- Нет, не уверен... - признался он ему, а заодно и самому себе. - Но очень похоже. Я видел такие на картинках в книгах...

- И как он работает?

Маг вздохнул и даже ненадолго замер, занятый своими мыслями.

- Не знаю, все порталы работают по-особенному... - он снова начал трогать арку, и, видимо, задел что-то, отчего потолок постепенно начал светиться потусторонним серебристым светом.

Лайгон запрокинул голову, глядя наверх. Потолок был высоким, сводчатым и обтянут знакомым светящимся материалом. Где-то это серебристое свечение мужчина уже видел, и ему хватило нескольких секунд, чтобы понять, что это была кожа недлов. Маг нервно сглотнул. Он даже не решился думать, почему она светится и что подпитывает её, когда она отделена от своих обладателей. Но свет кожа давала вполне приличный. Не яркий, как в лунную ночь, но и это казалось верхом счастья после крошечной тьмы. Лайгон всё же не удержался и позволил себе построить теорию, что подпитываться кожа может за счёт ореливия. Поскольку недлы сами по себе столь выраженно не светились. Или это свечение всё же не было свойством самой кожи, а просто её покрыли каким-то составом. В любом случае, это Лайгону не понравилось.

Оба валинкарца разглядывали арку, на которой оказалось чрезвычайно много символов, и Феронд не мог понять, что они значат. Зато Лайгон с интересом изучал их, силясь разобраться в хитром устройстве, с которым прежде никогда не сталкивался.

- Я пока не знаю, как этот портал работает... - пробормотал маг. - Но... потолок отвратителен...

Феронд решил уточнить неверно заданный вопрос. Ему было не столь важно, как работает эта штука. Потолок из светящейся кожи недлов и невесть почему включившийся, тоже его не занимал. Валинкарца больше интересовало, какую пользу из этого можно извлечь.

- Мы ведь сможем с помощью этой арки выбраться отсюда? - осторожно спросил он.

- Теоретически - да, - кивнул Лайгон, продолжая изучать сооружение и стараясь не смотреть на потолок. - Но порталы опасны. Они могут забросить туда, откуда не выбраться. Это может быть односторонний портал, и оказаться просто ловушкой...

Феронд возмутился:

- Ловушкой?! Нашёл время думать о ловушках! Мы валимся с ног от голода и усталости, а недлы наверняка уже обыскивают все свои залы и переходы, желая найти нас и выпить мою кровь. Какие могут быть сомнения, когда перед нами эта штука? Тем более, сюда нас привёл голем, а он шёл к магу!

- Ладно, - выдохнул Лайгон. - Да. Ты прав. Мы должны его включить, - он в который раз осмотрел каменную арку, испещрённую знаками, говорящими о том, что заклинания для открытия портала не нужны и, заметив углубление, куда явно следовало прикладывать ладонь, нахмурился: оно было с мелкими острыми шипами. - Да, будет неприятно... - пробормотал он, протягивая руку.

Феронд, заметив это, схватил мага за запястье, не дав дотронуться до камня.

- Давай, я? - он посмотрел на брата и пояснил: - Из-за меня мы оказались здесь и...

- Мы оказались тут из-за *меня*, - напомнил Лайгон. - И из-за Гринора. Тебя вообще никто не просил идти с нами...

- Да...- невнятно ответил Феронд и признался: - Но был тот, кто просил не идти с вами и не отпускать тебя... - он осёкся, не зная, стоит ли говорить о том, в реальности чего сам не был уверен.

- Лаивсена? - попытался угадать маг.

- Нет, - растерянно глядя на брата, ответил Феронд. - Это был странный... человек... Он мне, кажется, приснился или что-то вроде того... Он говорил, что нельзя идти в горы, но я не послушался. Он убеждал меня, но я был глух... И теперь мы здесь...

Маг был растроган. Он смотрел на глядящего в пол кареглазого мужчину и почти умилялся его словам и пристыженному виду.

- Феронд, - Лайгон положил руку на широкое плечо брата. - Это, конечно, здорово, что ты всегда оберегаешь меня. И что придумал историю про человека из сна, чтобы взять вину за поход в горы на себя... Но портал всё равно буду открывать *я*. Это всё-таки магическая штука, а в магии... хотя бы в магии... я лучше тебя. Даже если применение магии не требуется, возможно, нужно наличие внутреннего ресурса... - он вырвал руку из руки брата и с силой вдавил свою ладонь в предназначенное для неё углубление.

Шипы впились в кожу, и маг стиснул зубы. По каменной арке пробежала красно-рыжая полоса света, и бесследно исчезла. Лайгон постоял, прижимая ладонь к камню, несколько минут, но больше ничего не происходило.

- Что-то не так, - пробормотал он, убрал руку с арки и глядя на кровоточащие ранки.

- Может, нужны чары? - предположил Феронд.

- Нет, эти знаки, что нанесены на камне, являются сами по себе магическими чарами, так что просто нужно приложить ладонь... - он растерянно смотрел на окрасившиеся красным шипы, и заметил, что кровь его впитывается в камень.

Через несколько мгновений шипы имели обычный серый цвет камня и ничто не напоминало о том, что недавно кто-то ранился о них.

- Это ведь старое сооружение... - размышлял вслух Феронд. - Может, оно не работает уже? - он посмотрел на брата с такой надеждой, будто хотел услышать, что да, арка не работает и не стоит ломать голову.

Лайгон сердито глянул на него. Не было у них других путей на волю, и следовало до конца разобраться с устройством этого портала.

- Не может, Феронд! - ответил он брату. - Такие вещи не работают, только когда превращены в руины! Надо рассуждать логически. Чары не нужны, значит, портал рассчитан, что через него пойдут те, кому магия не подвластна. Недлы. Это портал для них. Древний - значит, строили его рабы. Правильные рабы всегда жаждут свободы и ненавидят своих хозяев. А эти точно ненавидели, раз ушли при первой же возможности. Поэтому, наверно, и нужна кровь! Рабы решили поиздеваться над недлами и создали портал, пользоваться которым можно только при помощи крови самих недлов!

Зелёные глаза посмотрели на Феронда, ожидая его комментариев. Мужчине показалось, что версия прозвучала вполне логичной. Сам он даже и пытаться не стал разобраться в том, о чём впервые услышал лишь несколько минут назад, и просто спросил:

- То есть нужно поймать недла и приложить его руку сюда?

- Выходит, что так, - невесело усмехнулся маг.

Глава 23

Поймать недла в царстве недлов, казалось бы, не должно было оказаться трудной задачей. И всё же проблемы были, причём были разноплановыми. Основная заключалась в том, что валинкарцы находились в довольно-таки запущенном состоянии. С одним недлом эти двое мужчин ещё могли бы справиться, но с двумя - уже вряд ли. Приходилось таиться в темноте и прислушиваться, выжидая одиноко идущего недла, который всё никак не шёл в их сторону. Темнота, хоть и скрывала валинкарцев, была второй по значимости проблемой. Недлы видели в темноте хорошо, и от этого у них было несомненное преимущество. Третьей проблемой были сомнения: стоит ли вообще вылавливать недла. Если портал и при этом не работает, то недла придётся незамедлительно убить, пока на производимый им шум не сбежались другие. В этом состояла четвёртая проблема: убивать недла сразу было нельзя, поскольку portalу, возможно, нужна живая кровь. Из всех этих проблем отлично вырисовывался план: схватить одинокого недла, заткнуть ему рот и быстренько тащить к portalу. В случае неудачи убить.

Валинкарцы сидели за громадным осколком статуи. Пришлось долго ходить по пустынным переходам и залам, пока не обнаружился этот осколок. Других подходящих для засады мест не было. Шаги и голоса недлов слышались, но очень далеко. Вообще, было сомнительным, что кто-то из них пройдёт мимо этой разбитой статуи. Маг сидел на полу, устало привалившись спиной к камню. Давно он так не выматывался. Хотелось поскорее открыть портал и уйти из этих осточертевших подземелий.

- Нам обязательно ждать именно здесь? - спросил Лайгон. - Давай подберёмся поближе...

- Нет, ближе нельзя, - возразил Феронд с видом опытного стратега. - Там разветвление туннелей, и неизвестно, из какого могут появиться недлы. Уйдём ближе - и нас будет проще поймать.

- Куда уж проще, - вздохнул маг. - У нас за спиной зал, переход и ещё три зала. Но по сути - там тупик. За нами - тупик, в котором стоит неработающий портал. Впереди - скопление ищущих нас недлов. То, что нас поймают - вопрос времени. Так что лучше пойти и попытаться отловить недла, пока не истёк последний день из отведённых нам трёх недель.

Феронд хмуро посмотрел на брата и ответил:

- У нас нет часов и ориентиров. Возможно, срок уже истёк. И в таком случае нельзя нам попадаться недлам на глаза. Давай сидеть и ждать. Так надёжнее. Если пойдёт не один недл, то мы переждём и дождёмся следующего. Нельзя спешить... Это как в бою...

Маг закатил глаза и с улыбкой перебил брата:

- Можешь не приводить примеров. Я понял: мы ждём.

Мужчина в ответ усмехнулся своей кривой усмешкой и примеров приводить не стал. Он долго стоял, опершись о статую и всматривался вдаль, где в конце длинного туннеля виднелся свет от факелов. Там были недлы. Феронд всё ждал, когда же хоть один недл приблизится к тёмному закутку, но никому не было дела до этого тупикового ответвления. Мужчина с тоской подумал, что недлам совершенно ни к чему спешить в поисках. Достаточно перекрыть все выходы и подождать. Ему было интересно, вышел ли уже срок, за который, как думали эти твари, он мог умереть. Внезапно он подумал о том, что он нужен им живым. Он нужен недлам живым, чтобы выпить кровь. Вот на чём можно было сыграть!

- Лайгон, - обратился к нему брат и присел рядом. - Что, если выйти к недлам, угрожая мне?

- Нас убьют на месте. Обоих. Их много, и сейчас, наверняка, наши жизни для них потеряли ценность. Время вышло, Феронд. И у нас последний шанс. Ты же сам предлагал не рисковать?

- Предлагал, - кивнул мужчина.

Просто когда предлагал, думал, что ожидание не будет столь томительным. Он откинул голову назад, чувствуя затылком твёрдый камень, и погрузился в мысли о доме. Три недели - не такой уж великий срок. Что бы там ни наплёл про них Гринор, они вернутся, поквитаются с ним и всё будет хорошо. Всё будет, как раньше. Только они с Лайгоном будут немного другие. Наверняка маг захочет стать более сильным, научиться сражаться и защищать себя, а сам Феронд будет серьезнее относиться к магии. Если всё окажется так, то это путешествие можно будет считать полезным опытом.

- Ты думаешь о Браве? - спросил Лайгон без издёвки.

Феронд внимательно посмотрел на мага. Тот действительно не шутил. Он спросил вполне участливо и миролюбиво, словно говорил не о той, которая так раздражала его.

- Почему ты спрашиваешь? - удивился мужчина.

- Просто так. Сидишь такой задумчивый, а мне скучно, решил разговор начать... - честно ответил маг, и Феронд переформулировал вопрос, так как ответ его не устроил:

- С чего ты взял, что я думаю о Браве?

- Если бы ты думал не о ней - наверняка бы уже поделился своими мыслями... К тому же, это нормально в нашей ситуации, думать о возлюбленной. Будь она у меня - я бы сейчас думал о ней: самое подходящее время, поскольку другого может и не быть.

Феронд нахмурился. Маг говорил вполне искренне, но его брату так не показалось. Конечно, Лайгон просто решил поиздеваться. Решил в очередной раз попытаться уличить его в ненастоящей любви, на этот раз избрав завуалированный способ. Мысли маг читать не умел, но Феронд рассудил, что тот просто решил попробовать и достиг цели. В любом случае, задеть брата у мага получилось. Теперь мужчина думал о том, что действительно давно не вспоминал Браву. Но это не было доказательством того, что он стал любить меньше. Просто он был измучен, устал и тревожен. Просто постоянно думал о насущных проблемах и старался отогнать все мысли о Валинкаре, шансов снова оказаться в котором практически не было до сегодняшнего дня. И если бы Лайгон не спросил о его любимой сейчас, Феронд бы наверняка сам подумал о ней, просто минутой позже.

- Что? - спросил маг, замечая, что брат смотрит на него растерянно. - Забыл про неё, да? Скажешь, я не прав?

- Не забыл, - отозвался Феронд. - Просто не вспоминал давно. Потому что больно вспоминать о том, что, возможно, навсегда потерял.

- Да ладно тебе! - он ободряюще похлопал брата по плечу. - Мы ещё можем выжить!

Маг действительно ощутил неловкость: кто знает эту истинную любовь, может, Феронду и правда было больно вспоминать и не стоило произносить имя девушки. По крайней мере, задумчивость брата стала мрачной, а до вопроса, что задал Лайгон, она таковой не была.

Маг решил помолчать. Это показалось ему верным решением. И потому несколько часов они сидели молча. Лайгон почти уснул, так как устал гораздо больше Феронда. Его брат сидел и думал о Браве. Он солгал магу, не желая подтверждать его подозрения. Вспоминать любимую было приятно. Это придавало сил и уверенности. Это напоминало о том, что он *должен* выжить и вернуться домой. К ней. Чтобы прожить с ней свою долгую жизнь.

Три недели. Совсем немного. Их ищут. Наверняка ищут. Что бы там Гринор ни придумал - Мэггон обязательно отправил лучших валинкарцев на поиски. К тому же, Брава отлично знала Феронда. Он не из тех, от кого легко избавиться, не из тех, кто сдаётся. Он привык побеждать, и наверняка девушка ещё не потеряла надежду, что он сумеет выбраться из любых передряг. И почему Лайгон сказал про три недели? Можно было назвать и другую цифру. Тогда бы время ещё было. Феронд посмотрел на брата, который обнял себя руками и дремал, расслабленно привалившись к камню. Он молодец. Благодаря ему и его магическим ресурсам они всё ещё живы.

Размышляя обо всём и постоянно насильно возвращая свои мысли к Браве, о которой совершенно не получалось долго думать, Феронд просидел ещё около часа. Он даже не сразу понял, что слышит гулкие шаги. Причём шаги одного недла. Мужчина встрепенулся и осторожно выглянул из своего укрытия. По туннелю действительно шёл недл. В руках у него была ореливиевая цепь, а кожа, не прикрытая одеждой, слабо светилась серебристым светом, отлично выделяя его фигуру среди темноты. Недл приближался расторопно, и мужчине пришлось пригнуться и затаиться, чтобы враг не заметил его раньше времени.

Недл прошествовал мимо обломка статуи и отправился дальше. Теперь он был в тупике. Его было просто поймать. И не очень далеко тащить. Внезапная догадка озарила Феронда: недл мог вовсе не искать их, а просто направляться к portalу. Если допустить, что портал ведёт в Валинкар, а сейчас там ночь, то недл вполне мог зачем-нибудь ненадолго высунуться туда. В таком случае было бы глупо набрасываться на него. Существовала возможность просто проследить за ним. Но не было уверенности, что этот недл скоро вернётся, а следующего прохожего можно было ждать ещё очень долго, и был риск, что их поймают раньше. Решив не умничать, а следовать ранее утверждённому плану, Феронд принялся будить Лайгона, предварительно зажав ему рот ладонью. Так, на всякий случай. Он не знал, как маг отреагирует на то, что его будят и как быстро сориентируется, где он и что от него хотят.

Лайгон вздрогнул, распахивая зелёные глаза и глядя на Феронда. Свободной рукой мужчина попытался жестами растолковать брату, что происходит, и тот быстро всё понял, убирая чужую ладонь от своего лица.

Они старались не шуметь. Поднялись на ноги и тихо последовали за недлом, чья светящаяся фигура маячила впереди. Однако слух противника не подвёл. Он заметил преследователей практически сразу. Как ни странно, недл обрадовался. Не испугался, не позвал подмогу и не попытался бежать. Он остановился и стал ждать, пока сбегавшие пленники приблизятся. На тонких губах его застыла кривая пренебрежительная улыбка.

Лайгон посмотрел на брата. Тот тоже глянул на него, увидел, что маг вообще не представляет, что делать, и резко бросился к недлу. Тот был спокоен и уверен в себе, пока его взгляд не упал на ноги бывших узников. Недоумение стёрло усмешку с его лица. Оков не было. Движения валинкарцев ничто не стесняло. Это явно не понравилось недлу, но он мужественно решил попытаться справиться самостоятельно. О причинах этого мужества, столь не свойственного подлым недлам, нападающим толпой на противника, Феронд и Лайгон как-то не задумались. Да и вообще не отметили эту странность в поведении врага, сочтя её везением. Недл взмахнул цепью на манер хлыста и попытался ударить приближающегося мужчину. Феронд ушёл от удара, прикинув к земле. Стоило цепи просвистеть над его головой, как валинкарец вскочил на ноги и кинулся на врага. Тот ударил мужчину головой в грудь, что при разнице в росте было весьма удобно для недла. Череп у него оказался тяжёлым, да и удар получился сильным. Феронд отступил на шаг назад и несколько секунд не мог вздохнуть. Ловкому пронырливому недлу этого времени хватило, чтобы размахнуться и ударить увесистой ореливиевой цепью по ногам противника, заваливая Феронда на пол и успев пнуть его в живот несколько раз своими босыми, но сильными ногами. Пока недл замахивался цепью очередной раз, Лайгон попытался наброситься на него. Нападение было никудышным, однако время для Феронда выиграть позволило. Недл получил от мага несколько ударов, которые были настолько неумелыми, что не вызвали и десятой доли той боли, которую могли бы причинить. Противник попытался и этого валинкарца ударить головой, но маг успешно блокировал удар, скрестив предплечья. Однако сила удара всё же заставила его отступить на пару шагов назад. Недл был проворен. Упершись головой в скрещенные руки, он тут же наградил противника ударом в правую нижнюю часть торса, отчего печень отдалась болью, заставляющей мага согнуться. Недл не стал ограничиваться полумерами, и всё-таки использовал свой череп, ударяя им в лоб стонущего от боли валинкарца. Тот повалился на пол. Перед глазами прыгали разноцветные точки на

фоне темноты, и босые ноги, светящиеся серебристым светом он видел перед собой смутно и расплывчато. Недл замахнулся цепью, рассчитывая окончательно расправиться с этим ни для чего больше не нужным пленником, что скорчившись лежал перед ним. Но Феронд перехватил цепь и резко дёрнул на себя. Намотанная за запястье недла и схваченная сильными крючковатыми пальцами, цепь увлекла его за собой, приближая к мужчине. Валинкарец был зол. Он встретил недла ударом под дых, отчего лёгкие его свело, и Феронд не удержался от мести и дёрнул недла за бороду, тем самым заставляя впечататься головой в стену. Валинкарец отпустил бороду противника и заломил ему руку за спину, грубо вырывая цепь, тем самым обдирая кожу на руке противника. Тот понял, что узник не так бессилен, как ему казалось, и завопил. Громко, оглушительно. Феронд прежде не слышал столь отчаянного, громкого и омерзительного крика. Мужчина тут же зажал рот недла рукой, прижимая его к стене.

- Молчи! - прошипел валинкарец. - Или я сломаю тебе хребет! - он швырнул недла на землю, придавливая коленом в области поясницы, и потянул его голову на себя, вынуждая выгнуться в спине.

Недл замер, понимая, что сил пленнику хватит, чтобы переломить позвоночник. Феронд почувствовал, что противник больше не пытается освободиться от зажимающей рот руки, и осторожно отнял ладонь. Недл молчал. Продолжая прижимать к полу и выгибать пронырливую тварь, мужчина посмотрел в сторону Лайгона. Впотьмах его не было видно, но шорохи говорили о том, что он пытается подняться. Маг не издавал ни звука, сжимая зубы. Голова гудела, а печень ныла. Самым паршивым было то, что Лайгон понимал: это всё из-за того, что он пренебрегал тренировками в Валинкаре. Винить в своих неудачах было некого, кроме себя. Даже как-то неудобно было перед Ферондом, которому удалось справиться с одиноким противником.

Маг подошёл к брату и, шумно дыша, сказал:

- Пойдём... Недлы наверняка слышали его крик...

Феронд не стал спрашивать, как себя чувствует брат. Ему и самому было больно, и он отлично знал, что и Лайгону сейчас не сладко. Помочь ему он никак не мог, равно как и самому себе.

Валинкарец рывком поднял пойманного недла и спросил:

- Куда ты направлялся?

Тот промолчал, и Феронд ударил его по лицу, повторив вопрос. Недл посмотрел на мужчину с ненавистью и... предвкушением. Мужчине показалось, что у подлого создания в рукаве есть какой-то козырь, но он не стал заикливаться на этом. Ему могло так только лишь показаться.

- Убьёшь меня? - задал встречный вопрос пойманный.

- Нет, - ответил Феронд. - Мы не планируем лишать тебя жизни. Если будешь отвечать на вопросы и не мешать нам.

- Мы ищем тебя, - признался недл, ехидно улыбаясь разбитыми губами. - И никуда ты не денешься - мы попируем, наслаждаясь вкусом твоей крови!

Лайгон понял, что время вышло, и теперь недлов ничто не остановит. Маг схватил пойманного из рук Феронда, который намеревался ещё что-то спросить, и потащил недла по коридору. Было темно, Лайгон спешил, и потому иногда врезался в стены, не очень точно вписываясь в тёмные повороты. Это его не расстраивало, поскольку он вёл перед собой недла. Тот шёл, не сопротивляясь. Не то поверил Феронду, что лучше не препятствовать и это сохранит ему жизнь, не то действительно что-то задумал.

Феронд шёл рядом, ориентируясь на свет недла. Где-то вдалеке слышался топот и крики. Недлы искали их. Оставалась надежда, что они не сразу направятся в этот тёмный закуток, и будет время уйти в портал.

Лайгон прибавил шаг, и недл снова подстроился под него, не создавая проблем для перемещения. Магу очень не нравилась эта подозрительная покорность. Он догадывался, что недлы трусливы и боятся умирать, но этим созданием правило явно не только чувство самосохранения.

Они достигли слегка подсвеченного отвратительным потолком зала, и Лайгон не удержался от вопроса:

- Зачем вы содрали кожу со своих для этого потолка?

Недл рассмеялся, и маг зло дёрнул его за бороду, напоминая, кто теперь главный. Недл скрипнул зубами от ненависти к валинкарцу, но ответил:

- Глупцы! Это не кожа. Это ткань. Просто она обработана специальным составом. Мы тоже покрываем им тело - это дань традиции, ведь когда-то наши предки плохо видели в темноте...

- Плевать на потолок и кожу недлов, Лайгон! - выкрикнул Феронд. - Надо включать портал!

- Портал? - переспросил недл и снова рассмеялся, но быстро замолк. - Портал не работает. Никогда не работал! - но Лайгон подтащил пойманного к арке, не поддаваясь на провокации.

- Давай же! Надо попробовать! - поторопил Феронд. - Они преследуют нас! - топот и крики действительно приближались, с этим было трудно спорить.

Лайгон схватил недла за руку и с силой вжал его костлявую ладонь в углубление арки. Недл взвыл от боли и попытался вырваться, но Феронд ударил его в челюсть апперкотом, отчего тот потерял сознание и обмяк в руках Лайгона, что, впрочем, не помешало старшему брату продолжать вжимать его ладонь в шипастую поверхность. Но на этот раз по арке даже не пробежал луч. Не произошло ровным счётом ничего.

Лайгон, подождав несколько минут, отбросил бессознательного противника в сторону и выругался. Феронд спросил у мага:

- Какие мысли?

- Не знаю, - признался Лайгон и развёл руками: - Ищи хоть что-нибудь...

- Давай просто пройдем в арку? - наивно предложил мало смыслящий в магических предметах Феронд.

- Так не бывает! - воскликнул маг, которого итак угнетало их положение, и объяснять брату очевидные вещи он был не готов.

- Почему не бывает? - удивился Феронд. - Может, недлы хотели поглумиться, и просто так сделали это углубление, чтобы несведущие совали в него руки и ранились?

- Хорошо, - не стал спорить маг и прошёл под аркой туда и обратно, а брат последовал за ним, но обратно не стал проходить, уставившись на арку.

- Тут с обратной стороны тоже символы, - заметил он, и Лайгон быстро переместился к нему.

С теневой стороны было трудно разглядеть, что высечено на камне, и потому приходилось определять на ощупь. Тонкие изящные пальцы мага шарили по каменной поверхности спешно: шум приближающихся недлов слышался всё явственнее.

- Проклятье! - в который раз за этот сумасшедший день выругался Лайгон. - Кровь недлов была не при чём! Открыть портал может только тот, кто обладает магической силой, только тот, кто относится не к недлам, а к рабам!

- Но ты не смог! - напомнил Феронд.

- Да, но была полоса света... Значит, просто моих сил недостаточно...

- Тогда моих тем более... - закончил его мысль Феронд и добавил: - Но, знаешь, скоро сюда сбегутся недлы, и нам мало не покажется, так что... - он вытащил брата из арки и, держа его запястье в своей руке, свободной ладонью коснулся шипов и, чуть помедлив, вжал её в них со всей силы.

- Зачем? - устало спросил маг, но руку высвобождать не стал.

- Может, вместе наша сила... - неуверенно начал Феронд, который и сам толком не знал, на что надеялся, просто хотел хоть что-то ещё предпринять, пока его кровью не начали насыщаться недлы.

Маг перебил брата, поражаясь его неосведомлённости:

- Сила магии через прикосновения не передаётся и не переходит из одного тела в другое! Сила - это твоя личная характеристика, твои возможности и... - Лайгон не договорил, поскольку арка засветилась ярким зеленоватым светом, который становился ярче и ярче, словно разгораясь.

Он не смог полюбоваться, так как почувствовал, как рука Феронда с силой стискивает его руку. Длинноволосому мужчине было больно. Лайгон смотрел на его перекошенное лицо широко распахнутыми глазами: он не видел никогда прежде, чтобы Феронду было так больно. Лайгон слышал пронзительный крик и не сразу понял, что это кричит его брат. Арка безжалостно вытягивала из него все оставшиеся жизненные силы, которыми он обладал, и сдерживаться от криков боли мужчина уже не мог. Портал опустошал его, но при этом начинал включаться. Лайгон не ощущал ничего, кроме стискивающей его запястье руки и страха за Феронда. Маг с отчаяньем почувствовал, что рука брата, которой он держал его, ослабевает, и сам вцепился в неё, решив не отпускать, пока всё не закончится. Насколько бы плохо оно не закончилось.

Наконец, портал открылся. Он оказался сильным, и в ту же секунду, как был полностью включён, затянул в себя валинкарцев. Если бы они передумали идти в неизвестность, поделаться ничего уже было всё равно нельзя - арка утянула их в себя, и тут же погасла, словно никто и не трогал её уже много тысяч лет.

Глава 24

Туннель освещался слабым светом, исходящим от окрашенного потолка. Лайгон очнулся на каменном полу, причём щека и бровь его были разбиты от падения, а рука стискивала руку Феронда. Маг даже не заметил валяющегося неподалёку недла, которого арка тоже прихватила с собой, перемещая пленников.

Он сел на колени и придвинулся к брату, который лежал лицом в пол и под ним растекалась лужица крови, на которой уже образовалась тонкая плёнка. Лайгон не стал гадать, сколько времени прошло, и перевернул Феронда на спину. Нос, щека, бровь и подбородок его были разбиты, и кровь большей частью была из носа и брови. Голова валинкарца оказалась не пробитой, и это могло бы порадовать Лайгона, но пока было не ясно, что с его братом и как привести его в чувства. Маг пощупал пульс. Он был слабый, но всё же был. Маг наклонился к брату и пригляделся: грудная клетка немного поднималась и опадала - дыхание было неглубоким и ровным. Лайгон аккуратно положил голову мужчины к себе на колени, замечая, что все его волосы извоились в крови, и теперь ею же оказался перепачкан и сам маг.

Он собрался с силами и принялся творить исцеляющую магию, взяв в ладони лицо Феронда. Где бы они теперь не находились, тут было тихо, а главное - магия беспрепятственно могла использоваться. Зеленоглазый мужчина проклинал себя за то, что так мало тренировался в лечении. Сейчас он старался изо всех сил, но брат в себя не приходил.

- Феронд... - прошептал он. - Давай же...

Он легонько похлопал его по неповреждённой щеке, но результат был нулевым. Маг вздохнул и снова попытался излечить его магией, как только немного отдохнул. Стараясь не поддаваться эмоциям, он сосредоточился на лечении, используя для этого все свои плохо развитые способности и усилие мысли. Он чувствовал, что сам слабеет от этих бесплодных попыток, но Феронд всё так же неподвижно лежал перед ним. У Лайгона начинало темнеть в глазах от перенапряжения, но останавливаться он не собирался, выкладываясь по полной. Этот сильный валинкарец, что лежал на его коленях, не мог умереть. Он столько раз помогал Лайгону, всегда был на его стороне, поддерживал все его привычки, хоть и находил их странными, и всегда был готов постоять за брата. Маг не мог позволить себе не помочь Феронду в тот единственный раз, когда помощь ему была столь необходима, а вокруг были только жаждущие его крови враги.

Лайгон не хотел признавать своё поражение до последнего. Он чувствовал, что ещё немного, и сам потеряет сознание, но яростно желал привести брата в чувства. Он шептал заклинания разбитыми пересохшими губами, поскольку магические силы были уже истощены. Шептал всё, что могло хоть чем-то помочь, но ничего не помогало. Феронд всё так же слабо ровно дышал, но улучшений не было. А в этот странный зал могли прибыть недлы или другие создания, если они оказались в ином мире. Появления врагов можно было ожидать в любую минуту. Тащить на себе Феронда было бы непосильной задачей для выдохшегося мага. Он бы и при наличии сил не смог оттащить его далеко, а теперь и подавно. Но и бросать его маг не собирался.

Лайгон прижал брата к себе и уткнулся носом в перепачканные кровью волосы. Он намеревался подождать, когда силы магии восстановятся и можно будет предпринять новую попытку привести в сознание Феронда.

Пытаясь успокоиться, он посмотрел на стену и арку портала, замечая, что около неё стоят не разбитые фигуры. И в руках у обоих были мечи, очень схожие с тем, который был у Феронда. Меч, найденный им, явно был не единственный в своём роде и теперь маг считал, что рабы наверняка выкрали его у недлов перед побегом. Маг успокоил себя, что и без меча их бы решили убить. Меч лишь лишний раз доказал, что Феронд бог. Лайгон снова оглядел ста-

туи, пытаясь припомнить те осколки, что валялись возле портала. Сомнений не оставалось: это были точно такие же изваяния, как те, что валялись перед аркой расколотыми и ненужными. Точно такие же. Или *те же*? Маг прикрыл глаза. Глупости какие в голову лезут! Те статуи уничтожены, поди, не одну тысячу лет назад. Эти же - вот они - стоят прямо и горделиво, аж поблёскивают в тусклом свете. Но зал был точно таким же как тот, из которого они сбежали. И статуи эти, взирающие на пустующий коридор... Статуи нервировали больше всего. Починиться они вряд ли могли. Значит, либо это другие изваяния, либо...

Нет. Перемещений во времени не бывает. Совершенно точно. Лайгон много читал и нигде ни разу не было упоминаний об этом. Это было бы против законов физики, законов магии и любых других законов какой-либо материи. Время необратимо - в этом маг был совершенно точно уверен.

Значит, это просто какой-то мир, где недлы тоже обитают, причём где статуи уничтожать не принято. Это было плохо хотя бы потому, что эти твари снова признают в Феронде бога и снова пленят их. Если найдут. И если недлы ещё населяют этот мир. Лайгон на секунду представил, что они переместились туда, где все вымерли. Это было бы ещё ужасней, чем оказаться в плену: блуждать по неизвестному миру без пищи и воды, постепенно умирая. Никогда прежде он не ждал хоть какого-то шороха с таким нетерпением, как сейчас, но было тихо, словно в склепе. Только личное прерывистое дыхание мага и бешеный стук его сердца тревожили слух.

Созерцая статуи, Лайгон совершенно не обратил внимания на лежащее в тени от статуи тщедушное тело, которое зашевелилось и, не издавая ни звука, распахнуло свои бледно-голубые глаза. Существо огляделось, припоминая, что произошло, поглядело на свою проткнутую шипами ладонь и перевело горящий злобой взгляд на ничего не подозревающего Лайгона. Замечая распростёртое на руках мага тело, тварь недобро улыбнулась.

Лайгон вздрогнул от язвительного голоса, разорвавшего тишину:

- Сдох, - констатировал пришедший в себя недл и расхохотался. - Три недели вышло, но он был жив. А из-за портала сдох! И скоро его кровь остынет и станет никому не нужна! Значит, никто из моих сородичей не осудит, если ею воспользуюсь я!

Он метнулся к Феронду и дёрнул бесчувственное тело на себя с такой прытью, что Лайгон не сумел удержать брата. Недл быстро поволок его к противоположной стене, но маг, почувствовав неожиданный прилив хотя бы физических сил, бросился на противника, сшибая с ног и отбрасывая в сторону. Однако ничего не евший несколько дней валинкарец был намного слабее поджарого мускулистого недла. Кубарем прокатившись по полу и ударившись о стену, противник быстро вскочил на ноги и в три прыжка оказался рядом с магом, нанося ему несколько быстрых сильных ударов в грудь и живот. Не успевший прийти в себя после стремительного броска на недла, Лайгон не сумел блокировать удары, и существо, победно свистя, ударило его по ногам, заваливая на каменный пол. Добивать валинкальца недл не стал, и причину пояснил своим невнятным бормотанием.

- Он сдох... кровь ещё не могла остыть... и вся она - моя! - он подобрался к Феронду и схватил его за правую руку, ладонь которой была истыкана шипами и теперь была пёстрой от запёкшихся капель крови.

Маг попытался подняться, но рёбра болели от немилосердных ударов, но он, сгибаясь пополам, всё же встал на ноги. Что от недла не спастись, было очевидно. Но желание не позволить ему напиться тёплой крови Феронда заставляло идти в заведомо провальную атаку. Лайгон догадывался, что никакой силы недл, выпив кровь, не получит, но его брат всё ещё был жив, и позволять убивать его таким способом он не намеревался.

Недл заметил движения мага и, не медля, поднёс широкое запястье валинкальца к своему рту и вонзил в виднеющиеся под кожей ручейки вен свои острые зубки.

Зарывав, как раненый зверь, Лайгон накинута на недла, но тот крепко вцепился в руку Феронда и отрываться от неё не планировал ни при каких обстоятельствах.

Плохо поставленными ударами маг пытался избить противника, но тот, хоть и старался закрываться от нападения, запястье мужчины изо рта не выпускал. Маг со всей силы ударил его ногой по голове, отчего недл громко взвыл и отлетел от Феронда. Лайгон нервно сглотнул, замечая, что, получив удар, недл зубы не разжал, и потому из руки валинкарца был вырван клочок кожи и плоти, отчего по каменному полу начала стремительно расползаться лужица крови. Недл брезгливо выплюнул то, что оказалось во рту, но какое-то время голова его кружилась, и он не нападал.

Лайгон быстро снял ремень со штанов и принялся перетягивать им руку брата чуть выше локтя. Сам он едва держался на ногах, потратив все возможные резервные силы. А по пустынным коридорам уже разлетались гулким эхом звуки торопливых шагов. Всё-таки мир оказался обитаем.

- Я успею! - выкрикнул недл, который уже привык к мысли о том, что кровь Феронда принадлежит ему и он ни с кем ею не поделится.

Он поднялся, чуть пошатнулся, но всё же добрался до мага и, подпрыгнув, ударил его головой в лоб, отчего Лайгон повалился на землю и больше подняться уже не смог. Он наблюдал, как недл пытается высосать кровь из раны на запястье Феронда, не понимая, что вены пережаты ремнём. Шаги приближались, и вскоре несколько десятков недлов вбежали в зал. Поняв, что не успевает, пьющий кровь недл метнулся к Лайгону и с силой приложил его головой о каменный пол, желая выместить злобу.

Маг провалился в беспамятство.

Глава 25

Лайгон приоткрыл глаза и обнаружил себя в полутёмном помещении. Впрочем, он уже привык к отсутствию нормального освещения, и темнота давно не смущала мужчину. Он попытался приподняться, но выяснилось, что руки и ноги его привязаны ремнями к кровати, у которой по краям были подозрительные наклонные желоба для стока крови. Маг отчаянно дернулся, но ремни оказались крепкими. Лайгон решил выждать, пока магические силы, истраченные накануне, восстановятся, и тогда уж высвободиться. По крайней мере, развязать узлы он мог: помещение, в котором он находился, не препятствовало использованию своих скудных навыков.

Оглядевшись вокруг, он пришёл к неутешительному выводу, что Феронда поблизости нет. Маг нахмурился. Вряд ли его брату посчастливилось выжить. Думать об этом не хотелось. Постаравшись отречься от любых мыслей, маг закрыл глаза и стал погружаться в тревожное забытие, надеясь восполнить силы. Он не знал, сколько пробыл в таком состоянии: не то во сне, не то наяву, но с полностью отключённым разумом.

Но приближающиеся голоса и шаги заставили его вернуться к реальности. Лайгон понял, что не успеет освободиться от пут, пока недлы не заявятся к нему, и потому решил пока прикинуться спящим, рассудив, что раз его до сих пор не убили, то явно на него имеются какие-то планы и следует осторожно выяснить, какие именно.

Голоса принадлежали одному мужчине и одной женщине, причём говорили они на языке недлов и о чём-то спорили. Женский голос носил обвинительный оттенок, а мужской излагал что-то в свою защиту.

Лайгон мысленно порадовался разобщённости приближающихся противников: это могло помочь выиграть время. Правда, маг не представлял, что станет делать, вырвавшись из этого зала. Где искать Феронда или то, что от него осталось? От него могло и ничего не остаться - эти существа вполне могли сожрать его, когда поняли, что кровь не приносит им сил. От этих мыслей маг сжал кулаки в бессильной злобе, но вовремя вспомнил, что нельзя показывать недлам, что он в сознании.

Мужской и женский голоса стали тише, но ближе. Не хотели разбудить пленника. Лайгон практически замер: то, что задумали эти существа, они намеревались провернуть втихаря, так, чтобы валинкарец ничего не понял. Вспомнив поведение перенесённого порталом недла, маг решил, что, вероятнее всего, эти существа пришли выпить его крови, чтобы не делиться ни с кем. Это вполне объясняло их разногласия: возможно, один из них не был готов к предательству своих.

Подозрения мага подтвердились, когда прохладные пальцы с нежной кожей, какая бывает только у женщин, и с осторожной нежностью, присущей им же, принялись развязывать ремень, стягивающий правое запястье. Получалось у неё не очень ловко, и пальцы с недлинными острыми ноготками периодически касались кожи валинкальца. Лайгон не уставал поражаться непоследовательности недлов: начиная с разрушения своих же статуй, заканчивая бережными прикосновениями к тому, чью кровь собираются выпить.

Надежды, что его не примут за бога, было мало. Волосы, немного отросшие в неволе, наличие столь нелюбимых магом усов и подобие бороды делали его слишком схожим с теми, кого недлы желали уничтожить и прибрать к себе их силу.

Маг начал продумывать, как нужно себя вести, когда в него вцепятся зубы, чтобы недла не успела вырвать кусок его плоти, как это было с Ферондом. Не успел он продумать до конца, как левую руку тоже принялись освобождать от ремней чьи-то менее заботящиеся об отсутствии неприятных ощущений руки. Недл дёргал ремни, когда узлы не хотели поддаваться и тихо бубнил что-то, явно ругаясь на своём наречии.

Что делать, когда вцепятся сразу в два запястья, Лайгон не знал, но в любом случае предпринимать что-либо было поздно: ноги по-прежнему были обездвижены, а чтобы развязать узлы силой мысли, неопытному магу требовалось видеть их. С двумя недлами справиться он не мог, но и подавать признаки сознания не хотелось: ему казалось, что эти двое либо убьют его, чтобы не создавал шума, либо будут издеваться, стараясь помучить. Оба варианта казались хуже того, что он просто лежал с закрытыми глазами и ожидал, что предпримут враги. Был ведь шанс, что другие недлы придут и помешают им, завяжется драка за право выпить его кровь, и он сможет под шумок сбежать. Оставалось дожидаться, когда зубы вопьются в его вены, и истошно вопить, чтобы недлы примчались и узрели предательство своих сородичей.

План показался Лайгону рискованным, но в нынешних условиях он являлся безупречным.

Недла справила с ремнём, и рука мага обрела свободу, правда, ненадолго. Прохладные пальцы распрямили его ладонь, и мужчина почувствовал, как мокрая и тёплая ткань обволакивает его кисть. Ткань была явно пропитана чем-то спиртовым, потому что, стоило недле потерять ею перемотанную ладонь пленника, как жидкость проникла в размоченные ранки от шипов и каждая ранка зашипала и начала жечь болью. Сосредоточившись на ощущениях в правой руке, Лайгон не сразу заметил, что его левая рука тоже свободна, и в запястье вцепилось нечто острое. Не такими представлял себе маг чувства от протыкающих вены зубов, но разбираться было некогда, и он закричал. Громко, истошно, как никогда бы не позволил себе кричать от боли, но сейчас следовало привлечь к себе всеобщее внимание.

Он распахнул глаза, когда воздух в лёгких закончился, и крик его оборвался. Опешившие недлы стояли в нескольких шагах от кровати и смотрели на мага испуганно. Лайгон сел и, не теряя времени даром, быстро принялся развязывать узлы, пока противники не опомнились. Приходилось использовать столь бесценную магию, поскольку правая рука была замотана плотным белым полотенцем, и не было времени возиться с ним. Маг сыпал проклятья на всех, кого удавалось припомнить, поскольку ремни поддавались с трудом.

На плечо валинкарца легла твёрдая рука и мужской голос произнёс на родном магу языке: - Я помогу, - и недл подошёл к ногам замершего мужчины и принялся возиться с путами.

Маг взглянул на своё левое запястье и не обнаружил следов укуса, лишь две полоски от ногтей: видимо он дёрнулся или рука недла сорвалась, вцепившись в его кожу ногтями. Маг решил, что это не повод бездействовать, и решил попытаться сбежать, как только ноги его окажутся свободны. Но все идеи выветрились из его головы, которую загрузили простым, казалось бы, вопросом:

- Эти раны что, такие болючие? - спросил недл, освободив одну ногу и принимаясь за вторую.

- Какие раны? - осторожно спросил ничего не понимающий Лайгон.

- Раны от включения портала на твоей ладони, - пояснила недла, только теперь решаясь подойти к магу ближе. - Они болят так, что ты закричал?

Лайгон не ответил. Во-первых, ему не понравилось, что о нём подумали, будто он будет заходиться криком из-за раненой ладони. Во-вторых, его безупречный план не работал: никто не спешил к нему, и он по-прежнему оставался наедине с недлами. В-третьих недлы говорили с ним, причём спокойно и опасно, будто это он был монстром, который может напасть, а не они. И в-четвёртых, маг растерялся, увидев женщину-недлу. Она оказалась не так некрасива, как те недлы, что приходилось видеть Лайгону прежде. Она была больше похожа на тех, какими эти существа были раньше, много-много лет назад. Крепкая, совсем не такая, как валинкарские девы, плотная, не очень высокая и с короткой стрижкой, которая, впрочем, ей шла: тёмно-вишнёвые гладкие волосы обрамляли её настороженное испуганное лицо, а прозрачно-серые глазищи смотрели на Лайгона с какой-то смесью страха, вины и радости. Что ответить недле, он так и не нашёл, поскольку был столь удивлён, что напрочь позабыл, о чём его спрашивали.

Вторая нога была отвязана, и недл отошёл в сторону, глядя на Лайгона. Маг осмотрел кровать, на которой сидел и решил задать вопрос. Даже не столько ради ответа, а из любопытства: ответят ему вообще или нет, и каким тоном ответят, если всё же ответят.

- Зачем эти желоба? - сухо спросил Лайгон, строго посмотрев на недла.

- Для стока крови, - честно ответил мужчина-недл.

Эта откровенность совершенно не вселила в валинкарца оптимизма, и потому он спросил снова, но на этот раз у женщины, надеясь, что хоть она поможет ему разобраться, что к чему:

- Вам нужна моя кровь?

- Нет... - растерянно ответила недла.

- Тогда почему я лежал привязанный к этой кровати? - продолжал недоумевать маг, теперь уже осмелевший и настойчиво требовавший ответов на свои вопросы.

- У нас нет других кроватей, оснащённых ремнями, а нам следовало обездвигить тебя, пока не выясним, кто ты. Но теперь ты свободен и мы приносим извинения за то, что напугали.

- Где мой брат? - спросил маг, и собирался уточнить вопрос, полагая, что его могли не понять, но его поняли, и недл ответил:

- Мы как раз пришли за тобой, чтобы привести к нему. Он рассказал нам о том, кто вы, и мы поспешили к тебе, чтобы освободить до того, как ты очнёшься...

- Да уж, вы немного опоздали, - заметил маг, вставая с койки.

Он развёл руками, показывая, что понятия не имеет куда идти, и растерявшиеся недлы улыбнулись ему. Они пошли чуть впереди, указывая дорогу. Лайгон плёлся следом, разглядывая всё вокруг. Эти подземелья явно отличались от тех, что были там, где валинкарец провёл последние три недели. Ярко освещённые факелами туннели, отсутствие ореливиевых перекрытий и недлы с нормальной, не вымазанной никаким составом, кожей вселяли оптимизм.

Феронд явно был в порядке, раз сумел рассказать им что-то. Вопрос только - что именно. Правду или какую-то свою версию. Спросить об этом у спутников маг счёл неблагоприятной идеей. Но вот вызнать о том, где он находится, было вполне уместно.

- Вы недлы? - спросил Лайгон у молчаливых спутников, решив начать издали.

- Да, - ответила женщина, посмотрев в глаза валинкарцу и добавила, желая успокоить: - Но мы не из тех, с которыми ты встречался прежде...

Это Лайгон итак понял. Только не разобрался пока, хорошо это или плохо.

- Вы их предки или потомки? - спросил он, полагая, что эти и те недлы всё же как-то должны быть связаны друг с другом. - Или просто собраты с другого мира?

- Сложно сказать, - ответила недла, посмотрела на своего сородича, который пожал плечами, и, подумав, ответила: - Наверно, мы их... предки... Да, скорее всего так.

- То есть я не в другом мире? - уточнил маг на всякий случай.

- Нет, - улыбнулась женщина, и валинкарец подумал, что всё-таки добродушная улыбка способна преобразить кого угодно. - Ты просто в другой части гор. И здесь никто не обидит тебя...

Лайгон ответно улыбнулся уголками губ. Эта недла трогательно полагала, что мужчина их боится и старалась при каждом удобном случае убедить его в том, что опасаться ему нечего. Маг подумал, что крепким низким недлам он, должно быть, кажется высоким и тощим и от этого они полагают, что он беспомощен и труслив. Лайгон решил не торопиться разубеждать их в этом. В его случае было полезно не казаться грозным.

Он постарался разобраться в полученной информации и почесал давно не мытую голову. Что-то не сходилось, и от этого маг снова чуть не поверил в темпоральные перемещения. Он нерешительно начал, обращаясь к своим провожатым:

- Здесь около портала статуи, которые у того, другого портала, разбиты... Да и ты, - он посмотрел на недлу. - Ты сказала, что вы, наверно, предки тех недлов. И я подумал... Я не в прошлое попал?

- Как можно попасть в прошлое? - удивился недл. - Время уходит, и вернуть прожитое нельзя...

- Я тоже так считаю, - согласился Лайгон, но всё же уточнил: - То есть я не попал в прошлое?

- Думаю, что нет, - улыбнулся недл, которого потешила серьёзность лица валинкарца, с коим он задал столь странный вопрос.

Маг почувствовал себя глупо, и больше расспрашивать не стал, хоть вопросов оставалось много. Недлы вели туннелями, которые постоянно разветвлялись. И если сперва маг старался хоть немного запоминать, куда его ведут, то вскоре бросил эту затею. Слишком много поворотов, коридоров с закрытыми дверьми по обеим сторонам, ответвлений, пустынных залов и залов, в которых находились недлы. Стоило попасть в обитаемый зал, как эти существа неизменно отвлекались от любых своих дел и провожали Лайгона любопытными взглядами. Не кровожадными и не ненавидящими. Просто заинтересованными. Некоторые приветливо улыбались ему, и он отвечал им лёгкой полуулыбкой, чтобы и не обидеть, и не делать вид, что он очень рад их лицезреть.

Наконец, недлы подошли к какой-то двери. Недл постучался, ему никто не ответил, но он счёл, что войти всё равно можно и открыл дверь, предлагая магу зайти первым. Лайгон понял, что сами недлы входить не намереваются. Валинкарец не стал благодарить своих провожатых, подозревая подвох, но всё же кивнул им на прощанье в знак своей благосклонности.

Глава 26

Феронд лежал на мягкой кровати, подложив руку под голову, так как подушки у недлов не использовались. Он дремал, и на губах его застыла довольная улыбка. Маг оглядел его: облачённый в незнакомую, но новую и вполне красивую одежду, отмытый от грязи, с ещё мокрыми волосами и перебинтованной рукой он вызвал у Лайгона злость.

Конечно, ему легко и беззаботно. О нём позаботились. Не привязали к койке с желобами, а привели в порядок. Не заставили думать невесть что, а, небось, рассказали всё, стоило очнуться. И он спал с самодовольной улыбкой на устах, пока Лайгон мучился сомнениями, жив ли его брат вообще.

- Тебе тут хорошо? - спросил маг ехидно, подходя ближе и присаживаясь на край кровати.
- Ничего не беспокоит? Ну, может, интересуешься, как там...

Феронд проснулся сразу. Открыл глаза, в которых читалась нескрываемая радость. Лайгон не успел высказать своё недовольство, как брат сел на кровати и обнял его, похлопывая по спине.

- С тобой всё в порядке! Это здорово! - он воскликнул это столь искренно, что маг сразу почувствовал, что напрасно злился: брат беспокоился о нём и следовало сперва разобраться, что к чему, прежде чем обвинять его и попрекать.

Феронд отпустил мага и посмотрел в перепачканное лицо с запёкшейся кровью на разбитой брови, припухшей щекой и разбитым от удара недла носом.

- Выглядишь паршиво, - улыбнулся младший брат.

- Не то, что ты, верно? - не удержался Лайгон.

- Да, - продолжал улыбаться Феронд: он был слишком рад, чтобы ввязываться в споры.

- Недлы и маги помогут тебе привести себя в порядок.

- Недлы...и маги? - переспросил Лайгон. - погоди, в этой части гор рабы...

- Нет, - ответил незнакомый доброжелательный голос откуда-то со стороны двери. - Рабов больше нет на этой планете. Ни на поверхности, ни в горах. Это ушло в прошлое...

Лайгон обернулся на говорившего. Это был мужчина с отращёнными ниже плеч тёмными с проседью волосами, светло карими глазами и крупными чертами лица. Пухлые губы были растянуты в приветливой улыбке, обнажающей белые ровные зубы.

- Кто ты? - не очень любезно, зато прямо спросил маг.

- Лайгон, у нас будет время поговорить об этом, - ответил незнакомец. - Мы приготовили тебе горячую купель. Твоё тело измотано. Следует расслабиться и перекусить.

Лайгон посмотрел на Феронда и тот кивнул ему, рекомендуя принять предложение. Маг переводил взгляд с незнакомца на брата и обратно. Эти двое смотрели на него приветливо и не понимали, отчего он растерян. Лайгон вздохнул и потрудился сформулировать свою проблему, уточнив:

- Вы хотите, чтобы я помылся и поел, не зная толком даже, где я и по чьей милости жив?

- Здесь никто не причинит тебе зла, - заверил неизвестный. - Мы сожалеем, что не сразу признали в тебе друга. Мы нашли вас бесчувственными и одного озлобленного недла, который бросался на всех, и нам пришлось уничтожить его практически сразу, так ничего у него и не выяснив. Феронд выглядел жертвой, в этом сомнений не было, а ты... Мы не знали, кто ты... Лайгон, прости... Ты не похож ни на кого, с кем нам приходилось встречаться.

Феронд смотрел на брата с полуулыбкой. Недоверчивый к посторонним, он был серьёзен, хотя было очевидно, что никто не собирается обижать его. Феронд потрепал его за плечо и посоветовал:

- Соглашайся. Ты действительно неважно выглядишь...

Это маг знал и без него. Хорошо выглядеть после трёх недель заточения и скитаний по подземелью было невозможно, а перемещение с помощью странного портала не добавило свежести его измотанному виду.

Лайгон вздохнул, решив, что действительно предстоит довольно долгий разговор, после которого будут лишь два варианта развития событий: новый плен и новые попытки освободиться или долгий путь во дворец. При любом раскладе стоило воспользоваться возможностью понежиться в горячей воде и насытить пустой желудок, который последнее время часто ныл от недостатка пищи.

Маг поднялся с кровати и кивнул незнакомцу, принимая предложение. Тот указал ему направление и последовал за ним. Маг угрюмо молчал. Их спасли. Их кровь здесь никому не нужна. Значит, либо их считают богами, которым до сих пор поклоняются. Либо знают правду. Лайгон надеялся на второй вариант, потому что притворяться богом он не смог бы, и рано или поздно их бы раскусили и жестоко наказали за ложь.

Пока он размышлял об этом, мужчина привёл его в какую-то комнату и прикрыл за собой дверь. Большая деревянная купель была наполнена водой, от которой поднимался пар. Рядом на полочке лежали пучки каких-то трав, и запах их ощущался во влажном от пара воздухе.

- Полотенце и чистая одежда вон там, - он указал на аккуратный шкаф с приоткрытой дверцей, позволяющей увидеть, что полки забиты какими-то вещами.

Маг кивнул, и незнакомец направился к двери, намереваясь покинуть помещение.

- Кто я? - решил спросить Лайгон, трогая воду в деревянной купели и искоса глядя на мужчину.

- В смысле? - не понял вопрос собеседник.

- В прямом, - ответил маг. - Хочу услышать от тебя, кто я...

- Твоя голова была ушиблена, - начал объяснять мужчина. - Возможно, память немного затуманена, но скоро это пройдёт...

Лайгон вздохнул и повторил вопрос:

- Мне просто хочется сейчас *от тебя* услышать, кто я. Это что, такая трудно выполняемая просьба?

- Нет, - растерянно ответил неизвестный, но решив, что раз гость настаивает, можно и рассказать ему, улыбнулся: - Ты Лайгон. Сын Мэггона, правителя Валинкара. Ты маг. Ты брат Феронда. Ты наш гость. Что-то желаешь уточнить?

- Да, много чего желаю уточнить, но ты прав, сперва стоит отдохнуть... - он улыбнулся незнакомцу уголками губ и искренне сказал: - Спасибо.

Маг остался один в комнате, разделся, снял повязку с израненной руки и залез в воду. Долго разглядывал свои лодыжки, кожа на которых давно была стёрта, и на месте оков остались красные отвратительные на вид полосы. Лайгон сжал кулаки, размышляя, как побольнее отомстить за всё Гринору. Самым обидным было то, что в любом случае его не казнят. Он предал своих сородичей, почти погубил их, заставив терпеть боль и унижение. Но Мэггон не позволит убить его из-за своих глупых традиций. Лайгону подумалось, что, будь он более сильным магом, уничтожил бы предателя своими руками. Но он не был сильным магом. Он вообще не был сильным. Маг оглядел своё поджарое тело, сильно исхудавшее за последнее время, и подумал, что надо будет заняться собой. Если не магией, так физической силой однажды отомстить за себя и за брата. И пусть Мэггон делает с ним потом, что хочет. Но Гринора следовало убить.

Он ужаснулся этой мысли, вспомнив Ореливия. Но нет. Он не собирался ненавидеть всех. И убивать тоже не хотел. Никого, кроме Гринора. А это большая разница. Но всё же ненависть впервые проникла так глубоко в его сознание. Ненависть к одному единственному валинкарцу. Тогда Лайгону казалось, что это совсем не то, чего стоит бояться. Он уговаривал себя не думать о том, что это опасно для него и его сознания. И уговорить не получилось. Лайгон испытал стыд за то, что поддался столь мрачным чувствам. Лайгон закрыл глаза. Никогда и ничем он

не станет похожим на Ореливия. Никогда. И ни чем. Он не поднимет руку на своего сородича. Не из-за правил и традиций, не из-за страха за своё будущее. А из принципа. Он - не такой. Маг решил, что брат не должен знать о посетивших его мыслях. Не должен догадаться. Сперва следовало добраться до дворца и попытаться добиться справедливого наказания для Гринора. Приговор провести всю жизнь в темнице вполне бы устроили мага. Не было причин думать, что Мэггон не пойдёт на это, и потому Лайгон отбросил в тёмный угол своей светлой души мысли о возмездии.

Глава 27

Маг вышел из комнаты, держа в руках ботинки. Ему было жарко, а одежда, как назло, была из плотной ткани, не позволяя разгорячённому телу остыть. Поэтому соприкосновение босых ног с гладкой холодной поверхностью каменного пола доставляло Лайгону удовольствие. Он легко отыскал помещение, в котором находился Феронд.

Маг приветливо улыбнулся сидящему в кресле брату, направляясь к заставленному блюдами с едой столу. Рот наполнялся слюной при одной мысли о том, что он, наконец, поест. Валинкарец не знал, съест ли он много - желудок отвык от обильной пищи. Но мысленно он был готов съесть всё, что видел. Он поставил свои ботинки рядом со стулом и уселся, не дожидаясь приглашения. Мужчина схватил кусок прожаренного мяса и принялся жевать. Проглотив первый кусок, он посмотрел на улыбающегося Феронда, который снисходительно глядел на него. Как же три недели не хватало Лайгону этого взгляда!

- Что-то не так? - насмешливо спросил маг, отлично зная, что не так.

- Всё хорошо, Лайгон! - улыбнулся Феронд, которому сейчас было совершенно без разницы, как его брат ест: главное, он был жив.

Маг усмехнулся, чувствуя свою победу хотя бы в этом, и продолжил насыщаться. Он ощущал на себе взгляд Феронда и отлично знал, о чём он думает. Лайгон и сам думал о том же: было бы замечательно поскорее оказаться дома, прийти вечером к столу, поужинать со всеми этими глупыми валинкарцами, позлить Лаивсену и Феронда своим пренебрежением к традициям и забыть своё путешествие в горы.

Шаги возвестили о том, что кто-то приближается. Маг повернулся и заметил всё того же незнакомца, который шёл рука об руку с женщиной, явно принадлежащей к расе недлов. Феронд поднялся с кресла и, приложив ладонь к груди, слегка поклонился, выражая своё почтение. Лайгон не двинулся с места, дожёвывая оставшуюся во рту пищу и с любопытством глядя на странную парочку.

- Это Итель, - сказал незнакомец. - Моя супруга.

- Хорошо бы ещё узнать, кто *ты*... - заметил Лайгон не очень почтительно, и Феронд укоризненно глянул на брата.

Маг и сам подумал, что ведёт себя слишком нагло по отношению к тем, кто был добр к нему и, чтобы не казаться совсем неблагодарным чурбаном, он тоже поднялся и слегка поклонился невысокой плотной женщине:

- Рад знакомству, Итель, - искренне улыбнулся он.

Женщина в ответ тоже чуть поклонилась и улыбнулась, но ничего не ответила. Незнакомец пояснил её молчание гостям:

- Итель считает, что плохо говорит на общем языке, хотя это не так. И всё же мы обычно общаемся на наречии недлов. Но ничего, она послушает наши разговоры и быстро вспомнит язык.

Лайгон изучающе смотрел на недлу. Она была похожа на ту, что он увидел, очнувшись. Короткие волосы, глаза со странными зрачками, удобная, совершенно не женственная одежда и удивительно нежные и красивые для недлов руки. Влюбиться бы в недлу он не смог, но рядом с этим полуседым мужчиной она выглядела весьма мило, хоть они и смотрелись странной парой. Маг улыбнулся, глядя на них. И без того приветливый незнакомец рядом с любимой женщиной преобразился в архиобаятельного приятного собеседника. Что-то в его взгляде изменилось от присутствия недлы, и теперь маг мог с точностью сказать: перед ним не враги.

Какое-то чувство смущения охватило его. Ему стало неудобно за себя, за свои слова, мысли и поступки. Незнакомец был добр к нему, брат беспокоился о нём, и оба они не были

виноваты в том, что Лайгон не походил внешне ни на кого, и от этого было неясно, кто он. Маг вздохнул. Надо было срочно исправляться и вести себя соответствующе ситуации.

Незнакомец провёл Итель к столу, но кушать они не собирались. Просто уселись на стулья, которые выдвинули из-за стола. Феронд уселся обратно в кресло, передвинув его поближе к магу, и Лайгон опустил на свой стул. Незнакомец что-то пояснял своей супруге на неизвестном валинкарцам языке, и голос его был пропитан неподдельной нежностью. Маг подумал, что показался жителям этой части гор каким-то диким и неадекватным, и от этой мысли мужчина улыбнулся сам себе уголками губ.

Глянув на Феронда, он вспомнил, как испугался за него тогда, после телепортации. Если бы недлы не подоспели, Феронда бы не удалось спасти. Возможно, недл бы не стал убивать самого мага. Обезвредил бы и преспокойно выпил кровь через другую руку... или шею... Сооб-разил бы, наверно. Сейчас Лайгон смотрел на брата и думал: как бы он смог жить после этого, если бы всё вышло действительно так, что Феронда не стало? А ведь он так и не сказал ему, что ужасно рад, что его не убили. Впрочем, он не был уверен, что теперь это важно. Маг видел, что брат полностью разделяет его радость от того, что они оба выжили, и можно было не вдаваться в сантименты и подробности. Однако взгляд зелёных глаз отразил больше, чем Лайгон предполагал. Феронд заметил тревогу, не зная, что она вызвана лишь недавними воспоминаниями.

- Ты чего так смотришь? - спросил он у мага.

- Этот портал чуть не убил тебя... - честно озвучил свои мысли Лайгон.

- Нет, портал просто отнял все мои силы. Я бы пришёл в себя через пару часов... А вот недл действительно чуть не убил меня, - он посмотрел на перебинтованную руку, из запястья которой зубами недла был выдран кусок. - Ты молодец. Я знаю, ты пытался защитить меня...

Лайгон горько усмехнулся, вспоминая свои жалкие попытки противостоять недлу. Да, конечно, старался он от души, и возможно, не бросайся он на противника, тот бы успел высосать половину крови. Но всё же маг гордости от своего самоотверженного желания защитить Феронда не испытывал. Скорее наоборот, это было ярким примером его слабости, и потому он отвернулся от брата, вглядываясь в лицо незнакомца и надеясь, что тот начнёт разговор и не позволит Феронду продолжить начатый.

Незнакомец взгляд зелёных глаз разгадал сразу. Он давно уже закончил говорить что-то недле и терпеливо ждал, пока на него обратят внимание.

- Знаете, - признался он. - Весьма странно, что портал смог открыть Феронд, а Лайгон - нет...

- Почему это? - поинтересовался маг.

- Портал работает на крови рабов, - просветил незнакомец. - Это придумали недлы. Заставили нас проектировать арку, которая станет работать, только причиняя нам боль. Чтобы мы не сбежали, воспользовавшись им: стоит переместиться, и пару часов точно проведёшь в беспамятстве... Нас заставляли переправлять недлов...

- Нас? - переспросил Лайгон, полагая, что ослышался, но собеседник кивнул, подтверждая свои слова, и маг неуверенно начал: - То есть ты...

- Раб недлов, - закончил за него мужчина. - Да, я был им раньше. И арку помогал кон-струировать, и за волосы был таскан, и о свободе мечтал...

- Почему же мечты... не сбылись? - осторожно спросил Лайгон, начиная медленно домыс-ливать то, что незнакомец умалчивал.

- Кто сказал, что не сбылись? - лукаво улыбнулся мужчина.

Маг прищурился. То есть, мечты о свободе воплотились в жизнь, и тем не менее он здесь, сидит, приобнимает недлу и выглядит счастливым. Мужчина не стар, но и не так молод, как они с Ферондом. Он был рабом, а, значит, ему очень много лет, седина в волосах это подтвержда-ла. Но он жив и вполне неплохо выглядит. Куда лучше того же Мэггона.

- Как твоё имя? - спросил Лайгон, внимательно глядя на собеседника, и не замечая удивление брата: мага никогда не интересовали имена тех, с кем он общался и он никогда не задавал никому такого вопроса.

Незнакомец широко улыбнулся ему, и его глаза сверкнули хитрым добродушным огоньком. Он ответил туманно:

- Ты ведь догадываешься. Вижу, что догадываешься... - маг отрицательно покачал головой, отказываясь выдвигать версии, но мужчина мирно добавил: - Ты верно мыслишь, маг. Я не умею читать мысли, но ты смотришь на меня, как на приведение. Из этого следует, что ты верно мыслишь. Сам ответь на свой вопрос: как моё имя?

- Аринго? - неуверенно спросил Лайгон, и мужчина кивнул, но маг отказывался верить в это и уточнил: - Ты потомок Аринго?

- Нет, - улыбнулся мужчина. - Я и есть Аринго.

- Тогда... - Лайгон взъерошил свои высохшие короткие волосы, пытаясь прикинуть более-менее точную цифру, и продолжил: - Тебе удалось прожить... более восьмидесяти тысяч лет?

Лайгон озвучил свои подсчёты и сразу же его взгляд немного изменился: теперь он смотрел на стоящего перед ним мужчину, как на ожившего мертвеца, познавшего наверняка далеко не мирный секрет вечной молодости. Лайгон смотрел на него с ужасом, совершенно не скрывая своих эмоций, ведь этот тип мог так благосклонно отнестись к ним, чтобы использовать в своих целях. Каких - он даже не хотел предполагать. Взгляд напуганного мага рассмешил Аринго.

- Нет, - постарался опровергнуть домыслы мага мужчина. - Мне нет и четырёх тысяч лет, так что рассчитываю ещё немного пожить... Я не долгожитель и не обладаю сверхспособностями...

- Но... перемещений во времени не может быть в природе! - возмутился маг так, словно Аринго был в этом виноват или мог что-то исправить, но упрямился.

- Их и нет в природе... наверно... - пожал плечами мужчина, не понимая, при чём тут вообще перемещения во времени.

- Но ты жив... Как такое могло получиться? - тихо поинтересовался Лайгон, недоверчиво глядя на Аринго.

Тот посмотрел на мага тревожно. Он не хотел пугать его сразу, и постарался начать изда-лека:

- Я был совсем молод - чуть старше вас, когда мы выбрались из гор. Да, поверхность прекрасна, с этим не поспоришь... Но для меня у неё один минус - там время течёт быстрее...

- То есть? - переспросил Феронд, который никогда не задумывался о том, что и такое может быть. - Но здесь... Мы же...

- Здесь этого не почувствуешь, - ответил Аринго. - Там тоже. Это заметно лишь, если попадаешь отсюда туда, а потом обратно. Или наоборот. Заметна разница. Время здесь идёт медленно, и процессы в ваших организмах тоже замедляются. Замедляются мысли, действия, стук сердца - абсолютно всё. Но это настолько пропорционально, что вам кажется, что всё идёт так, как должно, поскольку ваш разум не способен воспринимать и обрабатывать информацию с той скоростью, с которой мог делать это в Валинкаре. Этот ореливий, из которого тут многое создано, он обладает различными свойствами, и от действия тепла Светила он способен влиять на составляющие всего сущего, замедляя время... Та часть, где мы сейчас и та, где вы были в плену - наиболее нагреты Светилом, поскольку больше всего времени оно светит на эти горы. Вы поймёте, что я не лгу, лишь оказавшись дома и увидев, как всё вокруг изменилось за время вашего отсутствия...

- Мы сидим в этих горах практически месяц... - пробормотал Лайгон, и закрыл лицо руками, представляя, сколько времени они не были в Валинкаре, и что могло произойти за это время: всё, что угодно.

- Месяц... - эхом повторил Феронд, не до конца представляя масштабы проблемы. - Сколько это во внешнем мире?

- Много... - отозвался Лайгон, отнимая руки от лица и глядя в карие встревоженные глаза брата. - Около двух лет... - подсчитал он, прикинув разницу в настоящем возрасте Аринго и теми годами, что прошли в Валинкаре с момента освобождения рабов.

Несколько долгих мгновений оба валинкарца смотрели друг другу в глаза, осмысляя и прикидывая, поражаясь и ужасаясь. Потом Феронд тихо, шёпотом, словно боясь собственного вопроса, спросил у брата:

- Думаешь, они уже похоронили нас?

- Не знаю, - покачал головой маг, переводя взгляд на Аринго. - Смотри, что твой приятель понарасказал им... - он сказал это просто и спокойно, не обвиняя ни в чём брата и не тыкая в него его промахами.

Кареглазый не ответил. Огорчённый тем, что был слеп и не распознал гнилой души в своём приятеле, он был благодарен Лайгону, что тот не попрекал его этим. Молчание затягивалось, грозя утянуть валинкарцев в глубины тоски. Оба понимали, что не время для уныния, но осознавать, что их не было два года, и никто не знал, где они - это было паршиво. Маг мельком глянул на Феронда и быстро отвёл взгляд: ему было ясно, что тот думает о Браве. На этот раз так и было. Лайгон не одобрял этого.

А Феронд действительно думал о любимой, которая два года не знает, что с ним. Он гадал, что с ней могло стать за это время. Красивая и одинокая, она не могла оставаться одна долго. Наверняка расстроилась, когда он исчез. Плакала, переживала первые месяцы, а, может, и год. В Валинкаре наверняка нашлось много желающих утешить. Феронд поймал себя на том, что не страдает от мысли, что она может быть уже с другим. Подлое сознание задавалось другим вопросом: с кем? Ему было интересно, кем она могла заменить его. Конечно, ему бы хотелось, чтобы никем, но если мыслить трезво, то вряд ли она до сих пор ждёт его... Любит - это пожалуй, возможно. Как воспоминание, дорогое сердцу. Любит и иногда вспоминает... Но не ждёт. Феронд быстро прогнал эти глупые мысли. Конечно, любит, и конечно, ждёт. Он вернётся и будет с ней. Всё будет, как и было. Он обещал любить её... Она, правда, не обещала... Но не важно. Весь этот жуткий месяц мысли о ней не давали ему сдаться, и он был уверен в своей любви, единственной и на всю жизнь.

- С вами был ещё кто-то? - спросил Аринго, вырывая Феронда из размышлений, но ответил Лайгон, так как раньше отреагировал на вопрос:

- Да, был один...Оппортунист проклятый... Воспользовался, что мы оказались в плену и сбежал, бросив нас... Ладно, с ним разберёмся потом... Надо выбираться отсюда.

- Простите, - начал Аринго. - Но я не предусматривал удобного оборудованного выхода в Валинкар. Сам я иногда выхожу во внешний мир, но это путь, который Феронду сейчас не осилить... Вам придётся подождать и немного подлечить его, чтобы выбраться... Портал отнял почти все его силы... и неудачное падение, потеря крови...

- Он прав, - виновато отозвался Феронд. - Не думаю, что сейчас я готов в путь...

Лайгон ободряюще улыбнулся ему:

- Мы останемся здесь столько, сколько потребуется, - он перевёл взгляд на Аринго и спросил: - А сколько потребуется?

- Не очень много, не больше недели, - дал примерный прогноз мужчина. - При хорошем питании и целебных отварах он быстро восстановится, и я провожу вас в Валинкар.

Феронд внимательно смотрел на брата, и тот твёрдо ответил, подтверждая ранее озвученное решение:

- Мы подождём. И уйдём отсюда вместе... Знаешь, ты... с этим порталом... В общем, спасибо, что не изучал магию. Я бы никогда не подумал, что ты сможешь открыть портал,

который не смог открыть я. Это противоречит логике. Ты спас нас, - признался Лайгон, и Феронд усмехнулся в ответ:

- Не я. Моя кровь.

Маг нахмурился, но пока решил не делиться своими подозрениями. Ему подумалось: Аринго прав, и то, что он не смог включить портал, действительно странно. Он задумался об этом, пользуясь всеобщим молчанием, и довольно быстро пришёл к выводу, что какой-то древний его предок был недлом. Это объясняло и его телосложение, и светлые глаза, и то, что портал не открылся. Иногда гены проявляются через несколько поколений, и Лайгону казалось, что ему просто... не повезло. Или, наоборот, повезло. И именно из-за столь странного набора генов он теоретически мог стать сильнейшим магом... Может, это как раз благодаря крови недлов.

- Скажи, - обратился он к Аринго. - Извини, что спрашиваю... Но бывали союзы между рабами и недлами... так, чтобы рождались дети?

- У нас с Итель трое, - ответил мужчина, и Лайгон улыбнулся: его интересовал не Аринго, но он снова спросил:

- На кого они похожи?

- На меня, - ответил мужчина и пояснил: - Гены недлов слабее. Правда, глаза у всех полукровок всё равно остаются с характерными зрачками. Да и ростом они ниже нас с вами...

Феронд понемногу начал улавливать смысл вопросов и потому слушал ответы заинтересованно, как и вопросы Лайгона. Маг задал следующий:

- А если представить таких детей через поколение, или через два, через десять? Как бы они выглядели?

- Я не знаю... - задумался Аринго. - Через два и три - то же самое, зрачки лунообразные, рост небольшой, но внешность не недловская... А через десять... Не знаю... Пока таковых не было. А почему тебя это так интересует?

Лайгон бросил быстрый взгляд на Феронда. Тот заметил и кивнул, советуя сказать правду. Маг послушался совета и ответил:

- Почему-то моя кровь не открыла портал, значит, к ней примешана кровь тех, кто не владеет магией...

- Это логично, - задумчиво согласился Аринго. - Только на недла ты не похож. Я никогда не видел светло-зелёных глаз, как у тебя. Не прозрачно-светлых, а вполне чёткого цвета.

- Да, но карие глаза раба плюс недловские светло-голубые... - предположил Лайгон, не желая расставаться с правдоподобной, многое объясняющей версией.

- Нет, - уверенно ответил Аринго. - У любого, в ком кровь недла, зрачки имеют своеобразную форму полумесяцев. К тому же первый союз раба и недла - моя любовь к Итель. До этого такого не было. После - да. Поверь мне, я знаю, что говорю. Ты сын Мэггона, а он потомок Нильфа. Я знаю ваш род, и недлов вы ненавидели.

Маг вздохнул. Как ни крути, Аринго было видней. Он лучше разбирался в этих вопросах. Маг решил, что не станет пока забивать себе голову вопросом, чем его кровь отличается от крови его брата. Сейчас это не имело решающего значения. Важно было другое: они с Ферондом застряли здесь примерно на неделю, и перед ними сидел Аринго. Тот самый, о котором Лайгон когда-то читал в полусгнившей книге. Это плохо укладывалось в голове, потому что о такой встрече маг в жизни не мог подумать.

- Аринго... - обратился он к мужчине, не будучи уверенным, что стоит задавать интересующий его вопрос, но всё же спросил: - Куда ты пропал тогда, перед поединком с Нильфом?

- Я ушёл сюда, - просто ответил он.

- То есть? - не понял маг. - Ты сам принял решение уйти? - он кивнул. - Но почему? У тебя были неплохие шансы...

- У меня были *все* шансы на победу, - кивнул мужчина. - И я бы победил. Именно поэтому и ушёл. Все рабы принимали участие, это был азарт состязания за право быть правителем, и я тоже хотел выиграть, но... Когда я оказался близок к победе, то понял... что пути назад не будет. Став правителем, я буду должен оставаться со своим народом и никогда не смогу вернуться назад...

- Назад? - удивился Лайгон и задал уточняющие вопросы: - В горы? В рабство?

- В горы, но не в рабство... - улыбнулся Аринго. - Портал - это был наш ключ к свободе. Это придумала Итель... - он с любовью посмотрел на свою женщину, и Лайгон улыбнулся: это было истинное, настоящее чувство, которое согревало не только Аринго и недлу, но и всех вокруг, кто видел их отношение друг к другу.

Об этом Элара читала книги своим детям, и этого не видел маг в чувствах Бравы к своему брату. А ещё Лайгон подумал, что не прочь испытать нечто подобное: влюбиться однажды в кого-то, кто действительно достоин этого.

Феронд тоже посмотрел на смущённую недлу, и его больше привлекло не выражение её странных глаз, а факт того, что портал придумала она.

- Но для чего он был нужен? - спросил он, и женщина ответила:

- Он был нужен, чтобы освободить рабов, - она говорила на общем языке вполне нормально, только чуть медленно, зато голос у неё был прекрасным и спокойно-нежным. - Но нас, недлов, которые считались со своими рабами, было ужасно мало... Над нами смеялись, считая глупым проявление сострадания. И мы действительно не могли изменить порядки, даже объединившись с рабами. Кстати, они тоже не все считали свою участь печальной. Некоторым нравилось подчиняться. Из-за этого было сложно что-то затевать, но каждый раз, когда какой-нибудь недл измывался над своим рабом, у меня сердца...

- У них два сердца, - пояснил Аринго. - Причём второе работает только в случае перегрузки первого - обычно, когда эмоции зашкаливают...

- Да, - подтвердила слова мужчины недла. - сердца у нас два, но у многих, казалось, не было ни одного. И потому мы - я и те, кто тоже был не согласен с порядками - решили спланировать что-то масштабное и хитрое. Более тонкое, чем простая попытка революции. Мой брат как раз отправлялся в экспедицию на поиски новых источников пищи и ореливия. Они тогда пропадали почти полгода, и вернулись с вестью, что там, далеко-далеко есть пригодные для жизни пещеры. Тогда я со своими соратниками убедила всех в необходимости создания портала, чтобы было проще сообщаться с тем далёким участком гор. Это было просто. И рабам было приказано заняться сооружением портала. Конечно, мои ожесточённые сородичи придумали этот механизм с шипами, чтобы превратить перемещение в пытку для рабов, но это всё равно был шаг к победе. Шли годы, и в той части гор создавались скульптуры, осваивались копи. Рабы трудились на славу, стараясь сделать горы привлекательными для недлов. Это требовалось, чтобы заманить их туда. Алчные и жаждущие лёгкой жизни на новых неосвоенных и богатых территориях, недлы собрали почти всех рабов и отправились жить туда. Пришлось приложить немало усилий, чтобы в один прекрасный день в этой части гор остались лишь наши соратники и рабы, которые не могли принести пользы в освоении территорий. В тот самый день мы устроили обвал, завалив проход между нашей частью гор и их. И грохот стал сигналом к действиям тех, кто переместился: рабы, к тому времени изучившие все ходы, оставили недлов и вышли на свободу...

- Это было потрясюще, - признался Аринго. - Свежий ветер, Светило, озёра, небо и леса - мы видели это, казалось, лишь в какой-то прошлой жизни. Это был удивительный день. Мы шли долго, наверно, несколько дней, пока не набрали на холм, с которого было видно, что далеко впереди высятся горы. Это означало, что пора остановиться и начать обустриваться... Дальше вы, наверно, знаете... А в ночь перед решающим поединком я ушёл к Итель. Мне предстояло долго искать вход в эти горы, и я потратил на это несколько лет. Ни один валинкарец

не решался приблизиться к горам, и я все те годы и словом ни с кем не обмолвился. Но потом вернулся, отыскал Итель и... узнал, что она и соскучиться не успела - прошло всего ничего времени.

- И что стало с теми недлами, которые пленили нас? - спросил Феронд. - Они, кажется, забыли вообще свою историю. И у них появилась какая-то другая, новая... Они мажутся какой-то светящейся дрянью, и их подземелья не такие, как ваши. Они похожи на тёмные мрачные склепы с кучей обломков статуй...

Аринго печально покачал головой:

- Я не знаю. Не бывал там с тех пор...

- Зато я знаю, - усмехнулся Лайгон, посмотрев на удивлённого Феронда, который, впрочем, был не против выслушать версию брата. - Эти болваны, видимо, не знали о свойствах ореливия, - сказал маг Аринго и Итель. - Оказавшись отрезанными от вас и лишившись рабочей силы, они со временем совсем всё перепутали. Они стали ненавидеть вас, разнесли все статуи недлов, возвели рабов в ранг богов. Они надеялись, что вы... - он ткнул пальцем в сторону Аринго, показывая, что имеет в виду рабов. - ...вернётесь. Уже позабыв, кто вы, и что они ваши хозяева, а не наоборот, они мечтали, что однажды вы вернётесь. Но никто не возвращался. Им пришлось самим начать работать. Они помнили, что вам доступна магия, но позабыли, что вы не пользуетесь ею, и потому создали ловушки для владеющих магией: укрепили все ходы и коридоры орилибиевыми перекрытиями. Я там был вообще бессилён. Они думали, что мы... вернее, он... - Лайгон указал на Феронда. - ...их бог. Злы они были на него, и на меня тоже. Но это вы итак знаете. В общем, ужас какой-то... А главное, непонятно, как можно было так деградировать за столь короткое время? - задавая этот вопрос, Лайгон полагал, что он риторический, но не все считали так же.

- Я не хотел пугать вас заранее... - неуверенно начал Аринго. - Но... то, что они добыли столько ореливия... нужно очень много этого металла, чтобы полностью погасить всю магию... и то, что теперь из-за этого там столь много его, сколько не было прежде... - он смотрел на своих гостей и видел, что они не понимают, что он пытается сказать им. - Он замедляет, я уже рассказывал...

- Подожди... - пришёл на помощь маг. - То есть... Три недели, что мы пробыли там... это не два года по-валинкарски? - он нервно сглотнул, ожидая ответа.

- Да... - глухо отозвался Аринго. - Это больше... Намного больше...

- Сколько? - прямо спросил Феронд, напряжённо глядя в светло-карие глаза.

Аринго вздохнул:

- Я не знаю, я не был в тех краях с тех пор, как был рабом. И сложно рассчитать такие вещи... Это можно узнать, только пожив и там, и тут, и в Валинкаре... Только сравнив...

Феронд и Лайгон переглянулись. Это открытие всё осложняло. Маг облизал губы и спросил, сам не зная, у кого:

- То есть, могло пройти и десять, и двадцать, и сто лет?

Сперва никто ему не ответил, но потом Аринго всё же подал голос:

- Да. Но ведь ваши жизни по-прежнему длинны, не так ли? Значит, все ваши родные ещё живы и даже не успели состариться...

- Они-то не успели, но... - Феронд тяжело вздохнул и решительно встал на ноги. - Мы должны выбираться отсюда!

Лайгон видел, как брата передёрнуло от боли при резком движении, но тот постарался не подать вида, что далеко не здоров.

- Феронд, - вздохнул маг. - Мы уже не там. Здесь время не так ускорено... или замедлено... Не суть. Здесь мы можем побыть немного, пока ты не поправишься...

- Но мы не знаем, что творится у нас дома! - предпринял он слабую попытку настоять на своём.

- Вот именно! - подтвердил Лайгон. - Мы не знаем! Возможно, тебе понадобится сила... Феронд... Пара месяцев на фоне нескольких лет... или десятилетий отсутствия роли не сыграет. Твоя Брава дожждётся тебя...

Феронд вздохнул. Лайгон вспоминал его девушку едва ли не чаще его самого. Обычно это немного расстраивало мужчину, так как он начинал чувствовать себя предателем, чьи мысли должны вертеться вокруг возлюбленной, но они упрямо обходят эту тему стороной. Но сейчас Феронд просто улыбнулся и насмешливо заметил:

- Ты же первый кричал, что она меня не любит.

- Любит, Феронд... - усмехнулся Лайгон, весьма довольный тем, что брата не расстроило его замечание, а даже наоборот. - Любит... как умеет. Вот только не к такой любви стремиться надо, - он кивком указал на Аринго и Итель. - Они любят друг друга, и это видно сразу. А Брава дожждётся, потому что лучше тебя в Валинкаре нету, а ей нужно только самое лучшее.

Аринго посмотрел на мага, потом на его брата, а затем устремил взгляд на Итель, тихо пробормотав:

- Любовь бывает разной, Лайгон. Если Феронд любит свою девушку не так, как я люблю Итель - это не значит, что он любит её меньше.

Маг усмехнулся, глядя на Аринго. Да, Феронд умел красиво говорить и действительно тосковал и по Браве, и по Валинкару. Это было заметно. Как и то, что он устал от вечных пререканий с Лайгоном по поводу своей возлюбленной. Итель молча смотрела на Аринго. Со спокойной нежностью во взгляде. Они не демонстрировали свою любовь, не доказывали её окружающим. И они любовались друг другом. В каждом движении, в каждом прикосновении маг видел это и мог с уверенностью сказать, что любят они не внешностью, а чем-то более глубинным, что видят друг в друге лишь они. Лайгон перевёл взгляд на Феронда, который с насмешливо приподнятой бровью ждал, парирует ли маг слова Аринго или промолчит. Молчать маг не стал:

- Нет, Аринго, - возразил он с уверенностью в голосе, и лицо его озарила светлая улыбка.

- Любовь разной не бывает. Подделки бывают разными, а настоящая любовь всегда одинакова, и её ни с чем не спутаешь. Знаешь, я сам не испытывал этого чувства в полной мере, но ты меня не переубедишь: можно встретить не ту девушку, и думать, что это та самая, но встретив ту самую, точно не подумаешь, что она не та. В этом вся сложность.

Глава 28

Дни проходили быстро. Недлы оказались занятым народом. А полумаги так вообще казались просто низкорослыми валинкарцами. Все они интересовались новыми гостями, и Феронд, привыкший быть приятным и милым собеседником, быстро покорила сердца всех жителей этой части гор. Лайгон временами наслаждался одиночеством, от которого успел отвыкнуть за время, проведённое в плену. Его стремление к уединению было расценено Аринго, как тоска по дому, и он несколько раз предлагал магу прогуляться на поверхность. Не возвращаться во дворец без Феронда, а просто выйти и пройтись по траве, увидеть небо. Но маг был непреклонен в своём решении без брата в Валинкар и носа не казать.

Порядки недлов, к слову, нравились Лайгону больше. По крайней мере, если приходилось обедать в обществе, то никто не лез с глупыми традиционными вопросами, не заставлял есть красиво или поддерживать беседу. Возможно, именно поэтому маг не пропустил и не сбежал ни с одной совместной с недлами трапезы. Впрочем, и сбегать-то особенно было некуда. Так он думал первые пять дней.

К исходу пятых суток, когда Феронд стал чувствовать в себе прежние силы и уже был готов уходить хоть на следующий день, Аринго решил раскрыть один свой секрет. Случилось это аккуратно после обеда, за которым Лайгон, обычно молчаливый и замкнутый, рассказывал всем присутствующим сказки и легенды, которые помнил с детства. Он не был любителем ощущать себя душой компании, но в этот день ему хотелось передать недлам и полумагам свои знания фольклора, пропитанные воспеванием доброты, дружбы и любви. Маг и сам не ожидал, что втянется в повествование. Он говорил, а все внимательно слушали, и из-за этого обед продлился в несколько раз дольше, чем обычно.

Лайгон пил сладкую воду, так как горло его пересохло от непривычно долгого разговора, а Феронд с усмешкой смотрел на него. О чём думал младший брат, маг узнать не успел, поскольку именно в этот момент к ним подошёл Аринго.

- Пока вы здесь... - начал он и задумался над тем, как лучше сказать, и вскоре всё же сформулировал, хоть и не очень внятно: - Я хотел кое-что показать вам... И, возможно, вы поделитесь со мной... Если захотите, конечно...

- Кровь наша всё-таки нужна? - усмехнулся Лайгон.

- Нет... - заверил его мужчина. - Мне ничего от вас не нужно, просто... Пойдёмте! Это трудно объяснить.

Аринго повёл их длинными коридорами, которые назвать туннелями было сложно. Хоть они и находились под землёй и были проделаны в толще каменной породы, но всё здесь было уютно и мило. Здесь чувствовалось, что это чей-то любимый дом, за которым следят, ухаживают, заботятся. Валинкарцы уже так привыкли к этому всему за неделю, что, если бы не необходимость решать проблемы с тем, что во внешнем мире их наверняка считают мёртвыми, то они бы, пожалуй, могли и ещё погостить.

Аринго вёл их куда-то вниз. Настолько глубоко, что воздух там был намного холоднее, чем в тех апартаментах, где в основном находились валинкарцы.

- Как-то это загадочно, - признался маг. - Идти в молчании в глубины подземелий накануне дня, когда мы должны вас покинуть.

- Извини, если вызвал подозрения, - отозвался Аринго. - Я могу начать рассказывать, мы почти пришли.

- Да уж, начни рассказывать, - попросил Лайгон.

- Знаете, эта планета создана благодаря рабу по имени Ореливий...

- Знаем, - кивнул Феронд. - Ты даже не представляешь, насколько. Видели его недавно.

- Но он пропал ещё до гибели нашей планеты. Мы считали, что недлы убили его.

- Нет, они его не убили, - ответил Феронд и выразительно глянул на брата, предлагая рассказать Аринго о встрече с големом.

Маг укоризненно посмотрел на него. Ему было не жалко поделиться историей встречи с Ореливием, и он прекрасно понимал, почему Феронд просит рассказать именно его - маг был хорошим рассказчиком и мысли умел формулировать не через раз, а с завидным постоянным успехом. Но сейчас Лайгон хотел больше послушать Аринго и узнать, наконец, куда их ведут. Хотя за этот месяц он, в принципе, привык, что его постоянно куда-то ведут: то насильно, то просто сопровождая. Просто не хотелось вляпываться снова в какую-то историю, когда был так близок миг выхода на поверхность.

И всё же мужчина принялся говорить. Он видел, как интересно Аринго, и не смог долго дуться за своё неудовлетворённое любопытство, принимаясь излагать всё в подробностях.

За разговором они быстро оказались около красивой резной деревянной двери. На ней была изображена картина с множеством мелких деталей. Там присутствовали деревья, в ветвях которых сидели птицы. Был вырезан горный ручей, из которого пили воду мелкие животные. Цветы на переднем плане были тоже выполнены во всех подробностях. Лайгон провёл пальцами по объёмным лепесткам и подумал о том, как же давно он не видел ничего подобного вживую. За столь красивой дверью вряд ли могло скрываться что-то злое, да и Аринго не казался настолько глупым, чтобы попытаться совладать с двумя валинкарцами, которых сам же щедро откормил и подлечил.

Аринго не открывал дверь, пока маг продолжал говорить. Все понимали, что стоит войти внутрь, и тема разговора резко сменится. Лайгон водил пальцами по резьбе, продолжая рассказывать, но мыслями находясь уже где-то далеко.

Когда рассказ подошёл к концу, Лайгон посмотрел в глаза Аринго, желая услышать его мнение.

- Тут есть, над чем поразмыслить, - признался тот. - И я буду об этом думать много, но не сейчас, - и он открыл дверь, которая оказалась незапертой и сказал: - Пойдёмте, нам сюда,

Они оказались в темном помещении, и Аринго зажёл факел, от которого по цепочке зажглись ещё несколько, освещая своим пламенем небольшую уютную комнату. В ней находилось три удобных мягких кресла, диван и кресло-качалка. Помимо этой мебели больше ничего не было, лишь врезанные в стены полочки с какими-то разнокалиберными склянками, наполненными разноцветными жидкостями, но на кровь не похожими. В целом, комната не выглядела устрашающей, однако то, что она находилась столь глубоко и в неё привели валинкарцев, говорило о том, что что-то в ней особенное всё же есть.

- Где мы? - спросил Лайгон.

- Это моя лаборатория, - ответил Аринго, замечая, как его гости разом напряглись и глянули на дверь, которую он за собой закрыл. - Нет, не подумайте обо мне плохо. Я не хотел пугать вас, и сейчас вы поймёте, что ничего плохого я не задумал.

- Все так говорят, - фыркнул маг. - Особенно, когда в меньшинстве.

Феронд укоризненно глянул на недоверчивого брата, и устроился на диване, так как Аринго жестом предложил гостям располагаться. Маг нехотя уселся на подлокотник кресла и стал разглядывать содержимое полок.

- Алхимия - это занятная вещь, - начал рассказывать хозяин непонятной лаборатории. - То, что вы видите на этих полках - безвредно для здоровья и психики. Не бойтесь этого. Здесь есть и целебные эликсиры, которые, кстати, помогли вам прийти в себя после того, как мы нашли вас. Мы не маги, но у нас много интересных снадобий, для разных целей. Всё началось с меня, ведь недлы в магии ничего не смыслят, да и вообще были весьма недалёкими созданиями. Я стал заниматься алхимией ради Итель. Когда я понял, что люблю её, мне захотелось подарить ей внешний мир. Подарить те чувства, которые он вызывает у меня. Понимаете?

- Понимаю, - ответил Феронд, а Лайгон промолчал: он никогда не влюблялся настолько, чтобы желать разделить с кем-то все свои чувства, эмоции и впечатления.

- Тогда вы не должны осуждать меня, - он заметил, что Феронд удивлённо глянул на него, и добавил: - Алхимию никто никогда не жалуется. Но все эти склянки содержат весьма безобидные жидкости. В основном они помогают увидеть, почувствовать, ощутить... Любое воспоминание.

Лайгон почесал голову и спросил:

- Почему бы просто не соорудить крытую телегу, защищённую от света и не взять с собой Итель и не показать ей всё живую?

Аринго снисходительно улыбнулся, и Лайгон заметил, что и он, и Феронд смотрят на него одинаковым взглядом, будто им жаль, что он не понял глубинной сути рассказа.

- Понимаешь, - начал Аринго, подбирая слова. - Важно не просто показать что-то, а передать *свои* чувства к этому. Если Итель увидит Светило, оно не покажется ей прекрасным - оно напугает её. Поэтому нет смысла вести её во внешний мир...

Лайгон улыбнулся уголками губ, решив, что лучше прикинуться, что он всё понял. Поспешив перевести тему разговора на что-то более доступное ему, чем разговоры о любви, маг ткнул пальцем в первую попавшуюся колбу, в которой был какой-то перламутровый раствор и хаотично плавающая в нём разноцветная пыльца.

- А это что такое красивое? - спросил он, и причём спросил вполне искренно, поскольку что бы это ни было, смотрелось красиво.

- Это весьма интересное снадобье, - охотно пояснил Аринго. - Ты можешь вспомнить запах, и его смогут почувствовать все: сам запах, твоё отношение к нему, твои эмоции, вызванные им. Я хотел, чтобы Итель могла почувствовать все те запахи, что есть на поверхности...

Феронд посмотрел на алхимика и тихо спросил:

- Можно попробовать?

- Конечно! - казалось, Аринго даже обрадовался возможности показать Лайгону, как прекрасно его изобретение, а заодно разделить с кем-то чьи-то ощущения.

Аринго часто делился с Итель своими эмоциями и впечатлениями, но сам никогда не участвовал в роли принимающего.

- Для начала вспомни события, которые предшествуют тому, что ты хочешь заново пережить, почувствовать и разделить с нами. Это поможет твоему сознанию верно настроиться на нужное воспоминание. Когда наступит момент, с которого, по твоему разумению, мы должны начать ощущать запомнившийся тебе запах, пей снадобье.

- А вы? - спросил Феронд.

Аринго улыбнулся:

- А мы почувствуем запах и разделим твои чувства по отношению к нему... или к происходящему. В общем, ощутим то, что в тот момент ощущал ты.

- Нет, я хотел спросить не это, - покачал головой Феронд. - Вы ничего не будете пить, чтобы почувствовать?

- Нет, - ответил Аринго. - Эта комната разработана специально мной, и снадобья тоже. Ты откроешь флакон, и пары незамедлительно заполнят эту комнату. Ты не успеешь и глоток сделать, как все присутствующие, включая самого тебя, будут готовы воспринимать. Располагайся поудобнее, закрывай глаза и погружайся в воспоминания.

Мужчина последовал совету. Он расположился на диване, заметил, как пренебрежительно смотрит на него маг, и закрыл глаза. Лайгон усмехнулся, полагая, что воспоминание будет связано с Бравой, что, как обычно, Феронд с Аринго будут казаться по сравнению с ним способными на высокие чувства, а ему в который раз придётся отпускать шутки про ненастоящую любовь его брата к рыжеволосой красавице.

Феронд принялся вспоминать последнюю свою ночь в Валинкаре. Последнюю ночь с Бравой и первую ночь в состоянии беспричинно поселившейся в сердце тревоги.

Он лежал на своей постели, передвинувшись на место недавно покинувшей его спальню Бравы, ощущая тепло от простыней и ожидая, когда девушка вернётся из купели. Он знал, что она вернётся, знал, что нужно постараться не уснуть ни сейчас, ни когда она снова будет рядом. Впереди был поход в горы. Позади была близость с Бравой, наполненная страстью, жизнеутверждающими эмоциями и блаженством. Но умиротворения не было. Тревожно. На душе было тревожно. Забыться не получилось. Недавний визит странного человека с посохом выбил его из колеи. Незнакомец требовал от него невозможного, но говорил так серьёзно, словно дело было чрезвычайно важным. Феронд не рассматривал всерьёз слова незваного гостя, но осадок в душе остался. Да такой, что мужчина и сам не ожидал. Вроде бы и выкинул этот недавний разговор из головы, и не вспоминал даже о нём, а на сердце было тяжело. Да ещё Брава со своей соблазнительной пылкостью, которая для Феронда была сегодня так неуместна, но устоять он не смог. Знал бы, что это, возможно, их последняя ночь вместе, был бы более нежен и чаще бы шептал слова любви. Но не знал, не был и не шептал.

Всё это пронеслось в его голове беглыми воспоминаниями и вырвалось тяжёлым вздохом. Мужчина отлично настроился и выпил снадобье, готовый поделиться столь волнующим его запахом, который, вопреки ожиданиям Лайгона, к Браве не имел ни малейшего отношения.

Глава 29

Тревога. И уныние.

Запах. Слабый, совсем слабый. Если подует хоть самый хилый ветерок, от этого запаха не останется и следа. Запах воды, свежей, живой. Дождя? Реки? Родника? Или утренней росы? И ещё какой-то, такой же слабый запах, который так непохож на первый, но не отделим от него. Запах травы. Какой-то болотной травы, которую никак не удаётся вспомнить. Но рядом нет болот. Только смятые простыни, пахнущие отнюдь не свежестью. Но странный запах витал в комнате, настойчиво попадая в ноздри и заставляя думать именно о нём, и ни о чём больше. Феронд принялся. Да, тот самый запах, что иногда чудился ему последнее время. Удивление. Неверие. Откуда? И с какого момента это началось?

Кажется, впервые он почуял этот запах, когда лежал на траве у озера. Конечно, тогда от болот могло нести багульником. Именно этой травой и пахло! И свежестью. Тогда от озера пахло свежестью. Почему эта смесь запахов, которая давно перестала казаться смесью, вызывала странные трепетные чувства? Желание не отпускать его, не терять, ощутить снова. Понять, что это может значить.

Феронд снова втянул носом воздух. Запах ещё был в комнате, и мужчину охватила тревога. Он отчего-то боялся узнать... и разочароваться. Боялся прогнать странное чувство, которому никак не мог дать определение. Он закрыл глаза. В темноте было удобнее концентрироваться на обонянии. Ничто не отвлекало. Откинулся на подушки и улыбнулся глупой улыбкой. Что-то светлое и доброе было в этом запахе, хоть объективных причин для этого не было. Мужчина почувствовал, как губ коснулось что-то настолько невесомое, что он не мог определить: тёплое или холодное было это прикосновение и было ли оно вообще. Он открыл глаза, но комната по-прежнему была пуста. Кончиками пальцев дотронулся до своих губ, словно ещё ощущал прикосновение к ним. Но запах исчез. Его больше не было, сколько не пытался мужчина учуять его остатки.

- Ну как? - спросил Аринго у потрясённого Лайгона.

Тот смотрел на брата с удивлением. Он не знал, что больше его заинтриговало: возможность поделиться своими чувствами или то, что Феронд неадекватно реагирует на запах свежести и болотной травы. Маг переспросил у брата:

- Аллергия? Эффект, которому валинкарцы не подвержены... но, тем не менее, у тебя аллергия на эту траву?

- С чего ты взял? - безнадёжно вздохнув, спросил Феронд, который хоть и не мог объяснить своей реакции на этот запах, был уверен в том, что это точно не аллергия, а также в том, что Лайгон, как всегда, не проникся его переживаниями.

- Если я правильно понял, запах утра и чистой воды вкупе с запахом багульника вызывает у тебя тревогу и щекочет губы?

Багульник. Всё верно. Феронд улыбнулся тому, что не мог вспомнить, от какой травы исходит подобный аромат. Маг смотрел на его улыбку подозрительно, словно тот на глазах сходил с ума.

- Так я правильно понял? - переспросил Лайгон.

- Нет, не правильно, - признался Феронд. - Всё, скорее, наоборот. Когда мне тревожно, я ощущаю этот запах и прикосновение к губам или к щеке. Не всегда... Иногда... И нечасто.

Маг вздохнул и улыбнулся, умиляясь привычке брата всему искать какое-то высокопарное объяснение. Об аллергии он знал мало, но то, что он почувствовал на себе, вполне могло быть ею. Если бы его брат не путал причинно-следственные связи, то, возможно, признал бы его правоту. Лайгон посмотрел на Аринго, и увидел, что тот, как раз-таки, верит Феронду и его

рассказням. Маг улыбнулся шире. Ну конечно, хоть речь и не зашла о любви и Браве, но его спутники, казалось, отлично понимали друг друга. Светло-зелёные глаза уставились на хозяина лаборатории в ожидании его реплики. Тот поймал его взгляд, хмыкнул, как бы подтверждая догадки мага о том, что его считают чёрствым и бесчувственным, а потом обратился к Феронду с бесконечной чуткостью и пониманием:

- Иными словами, этот запах что-то вроде духа, который иногда посещает тебя?

- Духа? - переспросил мужчина, которому подобная мысль в голову никогда не приходила.

- Ну да, - подтвердил Аринго. - Лайгон рассказывал истории про духов...

- Сказки, - поправил маг. - Я рассказывал сказки. Истории, которых не было.

- Но так не бывает, - заметил Аринго. - История либо есть, либо нет. Если ты рассказал её - значит, она есть.

- Нет, - устало выдохнул маг и попросил: - Давай без игры слов и без софизмов. Ты знаешь, что такое сказка, и я знаю. Это просто выдумка, которая необходима, чтобы было проще формировать своё мировоззрение. Это не означает, что духи действительно существуют. Тем более, это не означает, что некий абстрактный дух выбрал своей жертвой именно Феронда из сотен валинкарцев.

Аринго посмотрел на мага так, словно разочаровался в нём окончательно и нашёл неопровержимые доказательства приземлённости его понятий.

- Во-первых, не жертвой, - назидательно сказал он. - Этот дух весьма ловко переключает внимание твоего брата с того, что гнетёт его, на себя. Поэтому я думаю, что это дружественный фантом.

- Хватит, - попросил маг. - Это всего лишь запах... - он заметил, что Феронд смотрит на него исподлобья, и снова вздохнул: - Прости. Я понял, вы считаете, что я циник... И сейчас вы, пожалуй, правы, - он постарался прекратить мыслить логически и позволить себе допустить любые невероятные мысли. - Допустим, это дух. Мы видели недлов, голема, Ореливия... мы потерялись во времени... Следует начать мыслить шире. Это действительно может быть дух. Но только... - он серьёзно посмотрел на брата. - Что ему от тебя надо?

- Я не знаю, - пожал плечами Феронд. - Но Аринго прав, он всегда оказывается рядом вовремя. Я никогда не думал о том, что запах может быть духом...

Аринго задумчиво добавил:

- Но это не только запах, раз он может оставлять чувство прикосновения на губах.

- Может, он целует тебя? - спросил Лайгон с самым серьёзным видом, однако Феронд по глазам видел, что тот подумал о Браве и не упустит возможности лишний раз намекнуть на несостоятельность их отношений. - Может, в прошлой жизни тебя кто-то очень сильно любил, а теперь ты переродился, и дух ищет тебя, но может прорваться сквозь пространственно-временной континуум лишь, когда тебе эмоционально плохо? - маг поймал на себе насмешливый взгляд брата и улыбнулся: - А что? Мы же решили, что надо мыслить шире - я и мыслю!

Феронд решил прекратить бессмысленный спор и обратился к Аринго:

- Спасибо. Мне просто хотелось вспомнить этот запах. Думаю, это не те ощущения, которыми стоило делиться, так что не обессудь.

- Зря ты так говоришь. Мне было интересно. Радость и восторг - то, чего мне хватает выше крыши, стоит только выбраться на поверхность. А твоё чувство было весьма многогранно...

Феронд усмехнулся левым уголком губ. Да уж, многогранно. Понять бы ещё, в чём смысл этого запаха и почему в сознании засела мысль, что он как-то связан с тем загадочным незнакомцем, что однажды говорил ему странные вещи.

Аринго был совершенно прав, предупреждая, что выбраться на поверхность будет нелегко. Феронд мысленно поблагодарил его за это. В том состоянии, в котором они попали сюда, выбраться бы сил им едва хватило, не говоря уже о долгом пути к дворцу.

Приходилось ползти вверх по ореливиевому тросу, который всё время светился изнутри - вытягивал из Лайгона его магические силы. К счастью, в этих краях гор ореливия было не так уж и много, и потому маг не ощущал себя опустошённым, как в плену у недлов. Однако металл был сильным, и даже этот трос мог высосать весь энергетический запас. Только сейчас это было неважно. Совершенно не важно, каким он выберется на поверхность: полным сил и стремлений, или измождённый и жаждущий отдыха. Главное - снова увидеть свет. Не важно, Светила или звёзд, лишь бы не факелов и огня, а привычный природный свет, по которому мужчина истосковался.

Перехватывая руками канат, подтягиваясь на нём и опираясь ногами в скалу, валинкарцы по очереди выбирались из подземелья. Это было довольно-таки просто, учитывая, что мужчины были бодры и сильны. Вскоре оба выбрались на свет. Это пока не была поверхность, скорее ущелье. Но зато выкарабкавшись из этого ущелья, можно было оказаться уже на переходящем в равнину скалистом пологом склоне.

Выбравшись наверх, валинкарцы свесились вниз, пытаясь различить внизу в свете факелов провожающих их недлов и полумагов.

- Спасибо, Аринго! - крикнул ему Лайгон, который только теперь смог облегчённо вздохнуть: до этого момента он всё ещё не верил, что однажды выберется из подземелий.

Нестройный хор голосов ответил нечто одобрительное, по интонации похожее на напутствия. Валинкарцы переспрашивать не стали. Им ещё предстояло взбираться вверх по каменным уступам, чтобы в итоге, наконец, оказаться на равнине или хотя бы увидеть её.

Аринго предварительно рассказал своим гостям, как следует выбираться и какой стороны ущелья держаться. Так что проблем у них не возникло. Вскоре они уже стояли на скалистой поверхности горы и смотрели на подножие, поросшее травами. Лайгон посмотрел на брата, и взгляд его лучился от радости. Они были на свободе и на поверхности. Недлы, плен и мрачные подземелья остались позади. Что ждало их впереди, пока не хотелось загадывать. Они стояли, улыбаясь и шурясь на яркий свет Светила, и ощущали себя самыми счастливыми на свете.

Свежий воздух, буйство красок и простор. Как же этого не хватало им весь этот ужасный месяц! Не сговариваясь, валинкарцы двинулись вперёд, вниз по склону. Они торопились, словно хотели поскорее убраться подальше от гор. Словно опасались, что Аринго передумает прощаться с ними и заставит вернуться. На самом деле им просто хотелось, наконец, ощутить под ногами мягкую траву, а не твёрдый камень. И, едва они вышли на равнину, поросшую разнообразными цветами, как, опять же не сговариваясь, повалились на землю.

Феронд закрыл глаза, наслаждаясь неповторимым моментом простого счастья, которое так недоступно в обычные будни и которое теперь переполняло всё его существо. Маг, напротив, смотрел в небо широко распахнутыми глазами. Дневное небо было вечным и казалось неизменным. Лишь ночью было заметно, что Валинкар постоянно движется и не стоит на месте. А днём небо было постоянным. Разным, конечно, но в целом постоянным. И сейчас, глядя на перистые облака в ярко-голубом небе маг думал о том, что очень легко представить, что никакого похода в горы не было. Что не прошло столько времени, потому что сейчас он не представлял, как сумел прожить месяц под землёй. Без света и без этого неба. Мысли привели его к весьма неуместному вопросу, который мог испортить приподнятое настроение и ему, и Феронду. Но он всё же задал его:

- Как думаешь, сколько нас тут не было?

- Больше, чем два года - это уж точно, - ответил мужчина беззаботно, и маг улыбнулся.

Сейчас ничто не могло омрачить их радость от вновь обрётённой свободы.

Глава 30

Ответ на вопрос мага он нашёл самостоятельно, как только стемнело. Ночь застала валинкарцев на пути к дворцу. Ни одна живая душа не встретила их на пути, поскольку жители Валинкара редко так далеко заходили. Мужчины решили идти всю ночь, но вскоре стало понятно, что силы свои они переоценили. Их организмы находились в странном расслабленном состоянии, поскольку чистый воздух опьянял, а сознание не успевало реагировать на постоянные всплески положительных эмоций. Не прошло и пяти часов, как мужчины выбрались на поверхность, а усталость уже овладевала ими. Маг остановился и поднял взгляд в небо. Оно было совсем не таким, каким он запомнил его. Полосы из звёздной пыли, что раньше были над головой, ушли куда-то почти за горизонт, и можно было видеть лишь их кончики. Мужчина нахмурился, прикидывая, за какое примерно время Валинкар мог настолько переместиться, а после предложил брату:

- Давай передохнём... Думаю, нам некуда спешить...

- Что ты имеешь в виду? - переспросил Феронд. - Что значит, «некуда спешить»? Ведь дворец на месте, и там живут те, кто ждёт нас...

Лайгон вздохнул. С братом, конечно, не поспоришь - он прав, но только являться вымотанным маг не хотел.

- Нас не было около десяти лет, - поделился он своими подсчётами. - Вряд ли есть смысл утомлять себя бессонницей, ради того, чтобы выиграть день.

Десять лет. Феронд был морально готов к такой цифре, и она даже не показалась ему столь устрашающей. Могло быть и хуже. Он кивнул Лайгону. Пожалуй, действительно стоило отдохнуть.

Они расположились у дерева, подстелив прошлогодние сухие листья, которые сгребли в кучу. Получилось мягко и даже вполне тепло. Уставшие путники быстро задремали, не успев даже обсудить планы на будущее и поделиться впечатлениями от этих недолгих часов свободы.

Маг, из которого ореливиевый трос вытянул магическую энергию, постепенно восполнял её. Но от этого сон его был более глубоким, чем у Феронда, и он не услышал подозрительных шорохов, которые разбудили его брата.

- Лайгон, - тихо позвал Феронд, и тот замычал в ответ нечто невнятное. - Да тише ты... - он потрепал его за плечо, вынуждая проснуться, открыть глаза и с недовольством воззриться на брата.

- Ну что? - лениво спросил он.

Ему начинало надоедать, что Феронд постоянно будит его. И хотя каждый раз это действие было оправданным, всё же магу такая тенденция не нравилась, поскольку заставляла его считать себя небдителем.

- Прислушайся, - посоветовал Феронд. - Там, за зарослями, кто-то идёт...

Лайгон нехотя поднялся, стараясь не производить лишнего шума. Прислушался, как ему и рекомендовали. Действительно кто-то шёл, и явно не зверь, а некто двуногий. Маг замер. Это вполне мог быть недл. Сейчас ночь, и ушли они недалеко от гор. Возможно, сбежавших пленников ищут. Кто знает, какие тайные тропы есть у этих тварей. Маг весь обратился в слух. Шедший был один, и его от замерших валинкарцев отделили лишь заросли кустарника. Феронд хотел было пойти и посмотреть, кто там, пока он не прошёл, но Лайгон жестом остановил его. Маг постарался использовать свои восполненные силы, и на удивление легко и быстро у него это получилось. Под его взглядом ветви кустарника разомкнулись и с тихим шелестом листьев разогнулись в разные стороны, позволяя узреть фигуру идущего незнакомца. Это был точно не недл, поскольку недлы низкорослы. А раз не недл, то точно валинкарец, поскольку больше никаких других похожих рас на планете не обитало.

Феронд кивнул в сторону удаляющегося путника, которого шелест листвы не привлёк и он даже не обернулся. Лайгон понял, что брат имеет в виду. Подойти и поговорить. Узнать, куда это посреди ночи этот валинкарец идёт, да ещё один и так далеко от дворца.

Мужчины, не заботясь о маскировке, оббежали кусты и принялись догонять принявшего удирать путника. Ему явно не пришлось по душе, что из темноты леса на него выскочили двое молчаливых субъектов. И он со всех ног ринулся вперёд. Валинкарцы бросились за ним, стараясь избегать веток, которые постоянно пытались попасть по лицу. Погоня была довольно вялой, поскольку носиться по лесам было непривычно всем троим, и как таковой скорости развить никому из них не удавалось. Они боялись запнуться, напороться на сук или поскользнуться на влажной траве.

- Стой же ты! - крикнул незнакомцу Феронд, пытаясь нагнать. - Мы не обидим тебя!

Голос мужчины буквально пригвоздил беглеца к земле. Он замер резко, так что Феронд и сам не ожидал такой реакции. Лайгон и его брат подбежали к путнику, который смотрел в землю, и накиннутый капюшон не позволял понять, кто перед ними.

- Мы не хотели пугать... - виновато сказал Феронд, полагая, что они изрядно напугали несчастного своим внезапным появлением и немотивированной погоней.

Незнакомец вздрогнул от голоса мужчины, и Феронд решил больше ничего не говорить. Беглец тем временем скинул с головы плащ, и оба валинкарца узнали в нём целителя Илруха.

- Феронд? Лайгон? - лекарь переводил ошалелый взгляд с одного валинкарца на другого.

- Но ведь вы... - он замялся, не зная, как потактичнее сказать, что они мертвы уж не один год.

- Что - «мы»? - поинтересовался маг, тревожно глядя на Илруха.

- Вы умерли, - честно ответил лекарь, нервно сглотнув, и уточнил: - Двенадцать лет назад... Погибли...

- Как именно мы погибли? - поинтересовался Феронд.

- Никто толком не знает. Правитель видел ваши последние шаги. Он пытался спасти вас от чудища, которое манило вас в ловушку у озера, но не успел. Он и сам пострадал, я долго лечил его... Но его-то вылечил, а вас так и не нашли... как и чудовище.

- Что за бред? - прямо спросил маг. - С чего бы Мэггону придумывать нам трагическую смерть?

- Мэггону? Нет, ваш отец верил, что вы возвратитесь, и постепенно он стал одержим идеей найти вас. Он столько сил тратил на это, что Гринор... - валинкарцы напряглись при упоминании имени своего врага. - Он решил взять управление Валинкаром на себя...

- Власть - это не игрушки! - заметил Феронд гневно. - Как можно взять управление на себя?

- Очень просто, - вздохнул лекарь, во все глаза разглядывая сыновей Мэггона, словно они были чудом. - Достаточно было победить в личном поединке, чтобы занять трон. Ваш отец... он был слабее, и...

- Гринор убил Мэггона? - грозно спросил Феронд.

Лайгон видел, что тот в гневе. Давно его брат не приходил в такую ярость. Пожалуй, с первого дня их заточения он не видел этого опасного, не предвещающего ничего хорошего, блеска в карих глазах.

- Да... - промямлил лекарь и осторожно добавил: - Но «убил» - не совсем верное слово...

- Это самое верное слово! - прошипел Феронд, хватая ни в чём не повинного лекаря за ладканы камзола.

Илрух постарался втянуть голову в плечи. Вид разгневанного Феронда, некогда самого сильного валинкарца, пугал его. Маг смотрел в землю прямо перед собой, пытаясь собрать мысли, которые разлетелись на осколки от страшной новости.

- Он убийца и предатель, ясно тебе? - лекаря резко встряхнули и отшвырнули в сторону, отчего тот повалился на землю.

Оставшись сидеть на траве, он опасливо глядел на валинкарцев. Злые, угрюмые, бледные, словно тени, они действительно внушали бы ужас, если бы не заметная худоба. И без того стройный маг теперь имел совсем уж острые черты лица, и глаза его стали казаться большими и устрашающими. Вечно прибывающему в отличной форме Феронду три недели жизни впроголодь тоже не пошли на пользу: казалось, он стал уже в плечах, осунулся и заметно похудел. Откуда они такие взялись после дюжины лет отсутствия, Илрух и предположить не мог. Спрашивать, естественно, не решился.

- Мы должны отомстить ему! - крикнул Феронд магу, словно тот был далеко от него и не мог услышать, если бы брат сказал спокойно.

Но даже этот выкрик донёсся до мага словно издалека, поскольку мысли мужчины были далеко. Они с Ферондом опоздали. Их не было слишком долго. Валинкар изменился. Их мир, их дом больше не принадлежал им, и они не чувствовали себя его частью. Гринор убил Мэггона в каком-то поединке. Сумел, стало быть, убедить всех в том, что кровь валинкарцев не священна, а потом напомнил о древнем обычае со смертельным боем один на один. Лайгон почувствовал то странное чувство, которое испугало его, когда он погрузился в горячую воду купели у Аринго. Он был готов убивать и мстить. Он хотел крови и жаждал вендетты. Если бы у него только было больше магических сил. Маг посмотрел на Илруха и припомнил давний разговор с ним. Что же должно произойти, чтобы силы раскрылись, если даже весть о вероломном убийстве отца не помогает почувствовать в себе мощь магической энергии? Что могло бы потрясти сильнее этого? Или не потрясти, а обрадовать? Хотя сейчас, стоя на ватных ногах и глядя на растеряннo сидящего на земле лекаря, маг не мог допустить мысли, что когда-нибудь ещё сможет радоваться и искренне улыбаться.

Наряжённую тишину, пронизанную гневом, отчаяньем и ненавистью нарушил голос Феронда.

- Где Брaва? - глухо спросил он, и маг посмотрел на него почти с презрением, добавив свои вопросы:

- И где Лаивсена с Эларой?

Илрух поспешил успокоить их:

- С ними всё хорошо! - а потом добавил: - Наверно, всё хорошо. Они ушли довольно давно. Правитель сперва хотел просто жениться на вашей сестре, но она не верила ему и его историям о вашей гибели. Она не простила всем, что вас так быстро записали в мертвецы. Брaва поддержала её, и Элара, конечно, тоже не могла так просто забыть вас. Они покинули Валинкар в день смерти Мэггона. Я говорил с ними: они уходили в леса, что примыкают к горам. Там хорошо. Много птиц, речка, в которой полно рыбы. Тепло. Они ушли туда несколько лет назад, и мы лишь иногда общаемся - пишем друг другу послания и передаём разными хитрыми способами... Мне оповестить их, что вы живы?

- Не стоит, - угрюмо отозвался Феронд. - Мы живы... но, возможно, это ненадолго...

Илрух осмелел, поднялся с земли и теперь стоял, молча глядя на удручённых сородичей. Лайгон пытался свыкнуться с мыслью, что во дворце их никто не ждёт, и что за всё то время, что они стремились попасть домой, дома у них попросту не стало. Магу, который и так всегда наплевательски относился к традициям, теперь было ясно, что возвращаться и жить там, где был убит Мэггон, он не станет.

Феронд же пытался найти решение проблемы. Он, привыкший быть единым со своим народом, не мог поверить, что выхода действительно нет, и Гринор будет купаться в славе и роскоши, никем не уличённый.

- Можно собрать Совет! - припомнив все рассказы Лайгона, которыми тот потчевал его в плену, предложил мужчина. - Этого не делали несколько тысяч лет, но, когда наши предки не знали, как верно поступить, они собирали Совет. И в Валинкаре есть те, кто относятся к нему и должны собраться по первому зову и оказать помощь в принятии решения!

Лекарь смотрел на возвратившихся валинкарцев с сочувствием. Они ещё не понимали, что забыты и никому толком не нужны. Не понимали, что их появление лишь нарушит привычную гармонию и устоявшийся уклад жизни. Не понимали, что у них нет шансов что-либо доказать и добиться справедливости.

- Совет может созвать только правитель, - напомнил лекарь. - А правитель у нас кто?

Лайгон провёл ладонью по лбу, на котором выступили капельки пота. Он не знал, что сказать и что придумать.

- Илрух, это нельзя так оставить! - с отчаяньем воскликнул он.

- Как - «так»? - грустно переспросил Илрух. - Всё было честно. Гринор вызвал Мэггона на поединок, по всем правилам. Ваш отец погиб достойно. Гринор стал правителем.

- Он предал нас, - тихо напомнил Феронд, начиная осознавать, что никому в Валинкаре нет до этого дела. - Бросил умирать, а сам отправился сюда.

- Я понимаю ваши чувства... - по глазам Илруха было видно, что он и вправду разделяет их боль. - Но он правитель. Признанный. Нельзя идти против него. Никто не пойдёт. Таковы традиции...

- Проклятые традиции! - воскликнул Феронд. - Эти традиции создавались в мирное время, когда все жили честно. Сейчас другой случай!

- Илрух прав, - вздохнул маг. - Валинкарцы слишком привержены традициям. Они признали Гринора, а, значит, пойдут с ним до конца. Мы ничего не докажем им. Можно пытаться, но они не послушают, не услышат, не захотят услышать.

Феронд с надеждой посмотрел на лекаря. Не могло быть так, что всем нет до них дела. Ведь целитель соперничает им. Он рассказал им обо всём. Не один же он такой на этой планете!

- Но, Илрух... - тихо начал мужчина. - Ты же нам веришь!

- Верю, - согласно кивнул тот и тихо добавил: - Но, если придётся выбирать, на чьей я стороне, то я с Гринором.

- А как же честь, достоинство, верность, в конце концов! - возмутился маг, который, в принципе, не ожидал от валинкарцев чего-то хорошего, но столь прямое заявление всё же показалось ему перебором.

Лекарь посмотрел на мага взглядом, в котором виднелось неприкрытое сожаление, граничащее с жалостью:

- Лайгон, эти понятия есть в твоих книгах, но там они немного искажены...

- Это у вас они искажены! - отчеканил маг.

- Не суть, - вздохнул Илрух. - Для нас честь и верность служить правителю, а не разбираться, как он им стал. Феронд отлично знает это... должен знать...

Он действительно знал. И, хуже всего, понимал, что наверняка Мэггон бы лично осудил его за желание уничтожить нового правителя. Это было против правил, против законов и против традиций. Но Феронд чувствовал, что это правильно. Его гнев, злость и переполняющая душу ненависть - это правильно. Отомстить - вот то единственное, чего он жаждал в этот момент. Желание отыскать сестру, мать и возлюбленную отошло на второй план. Он хотел мести.

Лайгон видел это. Он чувствовал то же самое, только разум его оставался трезв, и не позволял надеяться на то, что они победят в этой борьбе за справедливость.

- Илрух прав, - тихо признал маг, отводя взгляд от брата, словно предавал его. - Вдвоём против всех жителей Валинкара мы ничего не сможем сделать. Гринор - правитель...

- Значит, я вызову его на смертельный поединок! - нашёл единственный выход Феронд.

Лайгон посмотрел на него с жалостью. Недели в камере не научили его брата трезво оценивать свои силы и честно признаваться себе, когда противник действительно сильнее. Он

остался таким же: уверенным в себе, излишне мнящим себя непобедимым и сильным и совершенно не желающим размышлять о последствиях своих горячечных поступков.

- Ты проиграешь! - заявил ему Лайгон, не стараясь вселять ложные надежды. - Три недели нас кормили лишь для поддержания жизни, и ты думаешь, за неполную неделю твои силы восстановлены?

- Я в порядке! - огрызнулся Феронд, которому хотелось поскорее добраться до врага и покончить с ним, а не тратить время на возвращение себе сил.

- Феронд, ты не тренировался месяц! - напомнил маг, взывая к элементарной логике. - Раньше ты делал это каждый день, и был непобедим, но сейчас...

- Думаешь, Гринор часто тренировался? - перебил его вопросом брат. - Он у власти уже не первый год, и никто не рискует сразиться с ним! Он наверняка не участвует в состязаниях - правители слишком величественны для этого. Думаешь, он сильнее меня?

Лайгон вздохнул. Устало, безнадежно. Попытался воззвать хотя бы к инстинкту самосохранения, раз логика сейчас была недоступна горящему ненавистью Феронду:

- Ты хоть понимаешь, что либо ты его, либо он тебя? Вдвоём живыми вы не останетесь? Таков закон!

- Кажется, ты не признаёшь законов, Лайгон! - усмехнулся Феронд с самонадеянным видом, направляясь в сторону дворца. - Если он убьёт меня - убей его. Он будет слаб, и у тебя появится шанс...

Маг не ответил, молча последовав за братом. Он знал, что это закончится плохо. Гринор уничтожит их. Лайгон обернулся, глянув на Илруха, который стоял и смотрел им вслед. «Запоминай нас, - мысленно посоветовал ему маг. - Больше ты нас живыми не увидишь». Он подарил печальную улыбку лекарю, и дальше шёл, не оборачиваясь. Стоило насладиться этим миром, который он видел, возможно, последний раз в жизни.

Глава 31

Дворец, к которому пришлось добираться почти двое суток, был почти таким же, как двенадцать лет назад. Мужчины задержались в пролеске, наблюдая издали за привычной жизнью своего народа. Всё шло своим чередом. Не было ничего такого, что заставило бы думать, что отныне это враждебная территория. А если не враждебная, то скоро станет ей. Стоит только заявиться к Гринору и бросить ему вызов. С того момента все будут смотреть на них, как на предателей. Самое забавное, что эти взгляды тут же изменятся, стоит лишь убить правителя и занять его место. В голове Феронда это не укладывалось. Это ломало его мировоззрение, полностью сметая все те принципы, по которым он жил. Больше его народ не мог быть его народом, его Валинкар не мог быть его домом. Он не представлял, что будет делать, когда убьёт Гринора и станет правителем. Ему не нужен был этот проклятый трон, не нужно было уважение этих валинкарцев, которые так легко меняли свои убеждения. Сейчас им двигала слепая жажда мести, и он просто хотел, чтобы Гринор перестал существовать. Остальное не имело значения. Если бы он не мог бросить вызов - то напал бы при удобном случае. Вот только тлея ещё в его бешено колотящемся сердце надежда, что валинкарцы не такие, как говорит Илрух. Что они увидят возвратившихся сыновей Мэггона, и проявят уважение к ним и доверие к их словам.

- Мы пойдём в тронный зал, - предупредил Лайгона Феронд. - Не говори ни с кем, ни на что не отвлекайся. До захода Светила мы должны бросить вызов, чтобы не ждать лишний день.

- Вообще-то, это ты любитель поболтать с народом, - напомнил маг, и мужчина нахмурился, вспоминая себя и свои заблуждения, в которых так долго пребывал.

Они решительно вышли из перелеска и направились через поле к дворцу. Их встречали удивлёнными взглядами, тихим перешёптыванием и любопытством в глазах. Никто не решался приблизиться и что-то спросить. Грозно и мрачно смотрелись эти двое, быстрыми шагами идущие к воротам. Валинкарцы замирали и провожали их взглядами, при этом пытаясь очистить путь. Зашуганные. Раньше бы никто не стал столь опасаться даже разгневанного валинкарца. Что-то изменилось. Пропала лёгкость в общении между жителями. Они старались избегать тех, от кого могла исходить опасность. Лайгон быстро заметил связь этого с тем, что Гринор наверняка просветил всех о том, что кровь валинкарцев не священна. Теперь наверняка можно было схлопотать в драке или оказаться и вовсе убитым, если сильно досадить кому-либо.

Феронд старался не заглядывать в лица. Они все были слишком знакомы ему. Мужчина хотел оставить в своей памяти жителей такими, какими они были дюжину лет назад. Хотя бы ненадолго побыть в иллюзиях, что всё можно исправить. Да, Мэггона уже не вернуть, но в остальном можно было всё исправить. Он лгал себе. Впервые лгал, осознавая это, но не в силах позволить себе признать - как раньше не будет никогда. Это чувство впервые посетило его, и он прогнал его довольно успешно. Несчастный Феронд ещё не подозревал, что ему предстоит сродниться с этим неприятным чувством и испытывать его постоянно. Он не знал ещё так много, заходя во дворец и направляясь в сторону тронного зала.

Тяжёлые кованые двери распахнулись, и Феронд со своим старшим братом ступили на мраморный пол зала, в дальнем конце которого находился пустующий трон. Гринора в зале не было.

- Где он? - крикнул Феронд неизвестно кому, и голос его пронёсся эхом по пустому залу.

Он посмотрел на Лайгона, который уже выходил из этого помещения. Не было тут правителя. И маг считал, что незачем попусту кричать и тратить время. Он остановил первого попавшегося валинкарца, не смог припомнить имя, но обратился к нему, поскольку все так тщательно обходили мага и Феронда, что было проблематично вообще кого-то отловить.

- Где Гринор? - как можно доброжелательнее спросил Лайгон, но голос подвёл его и прозвучал как-то приглушённо и хищно.

Валинкарец смерил говорившего взглядом, в котором было удивление и страх. Маг нахмурил брови: гордые валинкарцы всегда отличались яростью, а не обострённым инстинктом самосохранения. Жалкое зрелище для мага они представляли теперь, когда боялись обидеть собеседника и получить от него сдачи.

- Правитель в это время всегда отдыхает в своих покоях, - ответил валинкарец с почтением в голосе, причём почтение это было к Гринору, а не к Лайгону.

Маг собирался направиться туда, где располагались покои его врага, по крайней мере, раньше, но валинкарец решился спросить:

- Где вы пропадали?

- Долгая история, - отозвался Феронд. - Мы расскажем. Позже и при всех жителях Валинкара. Гринор там? - он указал в примерное расположение комнаты своего бывшего приятеля, и собеседник кивнул.

Мужчина практически бегом направился к лестнице. Лайгон бросился за ним. Они преодолели ступени быстро, пробежали по коридору и остановились у нужной двери. Феронд принялся колотить по ней кулаками, выкрикивая имя врага, но тот не отпирал дверь.

- Гринор, будь ты проклят, открывай! - надрывался Феронд, принимаясь попеременно то бить по двери ногами, то пытаться вышибить её плечом. - Открывай, подлый предатель! Ты слышишь меня?

Не слышать его было трудно. Он кричал во всю мощь своего голоса, громко, отчаянно. Дверь не поддавалась, и он кричал снова, примерно то же самое, поскольку на изощрённость фантазии не хватало, да и ни к чему она была в этот момент. Мужчине казалось, что теперь, если Гринор всё же решится отворить дверь, он убьёт своего врага на месте, безо всяких условностей и традиций, без вызова и поединка. Просто придушит на месте.

Вокруг начали собираться валинкарцы. Они теснились в коридоре по обе стороны от разъярённого Феронда и стоящего рядом мага. Жители дворца смотрели с интересом, словно не понимали, что это не просто занятное зрелище, а страдания их сородича, который иступлённо пытается попасть в покои того, кто достоин смерти. Не замечая ничего и никого вокруг, Феронд не обратил внимания на то, что толпа расступилась, и Гринор смело приблизился к нему. Это был поистине смелый шаг - подойти к беснующемуся врагу, которого столько лет считал мёртвым. Маг пытался привлечь внимание брата, но без толку. Тот вознамерился вынести эту дверь, чего бы это ему ни стоило. Новый правитель Валинкара был немало удивлён, увидев брошенных им в горах валинкарцев. Он долго и пристально смотрел на них, замерев и даже не пытаясь скрыть свою обескураженность. Но потом он всё же вернул себе самообладание. Видимо, прикинул, что ничего плохого в том, что эти двое каким-то образом продержались у недлов столько лет и заявили во дворец, нет. Гринор расправил плечи и гордо поднял голову, а во взгляде появилась холодная надменность. Он обратился к Феронду пренебрежительно и сухо:

- Ты ищешь меня, мой друг?

- Я тебе не друг! - прошипел Феронд, замирая от знакомого голоса и поворачиваясь к Гринору.

Он метнулся к правителю, желая выместить злобу, но того загродили валинкарцы. Бить их Феронд не решился. Не из трусости, а по старой памяти. Он никогда не бил кого-либо не на состязаниях. И сейчас не смог преодолеть какой-то давно устоявшийся внутренний барьер. Он стоял, тяжело дыша, и сверлил взглядом валинкарцев, которые с такой готовностью бросились защищать своего предводителя. Илрух был абсолютно прав. Феронд на несколько секунд закрыл глаза, пытаясь справиться с нахлынувшей яростью. Сейчас нельзя нападать. Их много. Жизнь в плену научила его хотя бы иногда признавать свою беспомощность, как бы противно и больно от этого ни было.

Лайгон обратился к собравшимся:

- Послушайте! Все вы помните нас, помните нашего отца и тот мир, в котором все мы жили счастливо! Гринор - подлец, предатель и смутьян! Он убил Мэггона ради трона. Он избавился от нас на долгие годы, надеясь, что мы погибнем в горах. Этот валинкарец предал нас, предал Мэггона. Нельзя идти за ним и следовать его воле лишь потому, что он правитель! Его путь к трону лежал через низкие, недостойные поступки! - маг искал в глазах хоть одного жителя хотя бы тень сомнения, но тщетно.

Его слова ничего не значили. Он был лишь призраком прошлого, так некстати внезапно ожившим. На него смотрели именно так - словно видели умершего давным-давно и почти забытого валинкарца. У мага опустились руки. Он ссутулился и стал казаться совсем жалким. Худой, уставший, осознавший всю безнадежность ситуации. Он выглядел так, что не мог вызвать у Гринора и его приспешников ничего, кроме отвращения. Такой потрепанный субъект не казался достойным противником, да и слова его прозвучали неубедительно.

- Ты смеешь оскорблять меня? - изогнул бровь выступивший вперед Гринор, с презрением разглядывая мага.

- Ты знаешь, что каждое моё слово - правда, - отозвался Лайгон.

- Слова, слова... - задумчиво пробормотал Гринор, разглядывая осунувшегося мага. - Слова ничего не значат. Значение имеют сила и власть. Бедный Лайгон так и не уяснил эту простую истину. Ты оказался не только слаб, но и глуп, - он испепелял мага взглядом, и тот отвечал ему тем же, продолжая выслушивать речь правителя. - Слова, буквы, книги... Это, кстати, они открыли мне лёгкий путь к трону. Твои любимые книги... они погубили твоего отца. А слова погубят тебя. Потому что нельзя оскорблять кого бы то ни было в Валинкаре. Теперь это карается смертельным поединком, Лайгон...

Феронд понял, к чему клонит Гринор. Бросить вызов магу - означает убить его. Шансов у Лайгона не было. Он не боец, и ему нечего противопоставить силе и навыкам правителя. Чтобы не дать роковым словам сорваться с губ Гринора, мужчина перебил его, выкрикнув:

- Я вызываю тебя на поединок!

Правитель перевёл взгляд на Феронда и посмотрел на него так, словно вообще забыл о том, что тот находится рядом и теперь был удивлён, обнаружив его.

- Ты уверен? - оценивающе разглядывая некогда могучего валинкарца, спросил Гринор, делая вид, что даёт шанс одуматься. - Ты пока что не оскорблял меня, по крайней мере, при мне. Подумай, стоит ли играть с огнём. Я сражусь с твоим братом, он падёт, а ты сможешь жить, как раньше, - он издевательски смотрел в пылающие ненавистью карие глаза и явно получал удовольствие от всего происходящего.

Кажется, он определился, какие чувства вызвало у него столь неожиданное появление сыновей Мэггона. Радость и предвкушение. Радость от того, что намечается веселье и предвкушение от того, что он сможет вдоволь поглумиться над теми, кого так презирал и кто за эти годы превратился в поистине жалкое зрелище.

Феронд процедил сквозь зубы:

- Прими вызов или уйди с позором.

Губы Гринора исказила злорадная улыбка:

- Ты так же глуп, как твой брат. И я не откажусь от удовольствия проткнуть тебя мечом.

- Ты имеешь право взять три дня на подготовку! - великодушно напомнил Феронд, на что Гринор злорадно хмыкнул:

- Мне не нужны эти три дня... Вернее, нужны, но я воспользуюсь ими иначе.

- Ты не воспользуешься ими уже никак, если сейчас откажешься от них, - дерзко крикнул Феронд. - Ты умрёшь...

- Возможно, - не стал спорить Гринор. - По закону ты вверяешь мне свою жизнь, а я тебе - свою. Каждый из нас должен стремиться отнять её у другого. По закону. А ещё, опять же, по закону, я должен сразиться с твоим братом... поскольку он оскорбил меня ложными

обвинениями в предательстве, - Гринор хищно улыбнулся. - Он ведь по-прежнему не умеет держать в руках меч? Значит, погибнет быстро и не увидит твоего позора... А жаль...

Феронд бросил взгляд на мага. Тот был зол, но мужчина отлично знал, что он не продержится и минуты против Гринора. Он и в не истощённом состоянии сражаться не умел, а теперь-то уж и подавно шансов у него не было. Бой с ним напоминал бы простую расправу над тем, кто не может противостоять противнику.

- Ты не посмеешь... - прошипел Феронд, хотя уже понял, что занявший трон его отца валинкарец способен на любую подлость и низость.

- Посмею, - признался Гринор. - На *моей* планете нельзя просто так оскорблять своих сородичей, тем более, правителя. Это карается местью - праведной, узаконенной. Но, раз твой брат тебе так дорог, можно договориться...

- Чего ты хочешь? - прямо спросил Феронд, подозревая, что условия будут крайне невыгодными, но его в любом случае вынудят принять их.

Но он, как ему показалось, ошибся. Так показалось ему, поскольку на первый взгляд Гринор действительно давал ему шанс сохранить жизнь Лайгона, при этом было даже не обязательно умирать самому или добровольно оставлять Гринора у власти.

- Ничего не хочу, - заявил правитель. - Условие простое: мы с тобой сражаемся в поединке. Если проиграешь ты - то проиграешь обе ваши жизни: и твою, и его. Если выиграю я, то заберу ваши жизни, обе: и твою, и его. Это условие для тебя выгодно тем, что тебе не придётся видеть смерть твоего брата, а для меня оно привлекательно тем, что Лайгон увидит, как бездарно ты сражаешься. По-моему, честно.

- Так тому и быть, - согласился Феронд.

- Что ж! - обратился Гринор к притихшей и ошарашенной публике. - Завтра на рассвете мы простимся с этими валинкарцами теперь уже навсегда! Приятно было повидать их снова, но ведь мёртвым нет места в мире живых!

- Твоя душа прогнила изнутри, Гринор! - выкрикнул Феронд.

- Не шуми, - мягко сказал ему правитель. - Тебе стоит выспаться, выбрать в оружейне оружие...вспомнить, как с ним обращаться... Эти милые валинкарцы... - он обвёл рукой присутствующих, - ...хотят красивого эффектного зрелища. Ты погибнешь. Но, ради них, продержись хоть немного и погибни красиво!

Гринор развернулся и направился сквозь расступающуюся толпу, на ходу бросив всем собравшимся:

- Не отвлекайте их от подготовки и позвольте провести последний день жизни с комфортом и в спокойствии.

Валинкарцы послушались этой просьбы и стали разбредаться, кидая косые взгляды на двух мужчин, стоящих у двери в покои Гринора.

- Пойдём, надо подобрать мне меч, - мрачно сказал Феронд Лайгону, направляясь по опустевшему коридору к лестнице.

Глава 32

Оба сидели на кровати Феронда и смотрели на портрет Бравы. Эти покои никто не забрал себе, и ничто не пропало из них. Феронд бережно стряхнул пыль с портрета и некоторое время молча всматривался в нарисованные глаза. Любимая девушка, которая теперь была где-то далеко, смотрела на него беспечно. Лайгон считал это взглядом, не обременённым интеллектом, но даже ему сейчас так не показалось. Маг смотрел то на портрет, то на брата, и сердце его сжималось. Он знал, что завтра они оба проиграют. Погибнут. Феронд не увидит больше свою рыжеволосую красавицу, и это было важно и ужасно больно. Стало так незначимо то, что маг по-прежнему не верил в величие их любви. Ему было отвратительно тоскливо, и он не мог видеть этой глупой надежды в глазах Феронда.

- Ты не сможешь победить, - тихо прошептал он, словно надеялся, что брат не услышит.

- В твоих сказках добро всегда побеждает зло, не так ли? - усмехнувшись, спросил Феронд.

- Сказки - истории, которых никогда не было, - процитировал сам себя маг. - А мы в реальности. И здесь зло уже победило, отпраздновало победу и укоренилось.

- Так вырвем его с корнем! - самоуверенность Феронда начинала раздражать. - Ведь так делают с сорной травой, так делают с тем, что не нужно. Я убью Гринора...

- Ты не убьёшь его, Феронд, - отрезал маг. - Я... знаю, что должен поддержать тебя, сказать, что ты всё сможешь, и что всё будет хорошо... Но не будет...

Брат нахмурил брови и сурово посмотрел в светло-зелёные глаза:

- К чему ты клонишь?

Лайгон нервно сглотнул под пристальным взглядом. Больше ходить вокруг да около смысла не было, и маг начал:

- Ты ведь любишь Браву. Ты всё это время хотел снова быть рядом с ней. И... единственный шанс - это уйти...

- Уйти? - не поверил своим ушам мужчина.

- Да, Феронд! - подтвердил маг. - Уйти сейчас! Потому что завтра этого шанса у нас уже не будет. Завтра нас убьют!

Феронд смотрел с удивлением и неверием. Его брат предлагал отступить, сдаться перед боем, ретироваться... признать свою слабость.

- Ты... боишься? - прямо спросил он, и взгляд его стал меняться: становиться настороженным и подозрительным.

- Нет же! - воскликнул маг, снова пытаясь донести свою мысль до брата. - Послушай, Брала, Лаивсена и Элара где-то живут. Мы нужны им. Мы могли бы найти их и отправиться жить к Аринго. А потом, через пару лет, вернуться в Валинкар и посмотреть, каким он стал. Возможно, тогда...

- Ты предлагаешь мне сбежать? - уточнил Феронд, всё ещё не веря, что Лайгон может ему такое предлагать. - Сдаться? Запятнать своё имя позором?

Маг переборол желание отвести взгляд от пылающих негодованием глаз и ответил:

- Я предлагаю тебе выбрать жизнь с любимой, а не мечь! Ты видел Аринго - он тоже ушёл перед решающим поединком!

- Но он не испугался поражения! - парировал Феронд.

- Да, он испугался победы! - заметил маг. - Но важно не это! Он выбрал любовь, выбрал свою Итель... Предпочёл жизни на поверхности жизнь внутри гор, лишь бы быть с той, которую любит!

- Лайгон... - Феронд покачал головой, с ужасом осознавая, насколько его брат упёртый в своих глупых идеях. - Ты даже сейчас пытаешься доказать мне, что я не люблю Браву!

- Да нет же! - возмутился маг, которого неправильно поняли и несправедливо обвинили.
- Я пытаюсь убедить тебя уйти. Потому что здесь нас ничто не держит, кроме мести! Невозможной мести! Ты можешь прожить жизнь с любимой. Помнишь, ты ведь хотел этого? Ты об этом мечтал. И у тебя есть такая возможность. Прожить в горах с Бравой или умереть завтра от руки Гринора - выбор очевиден.

- Уходи, - тихо и сухо попросил Феронд.

Ему было противно, и он перевёл взгляд в пол. Противно от того, *что* говорил Лайгон, а также от того, что он мог оказаться прав. И мечты его никогда не сбудутся, и он зря стремился добраться до Валинкара и действительно не встретится больше с Бравой. Маг словно искал его: предлагал выбрать то, что хочется, забыв про то, что нужно и что необходимо.

Лайгон смотрел на поникшего Феронда и всё ещё надеялся, что тот понял и услышал его, но тот повторил, уже громче и холодней:

- Уходи!

- В смысле? - осторожно уточнил маг.

- В каком хочешь смысле! - рывкнул Феронд, вставая с кровати, откладывая в сторону портрет и хватая мага за грудки. - Убирайся отсюда! - прошипел он, и маг смотрел в блестящие увлажнившиеся глаза, чувствуя, как сильные руки дёргают его вверх, заставляя подняться на ноги. - Хочешь жить в горах - иди в горы! Сможешь спокойно жить там - так проваливай! И мне плевать, что ты думаешь обо мне и Браве! Я попытаюсь убить Гринора, потому что по-другому не могу!

- Ты не понял! - попытался оправдаться маг. - Я не собираюсь бросать тебя тут. Если ты не уйдёшь, я останусь с тобой, хоть это и будет стоить мне жизни! Я просто предложил...

- Уходи! - повторил Феронд, и Лайгон понял, что тот едва сдерживается, чтобы не ударить его.

Мага оттащили к двери и отпустили.

- У тебя есть свои покои, вот туда и проваливай, если желаешь остаться со мной до конца!

- Феронд, давай не будем ссориться в последний день...

- Прекрати так говорить! Я ещё не убит, и ты тоже! - он открыл дверь и вытолкнул упирающегося и протестующего брата в коридор, после чего закрыл дверь и запер её на щеколду.

Маг, оказавшись выдворенным, привалился спиной к стене и вздохнул, прикрывая глаза. Он всего лишь хотел попытаться спастись. В этом не было бы ничего постыдного. Когда они шли в Валинкар, они не так всё себе представляли. И предстоящий поединок был чистейшим самоубийством. Никому ничего не доказывающим. Лайгон подумал, что зря вообще предложил брату уйти. Было ясно, что этот самоуверенный принципиальный тип отвергнет его идею. Но что из-за этого он умрёт обиженным на него, никак не входило в планы Лайгона. Он и подумать не мог, что все его слова послужат лишь доказательством его малодушия и трусости.

Феронд принялся точить меч. Надо было занять себя чем-то, пока эмоции не улягутся. Он был рассержен и разочарован. Как в Лайгоне, так и в самом себе. В брате - потому, что тот допустил подобные мысли, а в самом себе - потому, что позволил ему их допустить. Он знал, что уже не в такой отличной форме, не такой непобедимый и давно не тренировавшийся. Но отчего-то гнев и желание отомстить давали ему уверенность в том, что шансы у него есть. Он может победить... потому что просто не может проиграть. Потому что не может быть такого, что они прошли такой долгий путь и не погибли у недлов, чтобы вернуться и расстаться с жизнью в родном дворце от рук сородича. Такого не могло быть. Это противоречило понятиям о добре и зле, о справедливости и чести, а также всем сказкам, которые Лайгон рассказывал недлам и полумагам.

Он подготавливал меч, временами бросая взгляд на портрет Бравы. Да, он хотел бы прожить с ней жизнь. Но прожить, а не просуществовать.

Утром Феронд направился к покоям брата. Уверенность в победе была ещё при нём, но помириться с братом следовало. На всякий случай. Они не ссорились никогда, разве что в раннем детстве, да и то не всерьёз. И сейчас, перед поединком, Феронду хотелось увидеть Лайгона и сказать, что он погорячился, увидеть, что тот понимает и не осуждает его. В идеале, конечно, что верит в него. Но об этом и мечтать не приходилось. В Феронда в этом дворце верил лишь он сам, хотя его уверенности хватило бы на многих. К сожалению, беспочвенной, необоснованной и глупой уверенности.

Но мага в покоях не оказалось. Кроме того, дверь была подозрительно не закрыта, а в помещении царил ещё больший бардак, чем обычно. Мужчина нахмурился. Брат мог уйти к Аринго, мог просто не ночевать здесь, а мог переночевать и просто пойти куда-нибудь. Но предчувствие подсказывало ему, что не всё так мирно, и что-то не так.

Он принялся бродить по дворцу, ища Лайгона, но его нигде не было.

- Тебя ждут на площади для поединка, - сказал какой-то валинкарец, приблизившись к Феронду.

Тот растерянно кивнул. Конечно, маг мог уйти. Его мало волновали правила, Валинкар теперь вызывал неприязнь, и, поссорившись с братом, он действительно мог отправиться либо в горы, либо на поиски матери и сестры. Решив, что так даже лучше, Феронд направился вслед за валинкарцем. Тот шёл молча, искоса поглядывая на своего спутника.

- Помнишь, как все ужинали вместе? - спросил его Феронд.

- Помню, - отозвался тот, хотя по голосу было ясно, что ностальгию вызвать не удалось.

- Давно это было.

- Хорошие ведь были времена, - продолжил Феронд. - И их можно вернуть.

- Нет, увы, - пожал плечами валинкарец. - Вернуть времена нельзя. Знаешь, всё, что ни делается - всё к лучшему.

- Да уж, - кивнул мужчина. - Вопрос лишь в том, для кого? Для кого к лучшему?

Собеседник не ответил. Валинкарцы не любили болтовню и дискуссии подобного рода. А Феронд за время общения с Лайгоном уже так привык к словестным перепалкам, что и позабыл, что они - прерогатива его брата, и помимо него никому не интересны.

Они вышли на улицу. Толпа народу окружила площадь, и лишь по небольшой узкой дорожке можно было попасть в центр, туда, где стоял Гринор и что-то самодовольно вещал. Феронд не слушал. Ему вдруг остро стало жаль, что брат ушёл. Не от того, что тот бросил его, и не от того, что испугался. Это всё он мог ему простить. Но не мог простить себе, что прогнал его за попытку спасти им жизни и теперь рисковал погибнуть, не попрощавшись с ним. Это угнетало, но одновременно придавало сил. Он не должен погибнуть. Надо убить Гринора, вернуть Браву и своих родных в Валинкар и восстановить всё, чтобы было, как прежде.

- А вот и мой соперник! - радостно крикнул Гринор. - Посмотрите на него. И запомните его, потому что скоро он станет неузнаваем!

- Прекрати паясничать! - прошипел Феронд, обнажая меч.

- Грубо, - констатировал правитель. - И глупо. Я думал, ты потянешь время, чтобы хоть немного продлить свою жизнь! - но тем не менее, он тоже ловко достал меч из ножен и эффектно покрутил его в руке, при этом коварно скалясь.

Нападать он не спешил. Ему это было и ни к чему: злобой горел не он, да и торопиться ему было некуда. Он прекрасно понимал, что стоящий напротив него валинкарец не сможет противостоять ему.

Феронд стал медленно подходить ближе, причём Гринор, издевательски поигрывая своим мечом, постепенно отходил от противника по кругу, не позволяя приблизиться. Он улыбался, стараясь разозлить и без того напряжённого соперника. Феронд старался не поддаваться гневу, он отлично знал, что спешка и ярость - плохие помощники в бою. И всё-таки начинать кто-то должен был, и поскольку Гринор всем своим видом показывал, что схватка вообще ему

не интересна, и он проявлять инициативу не будет, пришлось Феронду идти у него на поводу и нападать первому.

Он стремительно бросился к врагу и резким выпадом выбросил руку с мечом вперёд, однако противник ловко ушёл от удара в сторону. Феронд тут же постарался нанести новый удар, но Гринор успел заблокировать его своим клинком. Лезвия проскрежетали друг о друга, и правитель Валинкара приложил немало усилий, чтобы оттолкнуть меч Феронда от себя. В это действие он действительно вложил сил, не поскупившись, и потому Феронду пришлось постараться, чтобы меч в руках удержать. Он наклонил его, чтобы меч Гринора соскользнул по лезвию его меча вниз, но тот предугадал это и быстро отвёл оружие для нового удара. Феронд исхитрился парировать удар, правда без изысков: просто отразил нападение, после чего противник сам отступил на шаг назад.

Гринор глядел на тяжело дышащего, захлёбывающегося ненавистью соперника и улыбался ему. Получилось вывести из себя. Пока что просто вывести. Следовало пойти дальше - ввергнуть в бешенство, заставить потерять контроль над собой и потратить все свои силы на отчаянные попытки добраться до него. Феронд снова напал, и снова это не увенчалось успехом. Гринор сперва уходил от ударов, даже не пытаясь скрестить мечи. Насмехался, проворно двигаясь по площади и не давая зацепить себя исключительно благодаря перемещениям. Потом ему, видно, это надоело. Он решил, что публика, за реакцией которой он не забывал следить, достаточно полюбовалась им и оценила его проворность. Гринор перешёл в наступление.

Феронд бросил взгляд на толпу, лишний раз убеждаясь, что он, впрочем, как и Гринор, безразличен им. Сейчас этим валинкарцам совершенно нет разницы, кто падёт. Выйдя на поединок, Феронд и Гринор оказались в одинаковом статусе: претенденты на трон. И всем было плевать, кто победит. Кто победит, за того и порадуются, тот и станет их повелителем. Это казалось Феронду дикостью, но не об этом он думал, пытаясь противостоять Гринору.

Он думал о брате. Лайгон был прав. Чудовищно прав. Этот месяц истощил Феронда настолько, что он сам поражался немогущности своего тела, которое прежде с лёгкостью уходило от ударов, блокировало, нападало и исполняло все прихоти своего хозяина. Теперь всё было не так. Феронду никак не удавалось перехватить инициативу. Он находился в глухой обороне практически с самого начала активного нападения противника, и даже обороняться получалось паршиво. Гринор атаковал молча, не говоря ни слова, но глаза его смотрели ехидно, словно он играл и тянул время. Словно мог проткнуть некстати напомнившего о себе наследника валинкарского трона мечом, но не делал этого, желая вымотать и унижить. Если это действительно было его целью, то он шёл к ней верным путём. Феронд постепенно утрачивал уверенность в победе. Но это лишь разжигало его ненависть. Поняв, что Гринор будет вести свою игру, пока он не выдохнется, и что этот момент уже близок, мужчина решил попытаться напасть во что бы то ни стало. И хотя он понимал, что вряд ли меч найдёт свою цель, но разум начинал отказывать ему. Теперь Феронд руководствовался лишь яростью. Гринор заметил это и остался доволен: это было то, что нужно. Теперь вымотать противника было очень просто.

Феронд постарался поднырнуть под занесённым мечом противника и пронзить его незащищённую грудь, но Гринор внимательно следил за ним, и быстро передумав бить мечом, ударил ногой в колено, поскольку противник приблизился к нему. Меч Феронда рассёк воздух, лишь слегка задев бок Гринора, отчего тот поморщился, и глаза его вспыхнули гневом. Он не рассчитывал, что с этим обессиленным валинкарцем могут возникнуть проблемы. Феронд устоял на ногах, хотя коленная чашечка ныла и наливалась кровью. Он отпрыгнул подальше от противника и с тоской подумал о том, что Гринор за столько лет не забыл его манеру вести бой и теперь с лёгкостью предугадывал любое его движение. Следовало сделать что-то, чего он обычно в поединках не делал. Вот только мужчина не был уверен, что какой-то неотработанный манёвр у него теперь получится.

К тому же разозлённый Гринор больше не собирался тянуть время. Одного ранения ему вполне хватило, чтобы решить, что пока заканчивать этот поединок. Он стал двигаться резвее, выпады его стали резче, и блокировать их было всё сложнее. Отражая серию ударов, которые Гринор наносил один за другим, Феронд не успел вовремя отреагировать на то, что противник резко метнулся в сторону, оказываясь сзади. В ту секунду, когда Феронд понял свою оплошность, ему подумалось, что это конец, ибо Гринор с удовольствием бы всадил лезвие ему меж лопаток. Однако у противника уже были другие планы насчёт исхода этого поединка. Он лишь слегка ткнул Феронда в правое плечо остриём меча, при этом ударяя ногой под колено, заставляя потерять равновесие. Оседающего противника Гринор огрел по голове наверху рукояти меча, отчего тёмные каштановые волосы валинкарца стали увлажняться от выступившей из раны крови. Перед глазами темнело, и удар в спину заставил Феронда повалиться на истоптанную землю. Гринор ударом ноги по руке выбил меч у противника, но тот отлетел не очень далеко.

Гринор оглядел толпу, которая тут же загудела, приветствуя его. У валинкарцев снова был правитель. Теперь они могли за него порадоваться, и делали это весьма воодушевлённо. Победитель улыбался, весьма довольный, что всё прошло по плану.

Феронд постарался собрать остатки сил и с трудом перевернулся на спину, как бы невзначай приблизившись к своему мечу. Меч теперь оказался совсем недалеко, и также недалеко упивался своей победой злейший враг. Это было хорошим стимулом, чтобы преодолеть боль и головокружение в попытке хоть немного ещё побороться. Но улыбающийся жителям Гринор бдил. И потому от него не укрылась жалкая попытка поверженного добраться до своего оружия. Гринор не дал ему дотянуться до меча, прижав руку к земле сапогом и надавливая на него всем весом. Феронд зарычал и собирался предпринять попытку высвободить прижатую руку, но шею его обожгло болью. Противник не стал протыкать её или перерезать горло, лишь чуть надрезал кожу под подбородком, как бы напоминая, что он по-прежнему при оружии и следит за происходящим. Какие глаза гневно взглянули на Гринора. Врать себе и дальше не было смысла: он проиграл. Столько выигрывал, столько побеждал, но в решающем, настоящем поединке не смог выстоять. Осознавать этот факт было горько. Осознавать свою вину и приближение неминуемой смерти от рук врага - ещё горше.

Гринор усмехнулся, глядя на поверженного Феронда, потом провёл остриём меча по его щеке, оставляя тонкую царапину. Снова усмехнулся, глядя, как из пореза проступает кровь, и напомнил:

- Ты говорил, что никогда не позволишь мне плохо обращаться с твоим братом... Так смотри же! - он подал знак стражникам, и те вытолкнули на площадь Лайгона.

Феронд замер. Предчувствие чего-то нехорошего при посещении пустующих покоев мага не подвело его. Лайгон никуда не уходил, или уходил, но был пойман. И теперь вытолкнут с такой силой, что устоять не смог и оказался лежащим на земле.

Он был избит, в окровавленной потрёпанной одежде и выглядел окончательно обессиленным. И всё же маг медленно отжался от земли и встал на ноги, хоть твёрдо стоять у него и не получалось. Он смотрел на распростёртого на земле Феронда, к горлу которого был приставлен меч, и зелёные глаза выражали сразу столько всяких эмоций, что какую-то основную выделить было нельзя. Он сочувствовал брату, ругал его за самоуверенность, презирал себя за беспомощность, ненавидел Гринора за предательство и весь народ Валинкара за приверженность традициям. Они проиграли. И валинкарцы, прежде смотревшие на Феронда с безразличием, теперь смотрели, как на проигравшего. Без радости или сожаления, без упрёка или поддержки, лишь с лёгким любопытством: что же будет дальше. Лайгон не понимал их. Этот народ не любил кровопролития, не был столь уж жесток, но перед ними словно не разыгрывались судьбы людей, от которых зависело всеобщее будущее, а просто исполнялся древний обычай. Проигравший в таком поединке подлежал уничтожению, но это никого не заботило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.